Млечный Путь

ВЫПУСК 3 2012 (3)

Литературно-публицистический журнал

Иерусалим

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Издательство «Млечный Путь» приступило к выпуску литературно-публицистического журнала «Млечный Путь». Подробнее можно почитать здесь.

Журнал будет выходить ежеквартально.

- Журнал «Млечный Путь» № 02 2012 г.
  - Наталья Резанова
  - Виталий Забирко
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
  - Леонид Моргун
  - Семен Цевелев
  - Ира Кадин
  - Валерий Цуркан
  - Кирилл Луковкин
  - Наталия Ипатова
  - Татьяна Адаменко
  - Станислав Лем
    -
    - I
    - II
    - III
    - IV
    - V
  - Павел Околовский
  - Эдвард Бенсон
  - Уильям Харви
  - Владимир Гопман
  - Юрий Лебедев
    -
    - О чем речь?
    - Принцип причинности
    - Непрерывность и причинность
    - Все ли в этом мире гладко?
    - Мы выбираем!
    - Причинность в космологии
    - Дорога в тысячу ли…
  - Михаил Шульман

        - Скорость света — все-таки предел!
        - Кто открыл расширение Вселенной?
        - Эффект Доплера или «растяжение» световой волны?
        - Ускоряется ли расширение Вселенной?
        - Открытие века?
    - Елена Соснина
    - Андрей Медведев
    - Александр Габриэль
    - Сведения об авторах
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28

Журнал «Млечный Путь» № 02 2012 г.

Наталья Резанова
Третий день карнавала

Статья была закончена аккурат, когда начало темнеть. И очень хорошо: иначе пришлось бы зажигать лампу, а керосин подорожал. Вдобавок от его сладкого запаха у меня начинает болеть голова.

Никто меня не торопил: из-за карнавала типография была закрыта, и у меня в запасе имелся еще день. На сей раз мне дали времени больше, чем обычно. Предполагаемое строительство подземки в Тримейне уже перестало быть горячей новостью, и шеф требовал «глубокого аналитического разбора» всех плюсов и минусов грядущей стройки. На кого еще свалить, как не на меня? Реакция городских властей предсказуема, а тут можно было отбрехаться — «баба писала, что она в этом понимает?»

Я ни в коем случае не склонна была осуждать шефа за эти милые уловки, но также не собиралась оповещать его, что могу работать быстрее, чем он думает. Иначе совсем на шею сядут, мать их… Могу я позволить себе хотя бы день отдохнуть, как все нормальные столичные жители? Правда, выспаться, как мечталось, все равно не удастся. Вскоре на улицах начнется самая потеха.

Я снимала мансарду в старом университетском квартале. После «великой перепланировки столицы», что последовала за гражданской войной, самые обветшалые дома здесь были снесены, но и тем, что поновее, было лет по двести. А новая застройка сюда еще не добралась. Потому и жилье здесь было дешево (относительно, конечно), и публика обитала соответственная. Когда они начинают веселиться, тут такой грохот и гам стоит, что иностранец решит — опять война началась.

А выползать смотреть на все эти шествия-танцы-пляски неохота. Мне этого добра в рабочее время хватает. Когда пишу театральные обзоры. Так что следует посмотреть, что осталось из жратвы, и все-таки попытаться поспать. Заткнув уши.

И в этот момент, разумеется, в дверь постучали. Неужто начальство все-таки пригнало посыльного за статьей?

— Кого там еще черти несут?

— Подруга моя, ты, как всегда, любезна.

Голос был мне знаком, и я сползла со стула, чтобы открыть дверь.

Либби ввалилась в комнату, шурша цветастым платьем с

множеством оборок. Маска болталась на груди, белокурые кудряшки рассыпались по плечам и прилипали к потному лбу. Погода стояла нежаркая, но Либби то ли успела недавно сплясать на улице, то ли взмокла, взбираясь по крутой лестнице.

— Ну ты даешь! — бесцеремонно провозгласила она, плюхаясь на табуретку. — Третий день карнавала, а ты сидишь тут, как сова… Нет! Я этого так не оставлю. — Она стукнула кулаком по столу. — Веселиться!

Не то чтоб мы были такими уж близкими подругами, но давность знакомства давала Либби право на некоторую фамильярность. Мы вместе посещали муниципальную школу для девочек на улице маршала Рондинга. Паршивая была школа, надо сказать. Но ни у моих родителей, ни у родителей Либби не было средств оплачивать гимназию. А мы обе понимали, что надо так или иначе получить образование, поскольку придется зарабатывать на жизнь. Ибо фея, выдающая благонравным девочкам в награду за хорошее поведение богатых женихов, ушла в бессрочный отпуск.

После школы я потеряла Либби из виду, слышала только, что она устроилась сестрой милосердия в госпиталь святой Гизелы. И несколько лет спустя, когда я уже закрепилась в «Тримейнском курьере», встретила ее вновь. Жизнь репортера столичной газеты отнюдь не складывается из общения с разными богемными компаниями, хотя модные романы создают такое впечатление. И общаемся мы с этой публикой — актерами, музыкантами, художниками — чаще ради информации. Но общаемся, это верно. Вот в компании молодых художников я и встретила Либби. В качестве натурщицы.

История, которую она мне поведала, ничего удивительного в себе не содержала. Госпиталь святой Гизелы — старейшая и самая почтенная больница Тримейна, но, как и везде, сестрам там платят гроши. Прожить на них решительно невозможно. Либби стала искать приработков, и оказалось, что приработок приносит больше дохода. Вдобавок работа в больнице — тяжелая и грязная, а позируя, всяко не надрываешься. Да и возможность повеселиться есть, а Либби, что скрывать, любила это дело. О том, что будет после того, как она утратит товарный вид, Либби не задумывалась, поскольку в настоящее время проблем с заработками у нее не было. Либби — девица высокая, пышная, белокурая — во вкусе Рубенса или Кнаппертсбуша, и если вы посещаете вернисажи или вхожи в живописные салоны, то наверняка лицезрели ее в обликах античных богинь, наяд, дриад и тому подобных персонажей. Особой популярностью она пользуется у представителей школы «Эрдского пробуждения»: они

считают, что со своей статью, русыми кудрями и голубыми глазами моя однокашница соответствует образу «северных девоительниц» (вот сейчас прямо она все бросила и ратоборствовать побежала, только папильотки из волос вынет).

И всю свою жизнерадостность Либби была намерена обрушить на меня.

— Хватит уже свои каракули черкать! Карнавал же! Будем развлекаться!

— А почему бы и нет… — иногда лучше уступить, чем спорить. Я убрала статью в ящик, нашарила под столом плетеную бутыль с красным фораннанским, оставшуюся после очередных гостей, и выдвинула ее оттуда. — Тут вроде еще есть. Выпьем, посидим…

— Нет уж, нет уж! Никаких посиделок за бутылкой с задушевными разговорами! Сейчас карнавал, дурища! И я заставлю тебя веселиться во что бы то ни стало! А если тебе деньги жалко тратить — ладно, угощаю! Хотя ты и сама получаешь прилично, скупердяйка бессовестная.

Тут она была не права. Я экономлю вовсе не из скупости. Да, у меня бывают неплохие гонорары (хотя могли бы быть получше). Но ветеранская пенсия отца — это горькие слезы. Поэтому большая часть моих заработков уходит родителям, а того, что остается, хватает в точности на то, чтобы снимать эту мансарду и не помирать с голоду. Ну, раз Либби приглашает — грех не воспользоваться.

Жакет, башмаки, кой-какие мелочи для самозащиты — и я готова к выходу.

— Ты бы хоть принарядилась, что ли, — Либби оглядела меня с сомнением. — Праздник все-таки.

— А вот у меня накидка с капюшоном. Сойдет за эту… как ее… баутту.

— А как же маска?

— Ничего, капюшон надвину. Здесь не Несса, мы не для туристов развлекаемся, а для себя. Да и прошли те времена, когда за появление без маски на карнавале могли и побить.

Тут не совсем права была я — не насчет маски, а насчет туристов. Кое-где в Тримейне празднества устраивались именно для того, чтоб завлекать заезжую публику побогаче — например, в парке при бывшем загородном императорском дворце в Иснаре. Там и фейерверки самые зрелищные, и лучшие театральные представления, и «высокая кухня». Но мы туда не направились — не по карману, да и далеко. Хотя в конечном счете приземлились мы именно в парке — после того как потоптались на переполненных народом улицах и получили свою долю тычков,

щипков, непристойных предложений и тому подобных праздничных радостей.

Либби хотелось плясать, мне — есть, а ничего подходящего нашим запросам на улицах не наблюдалось. Я спросила у Либби, почему она не в своей богемной компании, и получила в ответ нечто невразумительное. Наверное, поссорилась со своим нынешним дружком (тем, что писал с нее маркграфиню Мехт) и теперь пребывала в поиске нового кавалера, я же нужна была как предлог.

Таким образом, мы добрались до Кауль-парка. Некий предприимчивый господин Кауль еще до прошлой войны устроил в нем летний театр и открытую площадку для танцев. И хоть было уже не лето, народ в праздничные дни устремлялся сюда со всей охотой.

Я, между прочим, здесь и по делу бывала. Тут выступала знаменитая шансонетка Тереза Шаброль, она же Звезда Подонков, играл оркестр маэстро Олифанта, пел мрачный исполнитель уголовных романсов Эпаминонд Ботан — обо всех них мне приходилось писать. Но сейчас меня больше волновало то, что в аллеях парка расположились многочисленные едальни.

Я пресекла все попытки Либби затащить меня в кондитерские и пирожковые и решительно направилась туда, где пахло жареным мясом. Это было небольшое кафе под тентом. Хозяин стоял за стойкой, а его помощник готовил на решетке мясо с овощами. Его-то я и заказала, в смысле мяса, а не помощника, в то время как Либби, томно наморщив нос («как ты можешь столько жрать, и как это в тебя влезает?»), направилась к бару и жеманно заказала рюмочку шерри-бренди. Ничего, через пару часов будет трескать жареные пироги, запивая их галлонами пива (лишь бы не абсента).

Я уселась за стол, прислушиваясь к звукам музыки, доносившимся с разных сторон парка. Оркестра было два. На северо-западе вальсировали, на юго-востоке канканировали. Причем исполнителей канкана отсюда было даже видно.

Принесли мясо, и я принялась восстанавливать силы. То, что я объедаю Либби, меня не смущало. Она наверняка раскрутит какого-нибудь кавалера. А нет здесь подходящего — так заберется на эстраду… и после того, как девушка с такими формами спляшет канкан, обязательно найдутся желающие оплатить ей ужин.

Ага, так и есть. И плясать не пришлось. Уже болтает с кем-то у барной стойки. Как со старым знакомым. Я рассеянно окинула взглядом приобретение Либби. Ничего, с виду приличный. Лет под тридцать, худое симпатичное лицо, короткие темно-русые

волосы, подстриженные усы. Пиджак и брюки не новые, но из хорошей ткани, вместо жилета — вязаный кардиган. Явно из образованного сословия, но на окружающих Либби художников и скульпторов не похож. Инженер или…

Я не успела додумать, потому что они проследовали к столу.

— Хелен, познакомься, это доктор Штейнберг. Мы вместе работали у святой Гизелы.

Эк я дала маху. Не «как давние знакомые». В самом деле давно знакомы.

— Доктор, это моя подруга Хелен Тайрон. Она журналистка.

Тут все ясно. Демонстрация доктора мне — «и я занималась серьезной работой», демонстрация доктору меня — «И у меня есть культурные знакомые». В общем, и мы не армейским сапогом рагу хлебаем. Я приготовилась к традиционному дурацкому вопросу, откуда я знаю Либби, но доктор, усаживаясь за стол, спросил:

— Тайрон? Это не вы писали в «Курьере» о положении дел в военных госпиталях?

Я даже оторвалась от ужина.

— Мне всегда казалось, что врачи не очень-то читают материалы, написанные… эээ… неспециалистами.

— Но, видите ли, до святой Гизелы я сам работал в военном госпитале. И ситуацию знаю не понаслышке. Удивительно, как ваша статья прошла цензуру.

О, да. Скандал тогда был на весь Тримейн — тиражи газеты резко подскочили (хотя мне с этого ничего не перепало), а на меня уронило свой взор военное ведомство. Если б они взялись за меня всерьез, скорее всего, меня бы посадили, и никакие знакомства в полиции мне б не помогли, потому как ведомство это совершенно другое. К счастью, волшебное заклинание «писала баба» сработало и в тот раз, с газеты слупили штраф, но, учитывая рост подписчиков, это быстро окупилось. Всего этого, конечно, первому встречному я рассказывать не собиралась и потому снова принялась за еду.

— Вы здесь за новым материалом?

— Нет, просто ужинаю. — И почему все всегда думают, что репортеры вечно рыщут за добычей? Хотя, если он расскажет что-то интересное, я этим пренебрегать не стану.

Он немного помедлил со следующей репликой, и Либби, воспользовавшись моментом, вклинилась в разговор, принявшись расспрашивать о каких-то общих знакомых.

— Не знаю, — отвечал доктор, — по правде сказать, я уже не работаю у святой Гизелы… перешел в другую клинику.

— Вот как? — Насколько мне было известно, у врачей в госпитале святой Гизелы, в отличие от сестер, жалованье было

вполне приличное.

Он, кажется, уловил ход моих мыслей.

— Я ушел не ради заработка, это был скорее научный интерес… перешел в клинику профессора Сеголена.

Тут я навострила уши. Действительно, я не специалист в медицинских вопросах, но кое-какие сведения по теме отлавливаю. А профессор Филипп Сеголен наделал немало шуму своими публичными заявлениями. Если верить им, то с лечебницами для душевнобольных у нас дела обстояли еще хуже, чем с военными госпиталями. Больных, правда, не держат на цепях, как в прошлом веке, но в лучшем случае просто изолируют от общества, в худшем же подвергают их методам физического воздействия и морят голодом. И это — когда в других странах взяты на вооружение передовые методы: инъекции, гипноз, лечение электричеством, оздоровительные ванны… В общем, доктор Сеголен — личность прогрессивная, кумир либеральной общественности и объект яростной ненависти медиков старой школы. И да — я слышала, что благодаря частным пожертвованиям, Сеголену удалось открыть собственную клинику.

— Что, клиника профессора Сеголена действительно такое передовое заведение, как говорят?

— Разумеется… но может быть, не стоит об этом? Девушки пришли на карнавал, развлечься, а я им про такое.

— Карнавал — это тоже сумасшествие, — хихикнула Либби, вот уж от кого не ожидала поддержки.

Доктор воспринял это как проявление интереса.

— Может, сначала выпьем? — Он повернулся к стойке.

— Остались только шипучка и портер! — крикнули оттуда.

— Давайте портер, — сказала я.

— Эх, гибни моя талия… — красноречиво вздохнула Либби.

Доктор принес всем по кружке, и мы выпили за встречу. Потом я напомнила о своем вопросе.

— Да, — подтвердил Штейнберг, — все оборудовано по последнему слову науки.

— Мне вот что любопытно — вы уж простите, доктор, это профессиональное — как Сеголену удалось раздобыть достаточно средств на покупку здания в городской черте? Ведь это частная клиника, не государственная, а Сеголен не из семьи миллионеров. У нас, конечно, есть благотворительные фонды, но, учитывая, как взлетели в последние годы цены на недвижимость… разумеется, если это секрет…

— Никакого секрета здесь нет, — перебил он меня. — Все дело в том, что профессору удалось купить здание практически

по цене земельного участка. Видите ли, это бывший особняк виконтессы Эльстир.

— Ах, вот оно что…

— Нечего тут по-китайски разговаривать, — сердито сказала Либби, — нормальным людям непонятно!

— Либби, ты что, в школе все уроки истории прогуливала?

— При чем тут это?

— Вспомни седьмой класс, раздел «революционные кровопролития».

— Так это когда было!

Не знаю, что имела в виду моя подруга — учебу в седьмом классе или события почти столетней давности. Надеюсь, что последнее. Наша революция не было отмечена продолжительными периодами террора, подобными тем, что имели место во Франции, но все же без проявлений жестокости не обошлось. Доказательством была судьба Клары-Виктрикс Эльстир. Общественное мнение обвиняло ее в том, что вовлекла императорское семейство в неумеренные траты из государственной казны, для чего она прибегла к черной магии. Результатом стали череда неурожайных лет, массовый голод и эпидемии. Хотя, строго говоря, вся вина виконтессы заключалась в увлечении модными тогда оккультными теориями, всяким магнетизмом-месмеризмом, а более всего в том, что она была дружна с императрицей Эуфимией. В начале революции императорская чета, как известно, бежала морем за границу (дурацкое словосочетание «бежала морем», но так было написано в учебнике), и толпа сорвала ярость на виконтессе Эльстир. Ее буквально растерзали (о подробностях, в учебник не попавших, я лучше умолчу), а отрубленную голову водрузили на пику под окнами Нового дворца.

Это я вкратце изложила Либби и добавила:

— Насколько мне известно, после Реставрации особняк вернули наследникам виконтессы.

— Это так. Но они его продали. Следующие владельцы — тоже. Видите ли, с этим зданием были связаны разнообразные дурные слухи…

— Угу, я тоже это слышала. Вроде бы там бродит обезглавленная Клара-Виктрикс и ищет свою потерянную голову. И тому подобное.

— В общем, сложилось устойчивое мнение, что дом приносит несчастья всем своим владельцам, меж тем, здание, стоявшее сто лет назад за пределами города, теперь оказалось внутри него, и не в худшем из кварталов.

— Это ведь недалеко отсюда?

— Да, не очень. Цена из-за репутации дома все время падала. Профессор Сеголен, будучи человеком просвещенным, не придавал значения всем этим суевериям. Он купил особняк, полностью отремонтировал его, а частично и перестроил, чтобы тот мог служить в качестве современной лечебницы.

Окончание рассказа было вполне благополучным, но в голосе доктора я что-то не слышала триумфальных нот.

— Ну, так это прекрасно.

— Да, прекрасно. — Он совсем помрачнел. Неподалеку раздался выстрел, и доктор, побледнев, вскочил с места. Лишь мгновением позже он осознал то, что остальные поняли сразу, — в аллее разорвалась шутиха.

А у врача из нервной клиники нервы ни к черту… Определенно, в прогрессивной лечебнице дела обстояли не самым лучшим образом. Но расспрашивать об этом — преждевременно. Пусть сам дозреет.

— Прости, Либби. Ты же плясать хотела, а я тут затеяла эти разговоры…

— А мне интересно! — очевидно, после кружки портера страшилки увлекли Либби больше, чем пляски. — Вот если бы кто-нибудь написал об этом, уж я бы почитала. — Тут ее осенило. — Вот ты и напиши!

— Для профессора Сеголена это вряд ли будет хорошей рекламой. Ну, это как доктор скажет. Впрочем, я все равно сейчас занята другой работой — статьей о строительстве метрополитена.

Я специально ввернула этот малоупотребительный термин вместо привычной «подземки». Если доктор сейчас начнет выспрашивать, что там и как, значит, я ошиблась, и проблемы в клинике Сеголена вовсе не так значительны.

— Нет, об этом не следует писать, — сказал Штейнберг. — Там возникли некоторые сложности… профессор считает, что надо избежать огласки, а я вот не уверен.

Есть! Заглотил наживку. Одним мужчинам надо изливать душу священникам. А другим — девицам на карнавале. Даже если одна из них репортерша. Однако наживка должна быть вкусной…

— Вообще-то, учитывая специфику вашего учреждения, странно было б скорее, если б не возникло никаких проблем. Даже и без связи с мрачной славой особняка и скорбной судьбой виконтессы et cetera. Конфликты с родственниками пациентов, да и сами больные — не такие, как в обычном госпитале.

— Если б это было так, никто из нас не стал бы заморачиваться. Но проблемы связаны именно с пресловутыми слухами и легендой о призраке виконтессы. Я не берусь даже

определить, кто за этим стоит. У профессора Сеголена множество врагов в медицинских кругах, и они идут на все, чтобы доказать ошибочность его методов лечения, не брезгуя самыми грязными методами. Но, возможно, дело не в них. Дом, как я уже сказал, перестроен и находится в отличном состоянии…

— …и если заставить снова продать его по бросовой цене, кто-то получит немалую выгоду, так?

— Вы все правильно уловили.

— Нет, не все. Кто-то мешает профессору, запугивая ваших пациентов призраком безголовой Клары-Виктрикс?

— В общем, да. — Вид у доктора стал совсем удрученный. Его можно было понять. Пациенты и без того психи, а если их еще основательно напугать, там такое начнется… тут уж не только портером, тут чем-то покрепче необходимо лечить нервы.

— Но у психиатрической клиники непременно должны быть дежурные охранники. Они что, не в состоянии поймать мошенников?

— Охранники, безусловно, есть. Также и врачи, и санитары добровольно вызывались нести стражу в ночное время, но не смогли поймать никого, кто бы проник снаружи на территорию клиники.

— Вы намекаете, что злоумышленник находится внутри клиники? И скрывается под личиной кого-то из персонала? Или пациента?

— Об этом мы тоже подумали, и профессор провел внутреннее расследование. Однако все сотрудники клиники — уважаемые люди с безупречными рекомендациями. А больные — ну, это больные.

То есть признать, что среди пациентов затесался симулянт — значит поставить под сомнение репутацию обожаемого профессора. Ну, а я при своей работе таких притворщиков повидала, куда там почтенным докторам. Опять же, безупречные рекомендации легко подделываются… Но зачем я буду огорчать доктора подобными замечаниями, особенно при том, что я еще не выковыряла изюм из этой булки?

— Ладно, оставим пока в стороне ваших недоброжелателей и вернемся к мрачным историям этого особняка. Быть может, они выведут нас на личность мошенника.

Доктор нахмурился.

— Должен заверить вас, что никакого призрака виконтессы в окровавленном саване, требующего назад свою отрубленную голову, никто не видел.

— Да и каким местом она его требует, если голова отрублена? — цинично заметила Либби.

— А учитывая обстоятельства убийства, там и савана не должно быть, — добавила я.

— А какие там были обстоятельства?

— Когда толпа ворвалась в особняк, Клара-Виктрикс попыталась укрыться в одной из комнат. Почему-то она считала, что там будет в безопасности, во всяком случае, так пишет Маккензи в «Истории революции». Разумеется, она ошиблась, и ее выволокли оттуда. Убийство произошло на улице. Полагаю, на жертве в это время было домашнее платье.

— Я бы на ее месте выскочила через чердачное окно. Или удрала через погреб.

— Разумно. А я бы просто постаралась не оказаться на ее месте. Но мы с тобой, Либби, не аристократки старого режима. Извините, доктор, мы все время вас перебиваем. Вы рассказали, чего в особняке не видят. А что видят?

— Да в том-то и дело, что ничего! — с досадой воскликнул он. Если б доктор не был в таком настроении, я бы решила, что он неудачно пошутил. Сообразив, как это прозвучало, он уточнил: — Я бы не сумел описать это как зримый образ. Люди говорят о неких сгустках тьмы, появляющихся из темных же закоулков здания и внезапно исчезающих. Таких, будто тьма в них приобрела некую плотность и способность перемещаться по своей воле. А также о том, что от них исходит леденящий сердце холод. В общем, игра теней…

— Люди — это пациенты или персонал?

— И те, и другие.

— Однако, по-моему скромному разумению, эти сгустки тьмы больше подходят на роль призраков, чем скелет в саване, бряцающий ржавыми цепями… или как там обычно рисуют гостей с того света. И как раз поэтому того, кто эту пакость вам устроил, сложнее поймать. Явление традиционного призрака — с саваном и цепями — требует некой бутафории и костюмов. Здесь, полагаю, достаточно только фонаря, чтобы создать игру теней для нужного эффекта. А может, и фонаря не надобно. Каким бы капитальным не был ремонт, каким бы современным не было оборудование лечебницы, она все равно остается старым домом, овеянным мрачными легендами. Достаточно запустить подходящие слухи да погнать их в правильном направлении, как призраки сами собой начнут мерещиться в каждом углу. Врачи, конечно, люди просвещенные, но среди них и сиделок наверняка найдутся суеверные. Про пациентов и не говорю. В такой ситуации очень трудно объяснить окружающим, что не стоит бояться, не то что поймать злоумышленника на горячем.

— Если б это была только массовая истерия, которая, в конце

концов, лечится как медикаментозно, так и специальными процедурами, мы бы справились. Но когда доходит до смертных случаев… — он осекся, сообразив, что сказал слишком много.

Я не заорала: «Продолжайте, продолжайте!», а выдержала подобающую паузу. Потом сказала:

— Вот, значит, как. Почему же вы не обратитесь в полицию? Уверяю вас, там не все сплошь болваны, хотя нынче принято так думать. — Я знала, о чем говорю, но не стала уточнять откуда.

Доктор, осознав, что я не гоняюсь за сенсациями (а я не гоняюсь, не мой стиль), ответил также с достаточной мерой откровенности.

— Уже упоминалось, что это частная клиника. Мы зависим от оплаты за лечение и от пожертвований. У многих психиатрических лечебниц дурная слава. Смерть пациента — или даже нескольких — ничего не меняет. Более того, родственники, отдавшие больного в подобную клинику, радуются, что избавились от обузы. Бог им судья. У нас не так. Мы принимаем пациентов не для того чтобы держать их в изоляции, а чтобы лечить. И смерть пациента очень дурно скажется на нашей репутации.

Пациент. Стало быть, умер не кто-то из персонала. А профессор желает избежать огласки. Эх, начальство, все-то оно одинаково, что военные, что чиновники, что прогрессивные профессора.

— Но ведь с этим надо что-то делать, — не знаю, как это у меня вырвалось.

— Я и сам понимаю, что надо, — тихо отвечал Штейнберг. — Всю голову сломал. Пошел вот сюда перед дежурством, чтоб отвлечься от тягостных мыслей. Встретил вас, решил — поболтаю с девушками… а болтаю все о том же.

— А вот я бы посмотрела на этот дом с привидениями, — ляпнула Либби. Я бросила на нее умиленный взгляд. Мне самой так никогда не суметь. Нужна подлинная непосредственность.

— И в самом деле. Сейчас же праздник. Да еще ночь. Персонала в особняке минимум. А вот злоумышленник вполне может себя проявить именно сегодня.

Нет, доктору не надо было лечить нервы крепкими напитками. Похоже, он уже успел принять определенное количество, хотя, как и подобает бывшему сотруднику армейского госпиталя, держался хорошо. Но идею прихватить нас на дежурство, чтобы посмотреть, что творится в его родной психушке, он воспринял с энтузиазмом.

— Действительно, в такую ночь никто не заподозрит, что мы ведем поиски! — И даже не подумал заявить, что мы, мол,

подвергаем себя опасности, что барышням совсем не пристало шататься по ночным дурдомам, не говоря уж о том, что мы подбиваем его злостно нарушить внутренний распорядок лечебницы. Этот тип определенно мне нравился. Либби тоже, хотя и в другом смысле. Она подхватила доктора под руку, как только мы вышли из кафе и двинулись по аллее Кауль-парка.

Музыка все еще играла, на сей раз это был вальс «Волны Эрда».

— Чтобы не терять времени, — сказала я, — может, по пути вы просветите нас, в чем заключалась подозрительность смерти пациента?

— Пожалуй, большинство людей не сочло бы ее подозрительной. Когда мужчина сорока пяти лет, весьма полнокровный, внезапно покидает сей мир ненасильственным путем, принято писать: «Скончался от удара» и не задумываться над дальнейшим.

— Да, апоплексия — болезнь сорокалетних, так мне говорили. Что же встревожило вас?

— Прежде всего, я настаиваю на этом — смерть действительно наступила от естественных причин. Не было оснований обращаться в полицию. Мгновенная остановка сердца. Да только не страдал он болезнями сердца, вот в чем дело.

— Но чем-то же он страдал, если угодил в лечебницу?

— Намекаете, что он был буйно помешанным? О, если б это было так, то подобная смерть вполне объяснима. Прилив крови к мозгу вследствие припадка вполне может привести к печальному исходу. Но господин Бекке… ох, я назвал имя, ну да неважно… итак, Ульрих Бекке был, безусловно, душевнобольным человеком, но тихим. Его болезнь состояла, если можно так выразиться, в выпадении значительных фрагментов воспоминаний. Он осознавал, что ему говорят, но не узнавал родных и знакомых, с трудом отдавал себе отчет, что происходит вокруг. Был мягок и покорен, но выполнял предписания врача лишь сразу после того, как о них слышал — иначе забывал. Иногда у него бывали периоды просветления. Тогда ему разрешали прогулки — доктор Сеголен считает, что больным необходим свежий воздух. Но и в периоды рассеянности его болезнь не требовала ни фиксации, ни сильнодействующих лекарств, действие которых могло бы прискорбно сказаться на работе сердца.

— Вы упоминали родных… стало быть, в лечебницу его поместили родственники?

— Не думаю, что они получили какую-то выгоду от его смерти. Он был не настолько состоятельным человеком. Итак, вследствие особенности своего заболевания Ульрих Бекке не

обращал внимания на слухи о призраках. Разумеется, его предупредили, что не следует выходить из палаты одному, но он мог попросту забыть об этом.

То, что излагал доктор, звучало вполне логично, и я не стала его перебивать. Пусть и были у меня сомнения насчет родственников. Может, наследства они и не получили, зато от необходимости платить за лечение избавились.

— Сиделка, пришедшая к больному с ужином, не застала его в палате и кликнула санитаров. Время было вечернее, но не позднее, персонал был на местах. Поэтому Бекке быстро нашли. Мертвым.

— Где?

— На нижнем этаже, в коридоре, ведущем от приемной к черному ходу. Черный ход, заметьте, был заперт изнутри. Лестница, по которой Бекке, по всей вероятности, спустился, находится за углом, так что упасть с нее он не мог.

— А освещение там есть?

— Есть газовый рожок, но на тот момент свет был выключен. То есть, Бекке спустился по лестнице, свернул за угол и умер. От невыясненных причин.

— А кстати — в палате он помещался один?

— Один. Методика профессора Сеголена не допускает проживания нескольких больных в одной палате.

— А-га. Но ведь палаты все равно должны запираться?

— Верно. Каждая палата запирается снаружи. Но на замок запирают только буйных. Каковых у нас почти не содержится. Остальных закрывают на задвижку.

А задвижку, подумала я, всяко можно отпереть изнутри. С помощью, например, шпильки или вилки. Хотя сумасшедшим вроде не должны давать острых предметов… ну да кто его разберет, этого Сеголена с его методикой.

— Значит, Бекке как-то сумел открыть дверь и выйти. А так как он смутно сознавал, куда идет, направился в дальний коридор и… Да, вроде ничего подозрительного, если б не слухи о призраках. Санитары ведь не следили за его палатой?

— Раньше он не предпринимал попыток открыть дверь. До этого раза.

А может, он и в этот раз не пытался. Кто-то открыл дверь и позвал Бекке. А он, как существо тихое и покорное, двинулся навстречу своей смерти. И застрелите меня из ржавого садового ведра, если доктору эта мысль не приходила в голову.

А ведь это гораздо хуже, чем пугать психов страшными байками. И то — снаружи вряд ли кто мог проникнуть. У парадного входа наверняка охранник, дверь заперта. Время было

не позднее, персонал заметил бы постороннего. Весь вопрос, зачем все это нужно.

— Мы почти пришли, — сообщил Штейнберг.

В конце улицы виднелась высокая ограда. У ворот ярко горели фонари, так что с этой стороны никто не мог приблизиться к лечебнице незаметно. А вот само здание было погружено во тьму. Если б не замечание доктора, я бы вообще не обратила внимания на дом.

— Там высажен сад, — сообщил Штейнберг, — но относительно недавно. — Он отпер замок на воротах. — Днем здесь стоит привратник, однако в ночное время мы ограничиваемся сторожем в доме. Вероятно, он не спит… — Доктор не закончил фразу, вздохнул, задумался.

Деревья в саду были молодые, тонкие. Штейнберг правильно заметил, что сад высажен недавно. Кустарник невысокий, подстрижен ровно. Вообще все было устроено так, чтоб пациенты могли получить удовольствие от прогулки, но не спрятаться. Все более-менее просвечивало. В дневное время.

Но сейчас ночь.

Вздыхал доктор не зря. Пройти незамеченными не получилось: сторож бодрствовал. Это оказался немолодой, грузноватый, но крепкий дядька. Наверное, отставной солдат или полицейский.

— Хорошая ночка, доктор! — приветствовал он Штейнберга. — Никак с карнавала… и девочек, смотрю, с собой прихватили.

В тоне его явственно слышалось не осуждение, но недоумение — две-то тебе зачем?

— Ошибаетесь, Патрик, — сурово сказал доктор. — Эти молодые особы просят принять их в качестве милосердных сестер. Я покажу им лечебницу.

— Ночью?

— Ночью, чтоб не доставлять беспокойства пациентам.

Сторож хмыкнул, потом перевел взгляд с Либби на меня.

— Ну, может, и в хожалки, то есть в сестры…

Признаю, что с виду я больше похожа на типическое представление о сотруднице скорбного дома, чем Либби, поэтому я не стала поправлять Патрика. Он пропустил нас.

В больницах я бывала много раз, причем (тьфу-тьфу) исключительно по работе. Но в сумасшедшем доме доселе бывать не приходилось. Однако из того, что я слышала, вряд ли они отличались от обычных муниципальных лечебниц в лучшую сторону. Скорее наоборот.

Здесь было не так.

Прежде всего, здесь не воняло.

Даже в лучших больницах, где по возможности все моют и чистят и не кормят больных тухлятиной, стоит специфический запах — думается, не следует его описывать. Здесь даже лекарствами не пахло. И карболкой — нет. Хотя вообще было вполне чисто (я сделала мысленную пометку, что уборщиц, как возможных подозреваемых, не стоит сбрасывать со счетов). На парадной лестнице и в коридорах лежали ковры, газовые рожки горели, хоть и в четверть силы.

Но за многоквартирный дом я бы эту лечебницу тоже не приняла. Наверное, для жилого помещения здесь было слишком чисто. И холодно. Хотя, по идее, тут должно быть отопление.

Мне показалось, что доктор, очутившись в привычных стенах, пожалел, что привел нас сюда. Как-то слишком он посерьезнел. Сообразил, что выпил лишнего перед дежурством и вляпался. Того и гляди скажет — а шли бы вы, девушки, отсюда.

Но сказал он другое:

— Мне сейчас прежде всего нужно проверить журнал записей и обойти больных. Поэтому прошу подождать меня.

Правильный мужик. Уважаю. Призраков ловим, а о работе не забываем.

А может, ему перед сторожем стало неудобно. Привел девиц и тут же отпустил. Не сдюжил, стало быть.

— Хорошо. Только где нам переждать?

— Сейчас я покажу вам круглую гостиную.

Гостиная в психушке — это что-то новенькое. Прогрессивные методы доктора Сеголена, да. Они б еще салон здесь устроили.

— На самом деле это не совсем гостиная, — пояснил доктор. — Она по старой памяти так называется. А сейчас спокойные больные бывают здесь, когда погода дурная и прогулки невозможны. Профессор считает, совместное времяпровождение полезно…

Он толкнул дверь, пропуская нас вперед, зажег свет.

— Действительно круглая, — пробормотала я.

— Так подождите, а я скоро буду.

Я огляделась. Убранство здесь было простое и достаточно подходящее для отдыха больных. Два полукруглых дивана у стен, несколько плетеных стульев, на полу ворсистый ковер. Поплотнее тех, что были в коридоре. Если с кем-то из больных случится припадок и он упадет, то не ударится. А если драку затеют, то, прежде чем прибегут санитары, никто не сумеет нанести противнику ощутимого вреда. Стулья легкие, а диваны, наоборот, от пола не отдерешь.

Либби плюхнулась на стул.

— Забавно. Никогда не была в совсем круглой комнате.

Я призадумалась.

— И я тоже. Доктор помянул, что название — от прежних времен… наверное, теперь так не строят. И знаешь? Что-то мне здесь не нравится.

— А по-моему, вполне уютно.

— Ну, на чей вкус… — Я вновь оглядела идеальную окружность стен. — Может, потому что окон нет.

— А к чему тут окна? Комната в самой середине здания.

И верно. Похоже, эта круглая гостиная находилась в центре особняка. Над парадной лестницей. Казалось бы, к чему тут окна? Но могли бы сделать хотя бы декоративные. Круглые, как иллюминаторы… Вполне подошло бы к общему интерьеру. Ан нет.

И не только окон — гостиная как-то подразумевает камин, картины или гравюры на стенах, или гобелены… Ничего этого не было. С камином все ясно, нельзя разводить открытый огонь там, где душевнобольные. А прочее… может, сочли, что в лечебнице излишние украшения ни к чему. А может, просто трудно было закрепить их на круглых стенах. Я предположила, что в прошлом их украшала лепнина, но при ремонте ее уничтожили, как и всякие намеки на камин.

— Чего-то не хватает…

Продолжить дискуссию мы не успели.

— Позволю себе спросить, молодые дамы, что вы здесь делаете в столь неурочный час?

Глубокий, звучный, прекрасно артикулированный голос. На больных, особенно страдающих истерией, должен оказывать гипнотическое воздействие.

Вошедший повернул выключатель до упора, так что все светильники зажглись полностью, и мы вполне могли разглядеть, кто нас застиг. Это был пожилой мужчина среднего роста, с хорошей осанкой. Волосы, когда-то черные, почти полностью поседели. Темные глаза, прямой нос, крупный рот, впалые щеки. Добротный сюртук, наглаженные брюки. Никакого стетоскопа в кармане или других признаков принадлежности к врачебному сословию. Традиционная бородка тоже отсутствовала — он был чисто выбрит. Не знай я, кто это, могла бы принять за адвоката или банкира, или парламентария.

Однако я знала. Лично мы никогда не встречались, но это усталое благородное лицо периодически попадалось на иллюстрациях — как рисованных, так и фотографических — к газетным статьям.

— Профессор Сеголен?

— Благодарю вас, но мне известно, как меня зовут, — усмехнулся светоч медицины. — Вы не ответили на мой вопрос.

Тут меня выручила Либби. Это ошибочное мнение, будто сиделкам нужно всегда говорить правду, а натурщицам, как правило, большей частью и вовсе говорить не обязательно. Тем более что добрый доктор Штейнберг сам подал пример.

— Уважаемый господин профессор! Мы понимаем, что нарушили распорядок, но уверяю вас, вовсе не с дурными намерениями. Меня зовут Либби Декс, я опытная сестра милосердия, работала в госпитале святой Гизелы. Из-за личных обстоятельств я вынуждена была уйти оттуда, но сейчас снова ищу работу по специальности. На карнавале мы с подругой встретились с доктором Штейнбергом, под руководством которого я трудилась у святой Гизелы, и упросили его разузнать, нет ли для нас чего подходящего здесь.

И никаких умильных глазок и щебетания. Мягкий, убедительный голос. Сказываются беседы с больными. А врачи, ей богу, со временем становятся похожи на своих пациентов.

— А вы? — обратился профессор ко мне.

— У меня нет такого опыта, как у Либби, но я здесь также насчет работы, — никогда не следует врать сверх необходимости.

— Откуда же вы тогда меня знаете?

— Видела ваше фото в газете, господин профессор.

Наш проводник в дом скорби выдвинулся из-за плеча Сеголена. Похоже, он подошел еще во время монолога Либби, и теперь у него была возможность подтвердить наши показания.

— Извините профессор… я понимаю, что поступил неправильно, но после того, как ушли сестры Маркус и Фиорентино, у нас буквально не хватает рук. А эти девушки не производят впечатления трусих… за Либби Декс я определенно могу поручиться.

Ага, стало быть, у них персонал разбегается. Об этом доктор нам не говорил.

Профессор некультурно хмыкнул.

— Да, нам нужны сиделки, однако это не повод нарушать дисциплину… или на вас карнавальная атмосфера так подействовала? Вы же не знали, что я задержусь на ночь… Короче, если уж принимать кого-то, я предпочту ту, у которой есть опыт работы в больнице. А сейчас, девушки, ступайте отсюда. Оставьте доктору свои адреса, вас известят о моем решении.

Нас выставляли, хотя и без скандала. Черт побери, и ради этого я сюда тащилась? По крайней мере…

— Профессор, мы сейчас уйдем. Но ответьте, пожалуйста, —

мне никогда не приходилось бывать в комнате такой странной формы… это как-то относится к вашим знаменитым методам лечения?

Лесть всегда действует безотказно, особенно по отношению к стареющим красоткам и ученым мужам.

— Вообще-то это в некотором роде достопримечательность. Чуть ли не единственная комната, которая осталась практически неизменной со времен постройки особняка. Я хотел уничтожить ее во время ремонта, но обнаружил, что пребывание здесь оказывает благотворное воздействие. Поэтому я приспособил комнату для отдыха больных. Должно быть, дело в особом освещении.

И тут я, наконец, поняла, чего, собственно, мне не хватало в этой гостиной.

В любой нормальной комнате есть освещенные места и темные углы. А здесь углов не было вообще, и, соответственно, тьме негде было спрятаться.

На рассвете я вернулась к себе в мансарду. Вопрос, удачей завершился поход в сумасшедший дом с привидениями или провалом, был временно отставлен. Прежде всего надо было хоть немного поспать. А завтра… то есть уже сегодня надо сдавать статью. Сразу после карнавала предполагался сдвоенный выпуск газеты, и пора было его готовить. Почти весь день я проторчала в редакции (и черта с два мне оплатят сверхурочные!), а потом решила зайти в библиотеку Государственного музея наук и искусств. Кое-кто утверждает, что Академическая библиотека более полна, но у меня там проблемы с допуском. Увы, здешние сотрудники также спешили догулять последние деньки карнавала, все, что мне удалось сделать, это заполнить заявку и оставить ее у дежурного.

Вечером я покопалась в собственных книгах, но «История революции» искомых сведений не предоставила.

Либби забыла обо мне. Она не давала о себе знать и в последующие дни, и я предположила, что она обиделась. В каком-то смысле я поломала ей карнавальное веселье, так что она имела право дуться.

Ничуть не бывало. Либби заявилась под конец карнавальной недели, на сей раз в суконном жакете и юбке почти без фестонов и воланов. И сходу сообщила:

— Знаешь, а я поступила туда на работу.

— Куда? — я готовила кофе на спиртовке и не сразу сообразила, о чем она. Потом дошло. — В клинику Сеголена?

Она кивнула.

— А говорила — навек завязываю с этой каторгой…

— Ну, ты же видела, там все чисто, прилично, не как у муниципалов. Потом — у натурщицы сегодня заработок есть, завтра нет. А в клинике жалованье постоянное. Опять-таки… — она замялась.

— Доктор Штейнберг — мужчина симпатичный.

— А что такого? Он холостяк, я девушка свободная, кому от этого вред? И вообще, им действительно нужны сиделки.

— Потому что прежние разбегаются? Ты не забыла, что мы пришли разобраться, какие призраки тревожат психушку?

— Предположим, это ты хотела разобраться… так я тебе и помогу заодно! Буду работать и при том посматривать, что вокруг такого подозрительного.

— Хм, а доктор не заподозрит дурного?

— Не заподозрит, — твердо сказала Либби, — потому что я ему об этой задумке уже рассказала.

Я вздохнула. Поставила на стол чашки. С досадой обнаружила, что одна треснула.

— Ладно. Присматривайся, только не зарывайся. А я пока зайду с другого конца.

Мы договорились встретиться через неделю, если не случится ничего экстраординарного, в кофейне «У дядюшки Якоба» возле Старого моста. За это время я, во-первых, получила заказанные книги, во-вторых, постаралась навести справки о родственниках покойного Бекке. Ну что поделаешь, в таких ситуациях всегда в первую очередь подозреваешь родственников.

Родня Бекке проживала в Переправе святого Павла, небольшом старинном городке неподалеку от Тримейна, выше по реке. Ульрих Бекке служил в городской управе, но из-за своей болезни вынужден был уйти в отставку. Он был не женат и бездетен, за ним приглядывала семья его сестры. Из-за приступов фатальной забывчивости Бекке несколько раз уходил из дому и пропадал, родне приходилось подавать в розыск, из-за чего, собственно, дело и попало в полицейские сводки. После очередного приступа им посоветовали не беспокоить больше служителей порядка и предоставить больного врачам. Бекке ушел в отставку прежде того возраста, когда государство выплачивает служащим пенсию. У него были небольшие сбережения, из них содержание в клинике и оплачивалось.

Похоже, доктор Штейнберг был прав — родственники к смерти пациента отношения не имели.

Что ж, отрицательная информация — тоже информация.

Затем я обратилась к книгам, из которых могла извлечь

дополнительные сведения о виконтессе Эльстир и ее особняке. В библиотеке мне выдали несколько ветхих памфлетов времен революции, разоблачавших «развратную ведьму и некромантку», пафосное сочинение какого-то деятеля Реставрации, воспевшего виконтессу как мученицу, и биографический труд историка Соломона Эббинга, вышедший лет тридцать назад и с тех пор не переиздававшийся, в отличие от других его работ.

Негусто.

Первым делом я взялась за Эббинга. Я читала его книги, когда училась, и знала, что пишет он крайне сухо. Но это лучше, чем пафос и романтические выдумки. Чтобы выжать нечто полезное из его пространного повествования, пришлось проштудировать весь этот кирпич. Но кое-что из прочитанного меня заинтересовало. Об этом я и собиралась поведать своим друзьям из сумасшедшего дома.

Когда лет двести назад в Тримейне стали открываться первые кофейни, они считались сугубо мужскими заведениями. Предполагалось, что серьезные господа приходят сюда отдыхать от домашних скандалов, женской болтовни и крика детей, чтобы в тишине и спокойствии за чашкой кофе почитать газеты, сыграть партию-другую в шахматы или в трик-трак, а если поговорить, так о высоком. О политике например. В результате именно кофейни стали местом сборищ недовольных, рассадником, где проросли семена революции. Во всяком случае, так пишет Маккензи. Эббинг ни о чем подобном не упоминает.

В наше время подобная традиция крепко забыта, и это тот случай, когда черт с ней, с традицией. И скучающие барыни, и работающие женщины могут зайти в кофейню выпить кофе с рогаликом, не встречая осуждающих взглядов. Есть, конечно, в городе кофейни и пошикарнее, чем «У дядюшки Якоба», но кофе здесь крепкий, а цены умеренные. Поэтому я порой сюда забегаю.

Либби явилась вместе с доктором, как я и ожидала.

Мы заказали кофе: по-венски для доктора и Либби, по-восточному для меня. Чем хорош дядюшка Якоб — он, разумеется, плохо относится к тем, кто вовсе ничего не заказывает, но, взяв чашку кофе, можно сидеть подолгу. Затем я разложила на столе свои выписки.

— Вот смотрите. «Многие аристократы старого режима сочетали в своем характере самое отъявленное вольнодумство со склонностью к самым безумным суевериям. Не зря авантюристы, подобные Сен-Жермену, Калиостро или Казанове, а в нашей стране — Фамире, находили столь высоких покровителей. Если даже мужчины не могли избежать увлечения магией, оккультизмом и каббалой, то дамы тем более становились

жертвами мошенников. Виконтесса Эльстир не была исключением. Подобно тому как маркиза де Роган верила самым нелепым измышлениям Казановы, выплачивая ему баснословные суммы на псевдомагические церемонии, виконтесса Эльстир попала под влияние так называемого магистра Фамиры. Этот уроженец Карнионы уверял, что причастен тайн тамошних магов, чьи традиции сохраняются с древнейших времен. (Увы, древняя земля всегда была богата мошенниками такого рода.) Фамира якобы вызывал как призраки умерших, так и стихийных духов, обитателей иных миров. Однако он переусердствовал. Картины, которые он показывал (вероятно, с помощью волшебного фонаря или тому подобного устройства), оказали такое влияние на впечатлительную натуру Клары-Виктрикс, что она захворала, страшась, в прямом смысле слова, собственной тени, и даже собиралась покинуть особняк, где испытала столь сильный страх, а сам особняк разрушить».

— Ну и какое отношение это имеет к нашей истории? — спросил доктор. Кажется, он не слушал внимательно, считая эти оккультные басни ерундой.

Не то чтоб я его не одобряла.

— А вот слушайте дальше. «Затем виконтесса впала в другую крайность. Ее новым фаворитом стал Арно Пелегрини. Сей последний уверял, что является потомком известного средневекового мага Перегрина, но при том в основе всех его действий лежит строго научный подход. Хотя на деле он был таким же шарлатаном, как Фамира. Под его руководством особняк был перестроен, дабы изгнать вредные флюиды, а в центре его, как говорили, была обустроена особая комната без окон и углов. Это, по уверениям Пелегрини, должно было возвести мистическую преграду, долженствующую оградить находящихся в комнате от всякого зла. При всей нелепости этого утверждения оно оказало успокоительное воздействие на мятущуюся душу несчастной женщины. Она рассказывала, что проводит в своем „святилище“ по нескольку часов в день, только там она чувствует себя в безопасности…» Вы поняли? Либби, помнишь, мы обсуждали, почему виконтесса во время нападения бросилась не к окну или черному ходу, а вглубь дома? Круглая гостиная — это и есть «святилище» Клары-Виктрикс. Там она и пыталась спрятаться от мятежной толпы, полагая себя в безопасности. И оттуда ее выволокли и убили.

Либби передернулась.

— Жуть какая!

— Да, неприятная история, — сказал доктор и допил остывающий кофе. — Хорошо, что больные об этом не знают. Они

же там проводят довольно много времени.

— Ну да, профессор говорит, что пребывание там оказывает положительное воздействие на душевнобольных. То же самое происходило и с Кларой-Виктрикс, которую вряд ли можно назвать психически здоровой.

— Что же, по-вашему, этот мошенник Пелегрини, или как его, был прав? — Кажется, Штейнберг обиделся за то, что шарлатана уравняли с профессором Сеголеном.

— Возможно, он случайно открыл что-то полезное. Вот Месмер со своим магнетизмом был то ли жулик, то ли безумец, но гипноз в лечебных целях он же первым начал использовать. Наверное, эта комната без окон и впрямь позволяет больным чувствовать себя защищенными.

— Да, возможно. С круглой комнатой разобрались. Но какое отношение все это имеет к нынешним мошенничествам и их вероятной причастности к смерти Ульриха Бекке?

Я помедлила с ответом. Определенно, какая-то связь была, но я еще не поняла, какая. А «интуиция» для разумного человека — не довод.

— Доктор!

Прежде чем я успела как-то сформулировать свою мысль, моего собеседника окликнули. Я не сразу узнала человека, который нарисовался рядом с нашим столиком. Только когда он заговорил.

— Хорошо, что я вас нашел.

— В чем дело, Патрик?

— Профессор послал за вами. — На лице сторожа ни тени недовольства, что его, солидного человека, заставили бегать, как мальчишку. Скорее, он встревожен. — Да и вам, сестра, — он повернулся к Либби, — лучше бы придти. В лечебнице… неприятности.

— Какие? — медленно произнес Штейнберг.

Патрик огляделся. У дядюшки Якоба публика собиралась нелюбопытная, и в нашу сторону никто не косился, однако сторож проявил некоторую осторожность.

— Как с тем типом… ну, Бекке…

Предосторожность касалась в первую очередь меня. Патрик ведь не знал, что мне известно о смерти Бекке, я для него была всего лишь посторонней девицей.

Итак, в клинике очередная смерть.

Обычно из-за этого переполох не устраивают. Больные умирают часто. На то и больница. Но если… доктор ведь считал обстоятельства смерти Бекке подозрительными…

— Кто?

— Мартина Ламорис.

Штейнберг встал, бросил деньги на стол.

— Патрик, ступай, мы сейчас будем.

— Я с вами, — сказала я, когда мы покинули кофейню.

— Ни в коем случае.

— Но почему? Сдается, не только вам ситуация внушает подозрение… и опасение.

— Вот именно. Я не стану лгать профессору, а если он узнает, что вы работаете в газете, то решит, будто вы хотите нанести вред репутации клиники.

— Или помочь. Согласитесь, если б я желала состряпать сенсационную статью, я бы это уже сделала.

— Может быть. Но не надо сейчас ходить с нами в лечебницу. Возможно, несчастная женщина еще жива и просто впала в кому… поспешим, Либби!

Он подхватил мою приятельницу под руку и повлек ее по улице. Та оглянулась, не произнеся ни слова, однако взгляд ее был весьма красноречив.

Эх, доктор, доктор… он что, всерьез думает, что Либби мне ничего не расскажет?

Или он на это и рассчитывает? Вроде как лично он соблюл профессиональную этику, и если сведения просочатся, то он как бы и ни при чем?

В любом случае, уже на другой день Либби не поленилась забраться ко мне в мансарду и выложить то, что узнала. И — да, то вино, что она отказалась пить в третий день карнавала, все-таки промочило ей горло.

Увы, надежды доктора не оправдались. Больная умерла. Случилось это так же, как и в прошлый раз, ближе к вечеру, когда часы посещений закончились, но теперь об этом узнало гораздо больше народу, поскольку обстоятельства были несколько иными.

Пациентка, Мартина Ламорис, 28 лет, муж занимал какой-то важный пост в правлении пароходной компании «Тримейн — Эрденон». Богатые барыни, особливо бездетные, часто страдают нервными расстройствами (с чего бы это?). Однако в лечебницу госпожа Ламорис угодила не по причине расстроенных нервов. Потому что дамы порою берутся лечить свою тонкую душевную организацию — кто опиумом, кто эфиром, кто лауданумом, благо все эти лекарства можно свободно купить в любой аптеке. И действительно, эти снадобья унимают боли не только душевные. О последствиях известно немногим. Но я при сборе материалов по военным госпиталям, хочешь — не хочешь, узнала. Во время гражданской войны и после опиум и его производные широко применялись как обезболивающие при операциях для

тяжелораненых. Раны-то после операций излечивались. Но мне рассказывали жуткие истории, как люди не могли жить без очередной дозы лекарства и шли на то, чтоб убить и ограбить, продать что угодно и кого угодно. Изнеженные дамы в этом отношении ничем не отличаются от раненых солдат. Мадам Ламорис впала в жестокую зависимость от своих лекарств и, поскольку, как большинство замужних женщин даже в самых богатых семьях, собственных средств не имела, начала предпринимать усилия, чтобы добыть денег. Официально — закладывала семейные драгоценности. О прочем высказывать догадок не буду. Профессор Сеголен утверждал, что лечит подобные недуги с помощью гипноза, и муж мадам поместил ее в лечебницу. Это произошло несколько месяцев назад, и как слышала Либби от других сестер, состояние госпожи Ламорис поначалу было довольно тяжелым, ее даже приходилось держать взаперти и под постоянным присмотром. Но постепенно, благодаря сеансам ли профессора Сеголена, или отсутствию доступа к дурману, состояние улучшилось, истерические припадки прекратились, больная начала нормально есть и набирать вес. Словом, Мартина Ламорис определенно шла на поправку.

— Ее выпускали погулять в саду, благо погода хорошая, — рассказывала Либби. — И вот вчера она вылетела из сада, как сумасшедшая… тьфу ты, она же и есть… и вопила какие-то страсти… будто бы за ней гонятся призраки и хотят выпить у нее душу. Ее ловили, но знаешь, эти психованные такие ловкие бывают, из рук выворачиваются. И когда ее догнали, она упала замертво.

— Где?

— На втором этаже, у главной лестницы. Мы же там проходили, ты должна помнить.

— А зачем вас-то вызвали? Ведь и твое, и доктора Штейнберга дежурства уже закончились?

— Это да, но проф рвал и метал. Он решил, что мадам каким-то образом добралась до лекарств с дурью, они у нас есть, конечно, только под замком, — ну и разговелась после поста, вот все безобразие и случилось.

— Логично. Это самое разумное объяснение.

— Вот он и вызвал всех — трясти, чей недосмотр. Опять же, она кричала, психи переполошились, все сестры и санитары должны были при деле быть. Только знаешь? Из аптеки ничего не пропало. И хоть вскрытия не делали — без разрешения мужа нельзя, — не похоже, чтоб она отравилась.

— Отчего ж она умерла?

— Паралич сердца.

— А причина?

— Ролли говорит…

— Какой еще Ролли?

— Ну, доктор Штейнберг, его Роальд зовут… Короче, он говорит, что организм больной был заметно истощен: сначала злоупотреблением наркотическими веществами, а потом их отсутствием. В таком состоянии сильное потрясение может вызвать сердечный приступ. Только неизвестно, поведется ли на это господин Ламорис. Слушай, что за кислятину ты пьешь? Уж лучше бы пиво…

Причина смерти та же, что и Бекке, думала я, пока Либби приканчивала остатки вина. Муж-пароходчик, может, в глубине души и рад избавиться от жены — психопатки и наркоманки, но вполне способен возбудить судебное дело против профессора. Тут пришить можно что угодно: от недобросовестного лечения до убийства. Тем более что усопшая была молодой женщиной, на смерть от естественных причин списать будет затруднительно.

— В общем, все сейчас издергались, если что, клинику и прикрыть могут, а никому неохота, место-то приличное… вот я и сказала Ролли, что у тебя вроде как есть кто-то в полиции.

— С чего ты взяла?

— Ну, уж совсем за дуру меня не держи, а? Больно много ты иногда знаешь.

— Эх, Либби, кто тебя за язык тянул…

— И вот, он надеется, что ты нам поможешь.

— Угу. — И почему мне приходится быть такой доброй-бескорыстной? — А вы взамен предоставите мне необходимые сведения. Ты, к примеру, принесла, что я просила?

— Думаешь, забыла? А вот и нет.

Она выложила на стол пару листов бумаги, исписанных крупным ученическим почерком. В школе Либби всегда хвалили за то, что она так разборчиво пишет, а меня — наоборот.

Список персонала клиники и список пациентов.

Ну, для начала посмотрим чисто количественно. В клинике пять врачей, включая самого профессора, восемь сестер милосердия, шесть санитаров, три уборщицы, два охранника. И на данный момент — шестнадцать пациентов мужеска и женска полу.

— Прачечная у вас своя?

— Нет, мы стирку на сторону отдаем. Иначе бы я вписала прачку.

— Ладно. Транспорт, как я понимаю, тоже наемный.

— У профа есть свой выезд. При доме. А вообще, если нужно,

нанимаем.

— Два охранника — это без ночного сторожа?

— Нет, вместе с ним.

— Все равно народу получается изрядно. И твой Ролли сказал, что они проверили всех. Не смешите мои пантуфли. Для того чтобы разобраться, кто у вас там пакостит, надо или обстоятельно проверять каждого, используя полицейские данные, или располагать какими-то особыми возможностями. Потому что, по правде, это мог быть кто угодно, кроме тебя — потому что безобразия начались до твоего прихода. Хоть сторож… а что, — я оживилась, — ему-то как раз было очень легко перепугать больных. Он ведь у входа дежурит, так? Заступает вечером. Мог незаметно пройти в коридор, когда там был Бекке, или в сад, где гуляла мадам Ламорис.

— Да зачем же Патрику это делать?

— Мало ли. Жалованье низкое, или кто-то из врачей нахамил… заметь, я не настаиваю, что это был он. Я просто хочу сказать, что профессор недостаточно тщательно проверял своих людей.

— Что же, так доктору и передать?

Либби, несомненно, была разочарована.

— И это тоже. Скажи ему — если Ламорис обратится в полицию, я постараюсь выяснить, что там делается. Хотя разумеется, повлиять на ход следствия я не могу.

— И что ты с этого будешь иметь?

— Вот когда у тебя или у доктора, или у вас обоих будет ночное дежурство, позовете меня. Поищем злоумышленников, как в прошлый раз собирались. Зайдешь за мной или оставишь записку у дядюшки Якоба.

На том и порешили. Честно говоря, я не вполне знала, что предпринять. Разумеется, я собиралась сделать из этого статью, когда основательно разберусь в происходящем. Тема мошенничества в клинике вполне мне подходила. Но если там происходят убийства? Я, понимаете ли, считаю, что в таких случаях нужно предоставить дело профессионалам.

Если, конечно, это убийства.

И если полиция решит заняться этим делом.

А я, между прочим, еще не все книжки из библиотеки изучила. Успела прочитать только опус про виконтессу-мученицу. Наилучшее средство от бессонницы. Такие книжки надо вместо лауданума прописывать. Остались, стало быть, еще памфлеты. Хотя что они могут дать? Как будто я образцов подобной литературы не читала. Да собратья порой такое гонят! Но, по правде, наличие цензуры, от которой многие журналисты так

стонут, в некоторых отношениях укротило обличительный пыл. То, что раньше шло за обличение пороков прогнившей аристократии, теперь попадает под статью «порнография».

В одной из брошюрок этим катком по Кларе-Виктрикс и проехались, клеймя порочные оргии, которые она якобы закатывала в своем особняке. Главной приманкой памфлета было описание подробностей оргий. Ну, может, она их и закатывала («в то время, как народ голодает!»), но к нашей истории оно вроде никак не пристегивается. А вот другой памфлет оказался поинтереснее. Здесь виконтесса обличалась не столько в «противоестественных пороках» (хотя «постыдные оргии, сопутствующие колдовским шабашам», поминались), а в занятиях некромантией. Это, между прочим, могло способствовать распространению мрачных слухов об особняке. Некромантия — это ведь вызывание мертвых, да? Кстати, я знаю немало людей — от университетских профессоров до дамочек из общества, — кои увлекаются спиритизмом. Одни публично вызывают духов усопших, другие на это таращатся и выкладывают денежки. Однако никто их колдунами-ведьмами за это не клеймит. Это прогресс или наоборот? Ну ладно, сие вопрос риторический, а вот у Клары-Виктрикс вроде все обстояло серьезно. Анонимный автор смачно расписывал, как злобный карнионский маг Фамира с помощью черного зеркала (где-то я уже про такое зеркало читала, только не помню где), взывал к темным силам, и из-за пределов нашего мира выходили жадные тени, что рыскали вокруг, жаждая жертв (а народ голодает, да), таясь во мраке и выжидая, когда опустится тьма… Черт. Автор этой фигни явно получил классической образование. «Одиссея»! Там тоже теням, чтоб заговорить, нужно было напитаться кровью.

А может, и не «Одиссея», может, он из каких-то других источников передирал. Что-то автор уж очень напирает на карнионское происхождение шарлатана. Возможно, впрочем, он просто не любил южан… или сам был южанином. Одно другого не исключает.

Надо будет копнуть в этом направлении. Хотя у меня будет достаточно других забот. Не говоря уж об основной работе. Статья о строительстве метрополитена вышла, и возымела некоторые последствия, с которыми надо было разбираться.

Через пару дней я получила записку от Либби. Она просила меня подойти к черному ходу в клинику к девяти часам вечера. В это время пациенты уже ложатся спать, а из персонала остаются только те, у кого ночное дежурство. Нам никто не помешает. Она меня встретит и проводит, куда надо.

В прошлый раз мы прошли через парадный вход, у которого

дежурил Патрик. Любопытно, ему выходной день, то есть ночь, полагается? И кто его тогда подменяет? Но сейчас мне не предстояло с ним встретиться.

Черный ход, как рассказывал доктор Штейнберг, по ночам запирался, я была не в курсе, что у них там, замок или задвижка, но в любом случае Либби дала понять, что дверь будет открыта.

Я обошла ограду, окружавшую клинику, обнаружила там калитку и пересекла двор. Откровенно говоря, я была рада, что не пришлось идти через сад. Не понравился он мне, и пусть считают это сугубым эстетством. И не говорите мне, будто это из-за того, что днем там гуляли сумасшедшие.

Звонка на задней двери не было, пришлось стучать. Либби открыла незамедлительно. Свет здесь был потушен, и Либби держала в руках керосиновую лампу. Мы двинулись по коридору. От лампы струился желтоватый свет, разрезавший окружающий мрак. Если б сейчас было лето, этот свет наверняка приманил бы мошкару. Но сейчас осень…

— Здесь нашли Бекке? — Я остановилась.

— Наверное. Это ж было до моего прихода. И что ты здесь собираешься найти?

— Да… если и было что, то давно убрали.

Лестница. Не парадная, как тогда, а боковая. Если вдуматься, сколько бы я ни прочитала, о здании я знаю очень мало. А верить надо тому, что видишь собственными глазами. Я видела лишь коридоры и круглую гостиную. А помимо палат здесь есть врачебные кабинеты, процедурные, комнаты сестер и санитаров и хозяйственные помещения. И разгадка мошенничества… ладно, убийств, может скрываться везде.

Либби толкнула дверь, пропуская меня вперед, сама осталась в коридоре.

Лампа под зеленым абажуром с фестончатой бахромой горела на письменном столе, освещая картонные папки с документами, сложенные аккуратной стопкой, бархатные гардины, золотые корешки книг, рядами теснившихся на полках, и человека в кресле.

Только это был не доктор Штейнберг.

— Здравствуйте, барышня Тайрон.

— Здравствуйте, профессор.

— Вы как будто не удивлены.

— Нисколько. О нет, не думайте, сестра Декс не проболталась.

— Тогда как вы догадались?

— Когда обнаружила, что калитка не заперта. Не думаю, что по нынешним обстоятельствам в вашей клинике проявляют такую

небрежность.

— И вы все равно пошли дальше?

— Разумеется.

— Вы так любопытны? Или просто упрямы?

— И то, и другое. Кроме того, по мне так лучше, что вы все знаете.

— Почему же вы сразу мне не рассказали, зачем здесь появились?

— Я предпочла бы, чтоб это сделал доктор Штейнберг.

Иначе бы выглядело так, будто я его выдаю начальству. Нет уж, пусть лучше сам признается. К тому же врач скорее прислушается к своему коллеге, чем к посторонней девице, тем более репортерше.

Эти соображения я Сеголену не выкладывала. Если такой умный, сам догадается.

— Вы не боитесь?

— Что вы меня выставите со скандалом? Это издержки нашей работы. А приказать санитарам меня побить — как-то не в вашем духе.

О том, что у меня в сумке револьвер, а в кармане кастет, я тоже не стала говорить. Кстати, они и в прошлый раз там были.

— Не в моем. Но я могу подать на вас в суд. Или на вашу газету. За диффамацию.

— Да? Я не опубликовала ни строчки против вас и вашей клиники. И даже не написала.

— Так вы не намерены публиковать скандальную статью против моих методов лечения?

— Я намерена узнать, кто стоит за событиями, приведшими к смерти двух пациентов. И вы должны быть заинтересованы в этом больше всех.

— А вам не приходило в голову, что преступник — это я? — Он усмехнулся. — Ваши собратья по перу, науськанные моими научными противниками, именуют меня шарлатаном. И готовы обвинить во всем, вплоть до убийств.

— Полно, профессор. Я не разбираюсь в медицине. Зато неплохо разбираюсь в шарлатанах. Вы не из их числа.

— Вот как? Это лестно. Кстати, можете сесть.

Вообще-то, даме стоило бы предложить сесть сразу. Ну да бог с ними, с джентльменскими манерами, видывали мы и похуже.

— Так зачем вы все-таки пришли, Хелен Тайрон?

— Господин Ламорис не стал обращаться в полицию, насколько мне известно.

Он кивнул.

— И меня это огорчает, — продолжала я. — Не потому что я

желаю зла вам и вашей клинике. Но полиция, возможно, нашла бы злоумышленника. А так он остается на свободе. Здесь я вижу два варианта. Он достиг своей цели и при том не понес наказания. Либо он — или она — будет продолжать свою деятельность и вредить клинике. И то, и другое плохо.

— Так что же, по-вашему, следует предпринять?

— Найти преступника самим. И у вас лично, профессор, для этого больше возможностей, чем у меня или доктора Штейнберга. Может, больше, чем у полиции.

— Каким образом? Я врач, исследователь, а не сыщик.

— Именно. Я не бывала на ваших публичных сеансах, но знаю о них, а также читала ваши статьи. Вы используете гипноз как метод лечения. Причем доказываете, что это не следствие действия магнетического флюида, как уверяют магнетизеры, а просто внушение.

— Верно. Опыты Шарко и Бернгейма также доказывают…

Я перебила его, понимая, что, если профессор сядет на любимого конька, его не остановить.

— Даже ваши противники признают, что вы очень сильный гипнотизер. Так что же вам мешает применить свой дар, чтобы выявить преступника?

— Вы понимаете, что говорите, молодая дама? Вы хотите, чтоб я нарушил врачебную этику?

— При чем здесь врачебная этика? Я же не уговариваю вас вредить больным с помощью гипноза. А вот поспрошать персонал и не дать возможность солгать вам — почему бы нет? Это никому не повредит, а только принесет пользу.

— Роль змеи-искусительницы вам совсем не идет. Ступайте и не пытайтесь больше проникнуть в клинику (величественно так, прямо «иди и не греши»). Тогда я не стану подавать в суд.

— Кстати о суде. Ламорис ведь может потребовать через суд денежной компенсации.

— Идите, я сказал! Вас проводят.

Либби и доктор Штейнберг дожидались за дверью. Вид у обоих был виноватый.

— Ты ведь не сердишься? — сладким голосом пропела моя школьная подруга.

— Ну что ты, — искренне ответила я.

— Вы очень добры, — сказал доктор.

Он ошибался. Я совсем не добра. Просто при моей работе привыкаешь не обольщаться насчет окружающих и относиться к ним снисходительно.

— Понимаете, я не мог обманывать профессора…

— Не стоит оправдываться. Идемте, — на лестнице я

спросила: — Вы ведь слышали, что я говорила профессору?

— Да. По правде говоря, Ламорис грозил судебным иском, и профессор этого опасается. Дело даже не в том, что ему придется заплатить, а в том, что труд жизни профессора будет дискредитирован, и мы лишимся пациентов.

— Я не об этом, доктор. Я о возможности использовать гипноз. Профессор прислушается к вам. Подумайте об этом, когда Ламорис заявится вновь. Не исключено, что именно он измыслил интригу, чтоб избавиться от жены, да еще и обогатиться за ваш счет.

Они выпустили меня с главного входа, и Патрик кивнул мне при этом, как старой знакомой. Доктор проводил меня до ворот, и в глубине души я была ему благодарна. Ну не нравился мне этот сад, и все. И не говорить же благоразумному доктору Штейнбергу, что у меня бабушка из Карнионы, а тамошние жители чувствительны к некоторым вещам.

Профессор Сеголен сказал, что я не гожусь на роль змеи-искусительницы. Черта с два он понимает в искусителях. Или путает их с обольстителями-обольстительницами. Тут главное — вовремя и к месту бросить зерно, и оно точно прорастет. Сам проф в силу собственной честности не додумался бы применить даденный ему от природы дар не по прямому назначению. Но чуть подтолкни его в правильном направлении — он непременно соблазнится, как ребенок новой игрушкой. Убедит себя, что это ради блага его же пациентов. Конечно, не сразу, надо несколько дней, чтоб он дозрел. А пока можно было заняться своей непосредственной работой — и кое-что выяснить относительно упомянутых в книгах фигурантов.

А потом ко мне пришла Либби. Смущение ее давно испарилось, она знала, что я не лицемерила, сказав, что не сержусь.

— Проф хочет тебя видеть, — сказала она. — Ему Ролли напел, что ты в истории хорошо сечешь, очень складно все про виконтессу объяснила, какая она была на голову больная и про то, как хотела в круглой комнате спрятаться. Вот он и велел тебя позвать, может, ты еще что про это дело читала.

— Отчего же нет? — Мне всегда было недолго собраться. Сегодня погода была хмурая, следовало к жакету прибавить пелерину и водрузить на голову шляпу.

По пути я бросила:

— Он опрашивал персонал?

— Ну да… сразу после того начал, как этот Ламорис приходил, скотина жадная. Проф долго с ним толковал наедине. А потом начал всех вызывать и беседы водить. И Ролли при нем.

Вот, значит, как. Скорее всего, Штейнберг подбросил шефу идейку, что все безобразия могут быть хитроумным планом пароходчика — убрать жену и деньги получить за это.

Я, кстати, вовсе не была уверена, что Ламорис — преступный интриган. Так же, как не уверена, что сторож — исполнитель его черных замыслов. Может, да, а может — нет. Говорю же — я не обольщаюсь насчет людей.

Итак, Ламорис затребовал компенсацию и вывел профессора из себя — то ли сумму непомерную заломил, то ли вел себя слишком нагло. И доктор не устоял перед искушением. А потом вошел во вкус.

Очень похоже на правду. Только из этого следует, что Ламорис, может, и жадный наглец, но в преступлении не повинен. Иначе не потребовалось бы допрашивать остальных.

Что ж, не будем забегать вперед.

Я впервые посещала клинику Сеголена открыто. Не могу сказать «и при свете дня» — время клонилось к вечеру, но все равно, раньше, чем в прошлые разы.

По этой же причине у дверей дежурил не Патрик, а другой охранник. Очевидно, его предупредили, что Либби приведет посетительницу, и он ни о чем не спрашивал.

— Нам в демонстрационную, — сказала моя спутница. Как будто я уже была курсе, где у них тут что.

Как выглядит демонстрационный кабинет, я могла себе представить по описаниям в разных статьях — Сеголен охотно давал открытые сеансы, доказывая преимущества своей методы. Так оно и было — очень большая комната на первом этаже, скорее даже зал. Впечатление усиливали возвышение, на котором проф проводил свои демонстрации, и несколько рядов кресел у противоположной стены. Сам профессор и занимал одно из зрительских мест. А на демонстрационной эстраде стоял доктор Штейнберг. На середину зала были выдвинуты два стула спинками друг к другу. И на одном из них восседал Патрик. Другой пустовал.

— Хорошо, что вы не промедлили, — сказал профессор. — Сестра Декс, сходите за старшей сестрой Херлихи.

Либби подчинилась. Патрик, что характерно, никак не отреагировал на мое появление. Зато Штейнберг слегка наклонил голову в знак приветствия.

Я медлила высказываться. Нужно было подобрать правильные слова, чтоб не выдать ничьих тайн и не оскорбить ничьего самолюбия.

— Вам удалось установить виновных, профессор? — наконец спросила я.

— Я провел некоторые исследования. Не могу сказать, что совсем безрезультатно, однако в качестве побочного эффекта столкнулся с неким феноменом, покуда непонятным. Возможно, вы, благодаря знакомству с историей этого дома, поможете прояснить его природу. — Он перехватил мой взгляд на Патрика. — Пусть вас не смущает присутствие сторожа. Он будет участвовать в демонстрации. Садитесь и смотрите.

Я заняла место в зрительском ряду.

— Вам приходилось когда-либо слышать о таком явлении как *трансферт*?

— Нет.

Вообще-то я знала, что так называется банковская операция, но сомневалась, что профессор именно ее имел в виду.

— Это опыт, впервые проведенный профессором Шарко в лечебнице Сальпетриер. Первоначально он заключался в следующем. Двое пациентов находятся в близком контакте, но не видят друг друга и подвергаются гипнотизации. К больному органу одного из пациентов прикладывается магнит, а затем переносится на аналогичную часть тела другого пациента. Шарко установил, что боль у первого пациента исчезает и возникает у второго, как бы переносится на него. Однако я развил этот эксперимент…

В дверь постучали.

— Звали, профессор? — раздался женский голос.

— Входите, сестра Херлихи.

Рядом с вошедшей женщиной в форменном платье, фартуке и чепце не только я, но и Либби могла бы сойти за тонкую тростинку. Притом она была не столько толстой, сколько плотной, ширококостной, того телосложения, что отличает рыночных торговок, рыбачек и нередко — больничных сиделок.

— Идите сюда, сестра. Я позвал вас, чтобы вы помогли провести процедуру.

Она оглянулась, недоумевая, поскольку в помещении не было пациентов и почти не было зрителей. Но здесь не были приучены возражать профессору. Сестра Херлихи, повинуясь его жесту, уселась на свободный стул спиной к Патрику.

Затем Сеголен взмахнул рукой, и раздался глубокий чистый звук. Я вспомнила! Про это я тоже читала. Другие гипнотизеры погружали пациентов в сон, концентрируя их внимание на каком-нибудь блестящем предмете. А Сеголен использовал камертон, гораздо больше обычных размеров. Он был подвешен над эстрадой, и Штейнберг сейчас по нему ударил.

— Спите, сестра Херлихи, — услышала я властный голос профессора.

В своих выступлениях он утверждал, что людей, неподвластных силе гипноза, почти не существует в природе. Если дело и впрямь лишь во внушении, наверное, он прав. Хотя кое-кто среди врачей доказывал, что никто не может быть загипнотизирован против собственной воли. Во всяком случае, мне не хотелось проверять эту теорию на себе.

А сторожа, надо полагать, Сеголен погрузил в сон еще раньше, поэтому и говорил свободно.

Профессор выбрался со своего места и подошел к сиделке. Только сейчас я заметила, что в руке у него указка наподобие той, которой наша классная дама мамзель Бундт лупила учениц по пальцам. Но Сеголен бить никого не стал. Он коснулся указкой сестры Херлихи.

— Говорите. Говорите о том, что вы видели и слышали, но боялись сказать!

— Они живут во тьме, — монотонно произнесла женщина, — выбираются вместе с тенями. Тень — их плоть. Они гонятся за нами, они чуют страх. Им нужно, чтоб мы боялись. Страх — их еда. Выбираются и охотятся. Кто слышит, тех зовут. От них надо бежать…

— Кто они, сестра?

— Те, кто попали через прореху. Там все закрылось, заросло, они не могут уйти. Они прячутся. Им нужно есть.

— Довольно. — Профессор вновь коснулся указкой лба сиделки, и та умолкла. Голова сестры Херлихи упала на грудь, и я бы решила, что сиделка лишилась сознания, ели б не сонное сопение. А Сеголен перенес указку ко лбу сторожа.

— Теперь вы, Патрик.

— Они там, — Патрик как будто продолжал с того места, откуда его прервали. — Далеко уйти не могут. Человек открыл дверь, они сюда попали… убежище. В подвалах, в погребах. Где темно. Страшно. Они стерегут, зовут, бросаются.

— Кто они, Патрик?

— Темное Воинство.

— Достаточно. Сестра Херлихи и Патрик! Придите в себя. Так. Хорошо. Как самочувствие?

— Спать охота, а так вроде ничего, — проворчал сторож.

— Не жалуюсь, профессор, — отчеканила сиделка.

— В таком случае вы можете приступать к своим обычным обязанностям. Идите.

Когда за ними закрылась дверь, Сеголен сказал:

— Как видите, я исключил магнит из первоначального опыта. На результат это не влияет. Перемещение все равно происходит.

— Перемещение?

— Трансферт. Это же определенно болезнь, иначе определить это состояние нельзя. В наше время в вопросах гипнотизма бесноватые и магнетизеры должны уступить место врачам и физиологам. И как врач я определенно могу утверждать: вместо предполагаемого мошенничества я обнаружил психическую эпидемию, наподобие массовой одержимости в средневековых монастырях. Все опрошенные говорят одно и то же — пациенты и персонал, мужчины и женщины, образованные люди и выходцы из низов. Я специально вызвал на демонстрацию именно этих двоих. Сестра Херлихи — на редкость уравновешенная женщина, а Патрик — бывший солдат, он вообще ничего не боится. Тем не менее они выказывают все признаки детских страхов: боязнь темноты, привидений, голодных чудовищ. Патрик не первый, кто упоминает Темное Воинство из детских сказок. Еще троллей и гоблинов нам здесь не хватало!

— Профессор, вы все прекрасно сумели объяснить, зачем же я вам понадобилась?

— Затем, что все еще не ясно, что именно подтолкнуло распространение этой эпидемии. И, возможно, ваши штудии относительно истории здания окажутся полезны.

— Хорошо, попробуем это исследовать. Только скажите — что в точности кричала несчастная Мартина Ламорис перед смертью?

— То же, что твердят остальные. Что ее преследуют призраки.

— Это не совсем так, — доктор Штейнберг, все время молчавший, позволил себе вмешаться. — Я расспрашивал очевидцев. Она кричала, что должна спастись от теней.

— Какая разница? — спросил профессор.

— В данном случае принципиальная. Но прежде, чем изложить свою версию, я предпочла бы подняться на второй этаж.

— Ко мне в кабинет?

— Нет. В круглую гостиную.

Пациентов уже увели из гостиной, и прежде чем мы расположились там, профессор велел Либби принести чаю. Ее саму к чаепитию он не пригласил.

— Итак, слушаю вас.

— Я слушала двоих опрошенных, и оба твердили, что боятся теней, что тени их преследуют. Остальные, по вашим словам, говорили то же самое. Доктор Штейнберг, рассказывая о своих подозрениях, упоминал игру теней. Поэтому я и решила, что имеет место какая-то хитрая подсветка, использование потайных фонарей. И обе смерти произошли в сумерки, когда тени длиннее всего.

— Это так.

— Во многих языках слова «тень» и «призрак» являются синонимами. Поэтому вы решили, что опрашиваемые боятся привидений. Однако они дали точное зрительное описание того, что их страшило. Тени.

— К чему вы клоните?

— Сто лет назад в этом доме проводились магические сеансы. Я знаю, как вы отреагируете на эти слова, и не больше вашего имею почтения к мистике и оккультизму. Но вспомните тех, кто, полагая, что идет по этому пути, — Альберта Великого, Парацельса, Месмера — они совершали открытия, интуитивно, ошибочно, случайно! Что если Фамира именно так — ошибочно или случайно — приоткрыл вход в иные, тонкие планы бытия, невидимые нашим глазам? То, что ваши подопечные называли прорехой или дверью. И обитатели этого тонкого плана бытия попали сюда, в наш мир. А поскольку дверь была открыта случайно, она захлопнулась. И вернуться обратно они не могут. Предположим также, что на нашем плане бытия они могут существовать только в некой двухмерной форме. Как тени.

— Тень их плоть, страх их еда, — процитировал Штейнберг.

— Естественно, подобные создания не могут питаться обычной пищей. Им нужны для укрепления, скажем, сильные чувства. А самым сильным, как известно, является страх.

— Ну, знаете! — сердито сказал профессор. — Это похлеще измышлений спиритов про эктоплазму.

— Не стану спорить. Но взгляните: после сеансов Фамиры виконтесса, особа и без того неуравновешенная, начинает испытывать приступы панического страха. Настолько сильного, что хочет покинуть собственный дом, цитирую: «боясь собственной тени». Затем она приглашает Пелегрини. И обретает умиротворение после того, как обустроена эта комната. Что вы можете сказать о ней?

— Она круглая. — Штейнберг пожал плечами.

— Именно. Здесь нет углов. Нет места, где могли бы затаиться тени. Поэтому Клара-Виктрикс чувствовала себя здесь в безопасности.

— Так вы и бесчинства революционной толпы воздействием таинственных теней объясните, — съязвил Сеголен.

— Вот уж нет. Не будем сваливать на них вину за людскую жестокость. Хотя, наверное, в тот день они изрядно попировали. Но, полагаю, тени неспособны причинить физический вред. Они влияют на психику, но здоровый, разумный, трезвомыслящий человек способен им противостоять. Клара-Виктрикс таковой не была. Последующие владельцы дома испытывали здесь гнетущее состояние, отсюда мрачная репутация особняка. Но все же по-

настоящему после гибели виконтессы никто не пострадал. И вдруг в здании оказывается множество душевнобольных людей. Тени выходят на охоту. Они выманивают жертв, как Бекке, или загоняют их, как Мартину Ламорис. Обратите внимание — больная бежала из сада вглубь дома, в точности как виконтесса Эльстир. Она инстинктивно чувствовала, где может укрыться. Но ее организм был ослаблен…

— Изящная история. Но совершенно безумная. Надеюсь, вы не собираетесь излагать ее в вашей газете.

— Верно. Если б я ее там изложила, мне бы порекомендовали пройти лечение в вашей клинике.

— А мне лично вы ее сообщать не боитесь.

— Нет. Вы предлагали изложить взгляд на события с точки зрения истории особняка — я это делаю.

— Предположим — воспользуемся вашим излюбленным термином, — я приму это к сведению. И что же вы предложите сделать, чтобы обезопасить пациентов? Не экзорциста же приглашать?

— Не стоит так шутить, профессор. Ясно же, что ни святая вода, ни молитвы не помогут. Просто, вероятно, надо постоянно держать больных под присмотром, не позволять им в одиночку ходить по коридорам и в саду. А персонал… те, кто будут бояться, уволятся, а сильные духом справятся сами.

— Полагаете, этого достаточно?

— Нет. Нам сказали, что убежищам теням служат темные места. Погреба, подвалы, аллеи сада. Там эти «сгустки тьмы» совсем незаметны. Также известно, что они по каким-то причинам не могут удаляться от «прорехи». Ну так надо предложить им другое убежище.

— Так где же его взять?

— Я подумаю, что тут можно сделать.

Мы встретились в кофейне «У дядюшки Якоба». Лил мерзкий мелкий дождь, погода с приближением зимы неотвратимо портилась, и горячий кофе был как нельзя более уместен.

— Ваш знакомый запаздывает, — сердито сказал Сеголен, складывая зонт.

— Просто вы, профессор, явились несколькими минутами ранее назначенного времени.

— Может быть, заказать бренди к кофе? — предложил Штейнберг. Может, хотел сгладить неловкость, а может, просто замерз.

— Не стоит, — осадил его начальник. — Нам предстоит деловая беседа. Возможно, позже…

— Надеюсь, Ламорис вас больше не беспокоил? — спросила я.

— Представьте себе, нет. Он был так нагл и самоуверен… а теперь его не видно и не слышно.

— Ему сейчас не до вас. Полиция занялась драгоценностями, которые закладывала у процентщиков его покойная супруга, и они оказались вовсе не фамильными.

— А вы откуда знаете? — полюбопытствовал Штейнберг.

— Да так, слухами земля полнится. — Я никогда не выдаю своих контактов. Не хочу, чтобы кое-кто пострадал из-за моей откровенности.

Звякнул колокольчик, стукнула входная дверь. На пороге, стряхивая водяную пыль с клетчатого плаща, появился новый посетитель — плотный невысокий мужчина с темными подкрученными усами.

— А вот и он. Позвольте вас представить: профессор Сеголен — господин Рубин, строительный подрядчик.

Они пришли к соглашению. Причем каждый считал, что обхитрил оппонента и устроил дело к собственной выгоде. Мне все равно, я свои комиссионные получила. Должна же я хоть что-то получить, раз уж решила не писать статью.

Фатальных случаев с тех пор в клинике Сеголена не было. Покуда господин Рубин не провел ветку и не построил станцию возле лечебницы, профессор требует от персонала строгого соблюдения дисциплины и усиленного надзора над больными. Поэтому я редко вижу Либби.

Медицинская общественность сочла, что профессор Сеголен отошел от излишне либеральных методов, и теперь ходят слухи, что его собираются сделать академиком. Сам профессор намекнул, чтоб я рекомендовала его клинику собратьям по перу — ведь среди них немало людей, страдающих душевными недугами. Ну, не знаю. Среди пишущей братии, конечно, много сумасшедших, но мало денежных.

Верю ли я сама в изложенную теорию? Какая разница! Теория как теория, не хуже многих других. Одно могу сказать — когда в Тримейне все-таки выстроят метрополитен, вряд ли я буду им пользоваться.

Лучше ходить пешком.

Виталий Забирко
Здесь живет Морок

1

— Это и есть пещера Морока? — спросил Никита, оглядываясь на проводника.

— Да, мауни Никита, он здесь живет, — пророкотал Тхиенцу. Маленькая коническая голова на тоненькой шее, вечно унылые глазки, косо посаженные на согнутых, будто увядших, стебельках, сухонькое, как у жука-палочника, тельце аборигена никак не вязались с рокочущим басом.

— Непрезентабельная она какая-то… — с недоверием пробубнил Илья сквозь лепестковый респиратор.

Вход в пещеру представлял собой узкую неприметную расщелину в рыхлом, сплошь в осыпях, склоне горы. Если бы не проводник, прошли бы мимо и не заметили. Над осыпями слева и справа от входа курились тоненькие струйки сернистого газа, но воздух в расщелине был чистым. По крайней мере, так казалось со стороны.

— А ты ожидал увидеть над входом надпись: «Здесь живет Морок»? — фыркнула Наташа.

— Я другого ожидал, — спокойно возразил Илья. Он включил шевронник на предплечье и прокрутил на дисплее картографическую съемку отрогов Гайромеша. — В отчете стапульцев сказано, что вход в пещеру Морока находится на северо-западном склоне горы Аюшты, а мы сейчас на северном склоне. Как это понимать?

Все посмотрели на проводника.

— Морок открывает вход в пещеру там, где ему заблагорассудится, мауни Илия, — многозначительно пророкотал Тхиенцу.

Я стоял в стороне и не вмешивался в разговор. Именно из-за этой особенности найти вход в пещеру без проводника было невозможно. Никита с Наташей этого не знали, зато Илья знал. Знал, но на всякий случай проверял, насколько мифы соответствуют действительности. Желающих попасть в пещеру много, но далеко не для всех среди мэоримешцев находился проводник. Для первой экспедиции стапульцев проводник нашелся, а для всех последующих — нет. А когда стапульцы попытались обнаружить пещеру без проводника, у них ничего не вышло. Не помогло ни структурное сканирование горы Аюшты, ни акустическое зондирование. Результаты получались странными, как будто не только гора, но и весь горный массив Гайромеша представляли собой монолитное базальтовое образование, в то время как при бурении на глубину до двух

километров в кернах ни разу не встретилось и крошки базальтов. В основном гиббситы, бемиты и гипсы с большой долей пиритов, халькозинов, антимонитов и сфалеритов.

— Если так, тогда идем, — сказал Илья и шагнул к пещере.

— Ребята, погодите, — попросила Наташа. — Давайте привал устроим. Пять часов на ногах.

— Можно и передохнуть, — согласился Никита. — Кто знает, что ждет нас в пещере.

Илья насупился. Два года он ждал этой минуты и больше ждать не хотел.

— Вам не надоело дышать через тряпочку? — язвительно заметил он.

— Надоело, — буркнул из-под лепесткового респиратора Никита. — А ты надеешься, в пещере воздух чище?

— Уверен.

— Это ты из каких источников почерпнул?

— Из отчета стапульцев.

Илья привирал. В отчете стапульцев информация о составе атмосферы в пещере отсутствовала. Лишь в некоторых легендах встречались упоминания о «благоуханном», «сладком», «божественно чистом» воздухе.

— Там темно, — возразила Наташа, — а мы устали. Лучше начинать спуск на свежую голову, после отдыха.

— И это правильно, — согласился Никита, сбрасывая рюкзак с плеч. — Отдохнем часок, перекусим, чтобы, так сказать, с новыми силами… — Он приосанился и гаркнул: — Вольно! Личному составу оправиться и приготовиться к приему пищи!

— Никита, прекрати! — возмутилась Наташа.

— Простите, мадам, казарменное воспитание, — извинился Никита. Нигде он не служил, казарму в глаза не видел, но бравировать солдафонскими шутками любил.

— Никакого приема пищи, — недовольно сказал Илья, нехотя снял рюкзак и сел на него. — Пятнадцать минут отдыхаем и — вперед. Кто хочет, может попить.

— Это почему есть нельзя? — удивился Никита, несмотря не худобу, любивший поесть.

— Потому. — Илья кивнул в сторону сернистых испарений. — Отравишься, возись потом с тобой.

— И это правильно, — передразнивая Никиту, сказала Наташа. Она поставила рюкзак у валуна, села на землю, оперлась о рюкзак спиной, вытянула гудящие ноги. — Ох, хорошо…

За компанию присел на корточки и Тхиенцу, облокотив сухие руки с длинными узловатыми пальцами о мосластые колени, и стал похож на неаккуратную вязанку хвороста. Один я остался

стоять.

Никита достал из кармана рюкзака флягу с водой, просунул под лепестковый респиратор трубочку, напился.

— Фу, — поморщился он. Просовывая трубочку, он запустил в щель сернистый газ. — Воняет здесь, как в сортире.

— Казарма, — устало констатировала Наташа.

— Сколько тебя учить, что трубку под респиратор просовывают на выдохе? — недовольно заметил Илья.

— Больше не надо, — кивнул Никита. — Лучше один раз попробовать, чем десять раз услышать.

«Дураки и на своих ошибках не учатся», — подумал я, но вслух ничего не сказал. Я вообще редко говорю, а если говорю, то исключительно по делу. К чему пустопорожний треп? По большому счету все они были дураками. Кроме Тхиенцу, разумеется. Он — проводник. Что касается меня, то обо мне разговор особый. Никто не считает себя дураком. А изречение: «Дурак, считающий себя дураком, уже не дурак» — от лукавого.

Тхиенцу сидел неподвижно, и только глаза на стебельках неторопливо, как синхронизированные локаторы, перемещались с Никиты на Илью и обратно. Туда-сюда, туда-сюда.

Никита посмотрел на проводника, отвернулся, снова посмотрел.

— Чего глазками бегаешь? — не выдержал он. — Гадить, что ли, на корточках собрался?

— Никита, сколько можно? — поморщилась Наташа.

— Один из вас не должен идти в пещеру, мауни Никита, — ровным, безэмоциональным голосом пророкотал Тхиенцу.

— Это почему?

— Один из вас Лишний, мауни Никита.

Никита посмотрел на Илью, перевел взгляд на Наташу и криво усмехнулся. Он был уверен, что она никогда ни на кого его не променяет. И по-своему был прав.

— Да пошел ты… — незлобиво отмахнулся он, но крепкое слово на всякий случай не употребил. Иногда он жалел Наташины уши.

Илья делал вид, что не прислушивается к разговору, а читает с дисплея на предплечье выдержки из легенд рас Галактического Союза о пещере Морока. Насчет того, кто из них Лишний, он имел иное мнение. Мне же было абсолютно все равно, кто из них Лишний. Сами разберутся.

Наконец Илья отключил шевронник.

— Отдохнули? — спросил он и встал. — Пятнадцать минут прошло. Пора.

— Ох… — выдохнула Наташа, растерла икроножные мышцы

и попросила: — Еще пару минут…

— Говорил тебе, чтобы дома оставалась, — недовольно пробурчал Никита. — Женщина в экспедиции, как чирей на заднице. И мешает, и не избавишься.

Он встал, приподнял рюкзак, чтобы закинуть за плечи, но вместо этого снова бросил на землю.

Илья не выдержал.

— Слушай, Никита, оставь семейные разборки до возвращения домой, хорошо?

С Никитой без Наташи он бы никогда не прилетел на Мэоримеш. Наоборот — с дорогой душой и вовсе не из личной симпатии. Но выбирать не приходилось.

Никита исподлобья посмотрел на Илью, и впервые уверенность в том, что Наташа ни на кого его не променяет, поколебалась.

— Считай, что уговорил, — отнюдь не обнадеживающе заверил он.

Наташа встала, подняла рюкзак, забросила на спину, поправила лямки.

— Я готова.

Никита шумно вздохнул и надел рюкзак. Надел рюкзак и Илья. Только проводник продолжал сидеть на корточках, по-прежнему блуждая взглядом между Ильей и Никитой. Как будто обладал прерогативой определять, кто из них Лишний, но никак не мог выбрать.

— А ты чего сидишь? — недовольно поинтересовался Илья.

— Тхиенцу привел вас к пещере Морока, мауни Илия, — сказал проводник. — Тхиенцу может возвращаться.

— Э, нет, друг любезный, — покачал головой Илья. — Ты пойдешь с нами, пока мы окончательно не убедимся, что это действительно пещера Морока.

Проводники к пещере Морока никогда не брали с экспедиций никакой платы, поэтому было непонятно, каким образом Илья может заставить Тхиенцу зайти в пещеру. Разве что под дулом разрядника. Но проводник безропотно согласился. Сопровождение экспедиций на Мэоримеше не было профессией. Это было чем-то вроде дара небес, который вдруг снисходил на одного из аборигенов и делал его настолько одержимым, что ничем другим он заниматься не мог и не успокаивался до тех пор, пока не приводил желающих к пещере Морока. Дар давался всего на один поход, но те из мэоримешцев, кто удостаивался дара, до конца жизни почитались среди соплеменников как святые. Что было несколько странно, так как культ Морока на Мэоримеше отсутствовал. Однако и проводники среди аборигенов появлялись

редко. Последний раз это случилось пятьдесят лет назад, когда на Мэоримеш прибыла экспедиция стапульцев.

— Он будет сопровождать нас, пока не встретимся с Мороком? — поинтересовался Никита.

— Позволь мне самому решить этот вопрос, — отрезал Илья, достал фонарь и направился к пещере.

Никита пожал плечами, пошел следом и при входе в пещеру включил фонарь. За ним последовал проводник, потом Наташа. Я вошел последним.

Если вход в пещеру выглядел как естественный разлом, то внутри она была похожа на рукотворный туннель. Широкий, метров пяти высотой, с бугристым сводчатым потолком, по дуге переходящим в стены, и ровным полом, припорошенным многовековой пылью.

— Теперь я начинаю верить в сокровищницу Морока, — сказал Никита. — Илья, как думаешь, туннель копали вручную или землеройным агрегатом?

Илья помедлил с ответом, водя лучом фонаря по стенам.

— Мелко мыслишь, — наконец сказал он. — Что за ограничения: либо киркой с лопатой, либо землеройной техникой? В легенде иммуринцев двухтысячелетней давности Морок напрямую ассоциирован с хребтом Гайромеша, в котором пещера нечто вроде его пищеварительного тракта. А в еще более древних мифах картопетян пещеру Морока в теле горы проедает священный червь Кааат. Какой из вариантов тебе больше нравится?

— Только не первый, — натянуто хмыкнул Никита. — Не хочется быть переваренным.

— Быть переваренным священным червем ничуть не лучше, — не согласилась Наташа. — Ребята, обратите внимание: здесь нет ничьих следов, только наши.

Действительно, пыль на полу лежала тонким, идеально ровным слоем.

— Ничего удивительного, — сказал Никита. — Последний раз в пещеру заходили пятьдесят лет назад.

— В статичной атмосфере пещеры следы сохраняются на протяжении тысячелетий, — возразила Наташа.

— Значит, этим входом до нас никто не пользовался, — разумно констатировал Илья. — Правильно я говорю, Тхиенцу?

— Морок открывает вход в пещеру там, где сам того хочет, мауни Илия, — повторился Тхиенцу, и его бас жутковатым эхом прокатился по пещере.

— Но если Морок открывает вход, то где его следы? — наивно поинтересовалась Наташа.

Илья недоуменно оглянулся на нее, снисходительно усмехнулся.

— Согласно легендам, Морок — хранитель сокровищ, нечто вроде духа пещеры или джинна. По-твоему, джинн должен оставлять следы?

— То есть на самом деле Морока не существует?

— Все не так просто. Если пещера, как видишь, вполне материальна, то все, что касается Морока, наоборот — неоднозначно и весьма туманно. Его имя упоминается во всех легендах, но сам он нигде не описан. Как Сезам в арабских сказках. Думаю, на средневекового араба голосовой датчик открытия дверей произвел бы такое же неизгладимое впечатление, как открытие входа в пещеру на нашего проводника… Стоп! — Илья приостановился и потыкал пальцем в экран шевронника. — Посмотрим, что здесь за воздух.

— Черт! — выругался он через минуту. — Белиберда полная. Нет здесь нормального воздуха. Анализатор показывает какую-то дикую квазидвухмерную газовую смесь.

Никита воровато приподнял край лепесткового респиратора, лишний раз подтверждая, что собственные ошибки его ничему не научили.

— Нормальный воздух, — сказал он, срывая респиратор. — Чистый, свежий.

Илья недоверчиво посмотрел на него, приподнял свой респиратор, затем снял.

— Гм… Действительно… Не затхлый и серой не воняет.

— Ребята… — приглушенным голосом сказала Наташа. — Жутковато здесь…

— Сидела бы дома, — пробурчал Никита, но, перехватив взгляд Ильи, сменил тему. — Чего тут жуткого? В сырой, естественной пещере, с ее шорохами, гулким эхом, звоном капели, более неуютно, чем тут.

— А ты на луч фонаря посмотри, — все тем же полушепотом сказала Наташа.

Никита провел лучом фонаря по стене, потолку, скользнул им по следам к входу, перевел вглубь пещеры. Метрах в пятидесяти впереди туннель сворачивал налево и полого уходил вниз.

— Ну и что?

— Да не пещеру осматривай, на луч смотри!

— Луч, как луч, все хорошо видно…

Илья задержал луч фонаря на месте и запнулся. По краю луча ходили странные колышущиеся тени, словно воздух был заполнен черными клубами дыма, которые мгновенно отступали, стоило

переместить луч.

— Кажется, я понимаю, откуда взялась легенда о Мороке, — задумчиво сказал Илья. — Пещеры и мрак — понятия практически неразделимые.

— Сейчас посмотрим, что это за Морок и насколько он нематериален, — процедил сквозь зубы Никита, выхватил из кобуры разрядник и включил лазерный прицел.

Воздух в пещере взорвался рубиновым огнем мириад багряных искр, застилающих все сплошным сиянием.

— Выключи прицел!!! — заорал Илья, и в пещере тотчас пала кромешная мгла. Только спустя несколько мгновений зрение начало восстанавливаться и стали видны лучи фонарей.

— Что это было? — растерянно спросил Никита.

— Расщепление лазерного луча в квазидвухмерной газовой смеси, — отрезал Илья.

— Что-что?

— Теория оптических отражений в обособленных рафинированных пространствах, — сухо пояснил Илья. — Читай основы многомерной физики. Всегда считал, что рафинированные пространства — чисто умозрительная теория и в реальности они не существуют. Да вот, поди же ты…

— Рафинированные, это как? — осторожно поинтересовалась Наташа.

— Да уж не как сахар, — фыркнул Илья и насмешливо объяснил: — Это n-мерные пространства, чей градиент по отношению к (n+m) — мерным пространствам равен нулю. То есть как эвклидова плоскость по отношению трехмерному пространству в отличие от двумерных поверхностей, искаженных в трехмерном пространстве. Понятно?

— И ежу понятно! — многозначительно покивал Никита. А что ему оставалось? Он был искусствоведом и терпеть не мог точных наук.

— Кстати, о квазидвухмерной газовой смеси… — Илья повернулся к проводнику. — Тхиенцу, ты ничего особенного в воздухе не ощущаешь?

Тхиенцу все еще не пришел в себя после ослепительной вспышки, и его унылые глазки мелко подрагивали на стебельках.

— В воздухе, мауни Илия? — прогудел он. — Ничего необычного. Воздух чистый, свежий.

— Вот и еще одно подтверждение теории, — удовлетворенно кивнул Илья. — Для нас в этой дикой газовой смеси совместимыми пространствами обладают молекулы кислорода и азота, а для него — еще и сернистого газа.

— Может, хватит лекции читать? — не выдержал Никита. —

Мы сюда не за этим пришли.

— Именно за этим, а не за золотом и бриллиантами, — отрезал Илья. — Технология производства квазидвухмерной газовой смеси в Галактическом Союзе неизвестна, такая смесь существует лишь в теории. Представляешь, сколько она может стоить?

— Ничего она не стоит. Кому она нужна?

— Еще как кому. Когда различные расы смогут ходить в гости друг к другу без скафандров, это будет революцией в сфере общения цивилизаций Галактического Союза.

Никита засопел.

— Положим, я тоже сюда не ради золота и бриллиантов прибыл, — пробурчал он.

— Которых, надеюсь, здесь нет, — не остался в долгу Илья.

— А я бы не отказалась от пары сережек с брюликами, — с наигранной мечтательностью протянула Наташа.

Никита фыркнул, а Илья, против воли, усмехнулся. Обладала Наташа умением разрядить обстановку.

— Мауни Илия убедился, что Тхиенцу привел его в пещеру Морока? — вмешался проводник. — Тхиенцу может возвращаться?

Я бы отпустил его еще у входа, но распоряжался здесь Илья. Мое время командовать не пришло.

Илья подумал, пожевал губами, перевел взгляд с проводника в конец туннеля, сворачивавший налево и куда-то вниз.

— Пока не убедился, — сказал он. — Пойдем дальше.

И Тхиенцу опять безропотно подчинился.

Мы прошли к повороту, спустились по пологому склону метров на двадцать ниже и снова попали в прямой отрезок туннеля. На всем протяжении ширина туннеля и высота сводчатого потолка были одинаковыми, что лишний раз убеждало в его искусственном происхождении. Метров через сто туннель повернул направо и снова вниз, а когда поворот закончился, туннель раздвоился.

— Притопали… — замер на месте Никита и повернулся к Илье. — Да тут, похоже, лабиринт. Что об этом говорят легенды?

Вид пещеры Морока в различных легендах различных рас был самым разнообразным. В одних легендах пещера тянулась на сотни километров, в других — представляла собой многоярусный головоломный лабиринт, в третьих — изобиловала ямами, ловушками, бездонными провалами, стремительными подземными реками, преграждавшими путь, валунами, катящимися по всей ширине пещеры навстречу искателям сокровищ… Правда, были и такие легенды, в которых

сокровищница располагалась сразу у входа. Илья знал, почему сейчас сокровищница находилась не у входа, и знал, что путь к ней измеряется вовсе не пройденными километрами, но говорить об этом не собирался.

— Пойдем налево, — сказал он.

— А на следующей развилке что будем делать?

— Все время будем поворачивать налево.

— Не вижу особого смысла, — пожала плечами Наташа. — Программа картографа автоматически зафиксирует наш путь, куда бы мы ни сворачивали.

— А если картографы откажут?

— Сразу у всех?!

— Именно у всех сразу, — раздельно произнес Илья, и тон был настолько убедительным, что никто не возразил. В пещере Морока могло случиться все, что угодно. И отказ биоэлектроники был не самым худшим вариантом.

— Идем налево, — повторил Илья и развернулся, чтобы идти.

Однако его опередил Тхиенцу. Он быстро просеменил вперед и свернул направо.

— Ты куда?! — гаркнул Илья, но обычно покладистый проводник ничего не ответил и скрылся в темноте.

— Теперь придется ходить только направо, — попробовал пошутить Никита, направляясь вслед за проводником. — И это правильно: если буду ходить налево, Наташа голову оторвет.

Но его шутку никто не принял.

Туннель закручивался вправо и вниз, и, как мы не спешили, лучи фонарей никак не могли поймать фигуру проводника. С виду неуклюжие, аборигены на самом деле передвигались гораздо быстрее людей. То, что человек принял бы за бег, для мэоримешца было вальяжной прогулкой, и сопровождать экспедицию землян для Тхиенцу было мукой мученской.

Наконец туннель выпрямился, и метрах в тридцати впереди в свете пляшущих в руках фонарей мы увидели стоящего проводника, а у его ног на полу пещеры лежало распростертое тело. Нечеловеческое тело. Не больше метра в длину, о шести конечностях, с угловатой лысой головой, по стрекозиному выпученными глазами и ртом-хоботком, свернутым в колечко. Этакий таракан, но в обуви на нижних конечностях и пестром комбинезоне с многочисленными карманами.

— Это кто? — спросил, подходя, Никита.

— Это Лишний, мауни Никита, — прогудел Тхиенцу.

— Это стапулец, — поправил проводника Илья и присел возле трупа на корточки. Всеми правдами и неправдами он старался уйти от разговора о Лишних. Он достал карандаш

темпорального сканера, провел им над трупом и посмотрел на шкалу. — Умер около пятидесяти лет назад. Значит, один из членов первой стапульской экспедиции.

— Откуда такая точность, что именно первой? — спросила Наташа. — На комбинезоне есть какие-то отличительные нашивки?

— Знаков отличий нет, — встав, снисходительно пояснил Илья. — Просто все последующие экспедиции стапульцев не обнаружили вход в пещеру.

— Теперь мауни Илия убедился, что это пещера Морока? — пророкотал проводник. — Тхиенцу может возвращаться?

Илья помедлил с ответом. Ему не хотелось отпускать проводника — последнюю ниточку к выходу из пещеры, и в то же время он понимал, что с Тхиенцу в сокровищницу попасть нельзя. Много было легенд о пещере Морока многих рас многих цивилизаций, входящих и не входящих в Галактический Союз, но упоминание о том, что проводник заходил в сокровищницу, не встречалось нигде. Ни в одной легенде. Ни в одном толковании легенд.

Никита перевел недоверчивый взгляд с Ильи на Тхиенцу. Его насторожило, как Илья перебил проводника, переведя разговор на другую тему, и он твердо, акцентируя каждое слово, спросил:

— Что означает Лишний, Тхиенцу?

— Лишний везде Лишний, мауни Никита, — многозначительно пророкотал проводник.

Никита скрипнул зубами и выругался. Наташа не стала возмущаться, а только вздохнула.

— Убедил ты меня, Тхиенцу, — решился Илья, и настойчивость, с которой Никита интересовался значением слова «Лишний», была при этом самым весомым аргументом. — Можешь идти.

Абориген молча развернулся и быстро засеменил назад. Не принято у мэоримешцев прощаться при расставании, он и не сказал ничего.

Наташа отобрала у Ильи фонарь и проводила лучом аборигена, пока он не скрылся за поворотом. Затем осветила оставшихся по очереди, в том числе и себя.

— Любопытно…

— Что — любопытно?

— Мы отбрасываем по две тени, а Тхиенцу — одну.

— Ничего удивительного, — фыркнул Илья. — Вблизи от двух фонарей будут две тени, а вдали от фонарей тени практически сливаются в одну. Элементарная оптика.

— Ты не понял. Выключи фонарь, — попросила Наташа

Никиту, и когда он выключил, снова осветила всех по очереди.

У каждого от света одного фонаря было по две тени, но никто не удивился.

— Очередная флуктуация квазидвухмерной газовой смеси, — индифферентно пояснил Илья.

Никита зло посмотрел на него, включил фонарь и твердым шагом направился вслед за проводником.

Я знал, что его там ждет, Илья тоже знал, одна Наташа не догадывалась, но никто не последовал за Никитой. И я обманулся, подумав, что Никита, когда увидит, выругается. Долго и витиевато. Он не стал материться, не стал даже чертыхаться. Он вообще не сказал ни слова, но через минуту вернулся злой, как черт.

— Флуктуация, говоришь?! — процедил он, сверля Илью непримиримым взглядом.

— Да, а в чем дело?

— Нет там ничего — ни поворота, ни развилки. Сплошная стена. Тупик.

— Свертка пространства, — пожал плечами Илья, будто ему сообщили нечто само собой разумеющееся. Вроде травка зеленеет, солнышко блестит.

— Или проделки Морока, — процедил Никита.

— Или проделки Морока, — легко согласился Илья.

— Значит, мы отрезаны от входа? — обмерла Наташа. — Каким же образом мы отсюда выберемся?

— Выберемся, — заверил Илья. — Но не через вход. Никто никогда ни в легендах, ни в реальности не выходил из пещеры Морока на Мэоримеше.

— То есть…

— Никаких «то есть»! Если бы из пещеры Морока никто никогда нигде не выходил, не было бы легенд. Выход есть, но он не на Мэоримеше.

Здесь Илья был прав практически на сто процентов. Выход был, но у этого слова слишком много значений.

— И где он находится? — не унимался Никита.

— Судя по специфическим особенностям легенд, свойственным каждой отдельной расе, выход, скорее всего, находится на родной планете представителей этой самой расы.

— То есть из сокровищницы мы попадем прямо на Землю? — не поверила Наташа. — Слишком похоже на сказку…

— Исходя из расчетов аналитиков, у этой «сказки» наибольшая вероятность.

Никита скептически покачал головой.

— А аналитики не рассчитывали вероятность того, что о

пещере становится известно благодаря возникновению в экстремальных условиях неосознанной телепатической связи между пропавшими и их родственниками?

Илья побагровел, словно получил пощечину, и потерял самообладание.

— Если веришь в фантастику, — гаркнул он, — тогда приставь к виску разрядник и ложись рядом с трупом стапульца! Кабы все было так, я бы в пещеру носа не сунул и вас за собой не потащил! Я — не самоубийца.

«Ты — фанатик», — подумал я, но говорить ничего не стал. На данном этапе обструкция даже полезна.

На некоторое время повисла тягостная тишина.

— Все, проехали, — поостыв, сказал Илья. — Займемся делами. Проверь у стапульца карманы.

Никита шагнул к трупу, нагнулся, немного помедлил и, так и не прикоснувшись, распрямился.

— Не буду. Я не мародер.

— Ах, ну да, — ровным голосом произнес Илья. — Ты же искусствовед, а не гробокопатель… Зачем тогда сюда прилетел, зачем связался с черной экзоархеологией? Между прочим, и обычные археологи вскрывают древние захоронения и изучают останки.

На скулах Никиты вздулись желваки, но он ничего не сказал. Достал стерильные перчатки, надел, присел рядом с высохшим трупом и принялся обшаривать карманы комбинезона.

— Пусто.

— Понятно. Между нами и стапульцами в пещеру никто не входил, значит, свои обобрали. У них мародерство не выходит за рамки морали.

— Отчего он умер? — тихо поинтересовалась Наташа.

— Я не знаток анатомии стапульцев, но внешне никаких признаков насильственной смерти не вижу.

— А что у него в левой руке?

Высохшая трехпалая кисть сжимала фиолетовый комок, похожий на скомканный пластиковый пакетик. Пытаясь извлечь, Никита сжал комочек пальцами, подергал, но ничего не получилось. Он дернул сильнее, и кисть с сухим треском обломилась в запястье.

— Черт! — отдернув руку, выругался Никита и уронил кисть стапульца.

Илья пренебрежительно хмыкнул, с хрустом раздавил кисть каблуком и поднял с пола скомканный пакетик. Повертев пакетик перед глазами, он размял его и высыпал на ладонь высохшие комочки и прутики.

— Пищевой концентрат стапульцев, — констатировал он, бросил на пол пакетик и отряхнул с ладони труху. — Смерть наступила явно не от голода.

— Не от голода? — обомлела Наташа. — Что, существует и такой вариант? Мы можем не дойти до сокровищницы?

— Это образно, — поморщился Илья. — Нет ни одной легенды, в которой бы в пещере Морока умирали от голода.

— Само собой, — мрачно заметил Никита. — Если искатель сокровищ умер, то кто об этом расскажет? — Он встал, снял перчатки и шагнул к Илье. — А теперь расскажи, что означает быть Лишним? Ты так старательно уводил разговор в сторону от этой темы, что невольно заинтриговал.

Илья спокойно выдержал его взгляд.

— О бреднях я говорить не желаю, — твердо сказал он.

— Каких-таких бреднях?

— Девяносто процентов информации в легендах — чистой воды вымысел. А и из оставшихся десяти после тщательного анализа лишь три процента обладают допустимой вероятностью достоверности. Заметь, вероятностью! Информация о Лишнем даже в десять процентов не входит, и обсуждать этот вопрос я не желаю!

Илья врал без зазрения совести. Рассчитанная достоверность информации о Лишнем была на порядок выше, чем вымысла.

— А почему я должен верить, что это бред? Только потому, что ты так говоришь?

— Почему? — Илья запнулся в поисках выхода из ловушки, в которую сам себя загнал. И он нашел выход. — Хорошо, приведу пример. Более чем в половине легенд о пещере Морока утверждается, что всех, кто доберется до сокровищницы, ждет вечная жизнь. Ты в это веришь? Так вот, все россказни о Лишнем, такой же бред, как и о вечной жизни.

— А я хотела бы верить, — тихо сказала Наташа.

Прозвучало это искренне, но мне показалось, что в ее словах преобладало желание примирить спорящих.

— Во что?

— В дар вечной жизни.

— Здрасте, приехали, — развел руками Илья и затряс головой. — Хватит дискуссий, пора идти. Если верить легендам, то в лабиринтовом варианте пещеры Морока нам предстоит пройти не один десяток километров.

Илья опять врал. Он знал, что вход в сокровищницу находился рядом, и сколько бы километров он не прошел по лабиринту, сокровищница всегда будет в десяти шагах. Однако он строго придерживался своего плана действий, как будто боялся,

что кто-то может его осудить, если он решит войти в сокровищницу прямо сейчас. Наташа например. Или я. Но мне было абсолютно все равно, когда он решится на последний шаг. А вот Наташа… Осудит — не то слово.

Туннель извивался в теле горы норой священного червя Кааата, раздваивался, поднимался вверх, спускался вниз, и не было ему конца. Первое время, когда на очередной развилке сворачивали направо, Никита останавливался, возвращался и, наткнувшись на образовавшийся тупик, по-солдафонски матерился, срывая голос, а эхо отвечало ему не менее отборным матом. Вначале Наташа затыкала уши, затем только морщилась. Со временем Никита стал реже проверять тупики свернутого пространства за спиной, матерился тише, и усталое эхо ему уже не вторило. Потом Никита смирился и больше не проверял, свернулся ли за нами пройденный путь или нет.

Шли часа три, одолели километров двадцать, и на всем пути нас сопровождали тишина, пустота и мрак. От бегающих по стенам лучей фонарей в глазах рябило, а однообразие туннеля вызывало навязчивое дежавю, что здесь уже не раз проходили. И только отсутствие впереди собственных следов на слое пыли говорило о том, что путь ведет не по кругу.

Первой, как и ожидалось, не выдержала Наташа.

— Все, — сказала она, — еще шаг, и я упаду.

Она остановилась, сбросила с плеч рюкзак и без сил опустилась на него.

— Привал, — согласился Илья.

Никита освободился от рюкзака и аккуратно поставил его под стенку.

— Личному составу… — начал было он дежурную шутку, посмотрел на Наташу, запнулся и махнул рукой. — А ну его… Пока не поем, с места не сдвинусь.

— А я пока не посплю.

— И это тоже правильно, — согласился Никита.

— Еще не вечер, — буркнул Илья.

— Какой вечер? — не согласился Никита. — Здесь всегда ночь!

Он сел на пол, достал флягу.

— Погоди, не пей, — удержал его за руку Илья.

— Это еще почему?

— Ты когда последний раз пил?

— У входа в пещеру… Думаешь, во флягу попал сернистый газ?

— Я не о том. Сколько воды тогда оставалось во фляге?

— Где-то половина, а что?

— А сейчас сколько?

Никита поболтал флягу.

— Почти полная.

Гидросорбционное покрытие фляги конденсировало на себе влагу, и вода через анизотропные микропоры впитывалась внутрь.

— Это хорошо, — кивнул Илья. — Значит, влага в здешнем воздухе есть, и, по крайней мере, от жажды мы не умрем. Можешь пить.

— Ну, спасибо! — поблагодарил Никита, прикладываясь к горлышку.

Наташа посмотрела на Илью широко раскрытыми глазами, в которых читался вопрос: «А от голода?», — но не задала его. Эту проблему уже обсуждали, и Илья напрочь отмел ее подозрения. Но чем дальше, тем меньше Наташа ему верила.

— Уф! — шумно выдохнул Никита, оторвавшись от фляги. — Хороша водичка! Особенно, когда представляешь, что это конденсат из разложившегося трупа стапульца.

— Никита! — одернула Наташа. — Только не перед обедом!

— Молчу, молчу, есть хочу! — извиняясь, не обошелся без прибаутки Никита. Он поболтал флягу перед глазами. — Н-да… Наше положение весьма напоминает путь воды внутрь фляги. Сквозь стенки — пожалуйста, а обратно — ни-ни.

— Почему ни-ни? — не согласился Илья. — Обратно — из горлышка.

— Анизотропный туннель… — оглядываясь по сторонам, протянул Никита и фыркнул. — Надо же!

Наташа вздохнула и принялась доставать из рюкзака брикеты с сублимированным комплексным обедом мгновенного приготовления по принципу «только добавь воды».

— О, фаршированный осьминог, — излишне бодро обрадовался Никита, принимая от Наташи брикет, и повернулся к Илье. — А тебе что досталось?

— Еда, — буркнул Илья.

— Тоже неплохо. — Никита надорвал брикет, плеснул в него из фляги и принялся есть. — Интересно, а если к засушенному стапульцу добавить воды, его можно употребить в пищу?

Наташа не возмутилась. Устала возмущаться.

— Что ж раньше-то не сказал? Я бы для тебя обязательно кусочек отломала, — отбрила она.

Никита поперхнулся, закашлялся, отхлебнул из фляги, чтобы прочистить горло, но не сказал Наташе ни слова. Быстро покончил с брикетом и, пока остальные продолжали обедать, включил шевронник и принялся что-то изучать.

Обедали молча. Наташа устала настолько, что каждый раз,

откусывая от брикета, тяжело вздыхала. Илья ел не торопясь, размеренно пережевывая, но, похоже, не обращал внимания на вкус. Он смотрел прямо на меня, но по глазам было понятно, что сейчас он никого и ничего не видит. Он думал. И я догадывался, о чем он думает.

— Черт! — выругался Никита, не отрывая взгляда от дисплея. — Ничего не понимаю.

Илья доел, бросил на пол обертку от брикета, вытер губы.

— Чего не понимаешь?

— Да вот, — Никита повернул к нему дисплей, — отслеживаю на картографе пройденный путь.

— Ну и что?

В голосе Ильи сквозило равнодушие.

— На карте наш путь трижды пересекается!

— Это проекция на плоскость, — устало пояснил Илья. — На самом деле якобы пересекающиеся ветки туннеля находятся на разной глубине.

— Ничего подобного, — не согласился Никита, щелкнул клавишей и создал над дисплеем объемное изображение пройденного участка. — Вот в этих трех местах туннель пересекается сам с собой на одном уровне, но мы нигде не видели ни своих следов, ни развилок на четыре стороны.

Илья взял фонарь и посветил вдоль туннеля в сторону тупика.

— Посмотри туда, — сказал он Никите.

— Ну, посмотрел.

— Что ты там видишь?

— Тупик.

— Так не все ли равно, пересекается туннель сам с собой или нет? Наш путь — только вперед, и другого пути нет!

У меня было иное мнение на этот счет, но я, как всегда, промолчал. Бирюком меня никто не называл. Молчуном, Великим Молчальником — бывало. Даже матерно обзывали — когда мое молчание доводило кого-нибудь до бешенства.

Никита озадаченно почесал затылок, в полголоса витиевато выругался и отключил шевронник.

Наташа пропустила ругань мимо ушей. Надоела ей роль ревнительницы бонтона. Горбатого могила исправит.

— Интересно, а что на местном языке означает мауни? — задумчиво спросила она, глядя в сторону тупика. — Господин, хозяин?

Илья знал, но промолчал. Никита снова включил шевронник.

— Ягненок, — удивленно сказал он.

— Что — ягненок? — не поняла Наташа.

— Мауни по-мэоримешски — ягненок, — пояснил Никита, недоуменно смотря на дисплей.

«Агнец», — про себя поправил я, но вслух, как всегда, не сказал.

— Это что — ласкательное обращение? — подняла брови Наташа. — Лучше бы киской или рыбкой называли.

— И меня тоже?! — притворно возмутился Никита. — Нет уж! В крайнем случае, согласен на солнышко!

— У каждого народа свои обычаи, — назидательно сказал Илья. — В Древней Руси ласкательные обращения были весьма распространены. Красна девица, сокол ясный, голубь сизокрылый…

Он исподволь старался изменить направления темы, мне же было все равно.

— Ага! — поддакнул Никита. — Как имена у индейцев Северной Америки. Быстроногий Олень, Трепетная Лань, Бычий…

— Фу, Никита! — одернула его Наташа, небезосновательно полагая, что он собирается ляпнуть скабрезность.

— А что я такого сказал? — притворно возмутился Никита.

Ответить Наташа не успела.

— А давайте-ка спать! — предложил Илья. — Завтра предстоит трудный день.

Он начал опасаться возобновления диспута о значении слова «ягненок» и прервал разговор самым радикальным образом.

— Спать, так спать, — покладисто согласился Никита. — Трудный день, так трудный. Хотя понятие дня под землей весьма относительно.

— Ребята, а дежурить ночью никто не будет? — с тревогой в голосе поинтересовалась Наташа.

— Зачем?

— Мало ли…

— Морока боишься? — замогильным голосом протянул Никита.

— А хотя бы! — с вызовом ответила она.

— Никого здесь нет, — отмахнулся Илья. — Ни чудовищ, охраняющих сокровища, ни крыс.

— Ладно, — смилостивился Никита, — я позже датчики движения расставлю.

Он полез в карман рюкзака и достал баллончики с квазипеной.

— Лучше любого спального мешка, — заверил он, раздавая баллончики.

Илья обрызгал себя, немного подождал, пока кокон вокруг него не полимеризировался до резиноподобного состояния, и лег.

Улеглась и Наташа. Она освободила лицо от квазипены, выпростала из кокона руку и взяла фонарь. Никита ушел в темноту в сторону тупика, вскоре вернулся и принялся расставлять вокруг привала датчики, активируя их на внешнее движение.

— Если ночью приспичит, не забудьте датчики отключить, а то ревом сирены Морока перепугаете.

— Угу… — кивнула Наташа, водя лучом фонаря по стене туннеля.

— Что, Морока пытаешься разглядеть?

— Да нет… Так просто.

Она поставила фонарь на попа, так что луч света уперся в потолок, втянула руку в кокон и закрыла глаза.

Никита пожал плечами, обрызгал себя квазипеной и лег.

— Ребята, — тихо попросила Наташа, — свет, пожалуйста, не гасите…

Никита хотел ответить замогильным голосом, но, посмотрев на колеблющиеся вдоль луча фонаря клубы тьмы, не стал этого делать.

— Хорошо, — пообещал он.

Я опять промолчал, Илья тоже. Да и не мог он ничего сказать: уже спал. Крепкие, однако, нервы у черного экзоархеолога!

2

Официальная экзоархеология всегда скептически относилась к утверждению, что в мифотворчестве могут скрываться указания на конкретные исторические события. Раскопки Шлиманом Трои только на основе гомеровской «Илиады» считаются исключением, если не казусом. Не поколебало это мнение и открытие черного экзоархеолога Минаэта, который, основываясь на данных многочисленных легенд цивилизаций Галактического Союза о Зеркале Тьмы, провел раскопки на Торбуцинии и обнаружил осколки обода мифического зеркала. Экзоархеологическому Совету Галактического Союза не хватало сил и средств для плановых исследований конкретного наследия исчезнувших цивилизаций, где уж ему заниматься мифами. Пожалуй, единственной цивилизацией, которая отважилась на планомерные экзоархеологические изыскания в этом направлении, являлась цивилизация стапульцев, но всерьез их работы не воспринимались, поскольку стапульские методы обнаружения и классификации находок были далеки от научных. Стапульцев не интересовало, в культурном слое какого времени обнаружен тот или иной предмет, к какой эпохе он принадлежит и даже произведением чьей цивилизации является. И главное, представляет ли он собой древний раритет или современную безделушку. Из-за этой особенности стапульцев за глаза прозывали старьевщиками, так как на блошиных рынках всех туристических маршрутов Галактики они были самыми желанными клиентами, без разбору скупающими всевозможный хлам.

В противовес официальной науке черные экзоархеологи, в научных сферах презрительно именуемые гробокопателями, не отметали огульно наработки стапульцев в области толкования мифотворчества, а скрупулезно просеивали результаты исследований, отделяя зерна от плевел. В частности, именно благодаря данным стапульцев, появилась на свет более-менее стройная теория о пещере Морока. Согласно этой теории, в сокровищнице пещеры находился постоянно пополняемый фонд достояний как исчезнувших, так и ныне здравствующих цивилизаций Галактики. Вопрос, каким образом этот фонд пополнялся, оставался невыясненным, зато вероятностные характеристики содержания фонда были скрупулезно просчитаны. Около сорока процентов легенд склонялось к тому, что основной фонда являются предметы искусства, около пятидесяти — достижения научно-технологического уровня, и

около десяти — предметы роскоши из драгоценных металлов и минералов (последнее утверждение основывалось на легендах слаборазвитых цивилизаций, и отношение к нему было скептическим). Данные о том, когда появилась пещера Морока, были чрезвычайно туманными и относились к древнейшим временам чуть ли не возникновения Галактики, поэтому вопросы, кем и зачем пещера создана, отпадали сами собой. Относительно же того, кто мог получить право доступа в пещеру, имелись две равноценные версии. По одной версии право доступа в пещеру выдавалось архаичной автоматикой чисто произвольно по методу лотереи. По второй — мифический Морок, которого никто никогда не видел, сам разыскивал во Вселенной претендента и, ментально воздействуя на его сознание, заставлял лететь на Мэоримеш, а затем с помощью проводника приводил к пещере. По мнению некоторых исследователей, если под Мороком подразумевать Его Величество Случай, обе версии объединялись в одну, тем не менее среди черных экзоархеологов версии имели равнозначное хождение.

Такими же неоднозначными были и сведения о счастливчиках, побывавших в пещере Морока. Половина из них никогда не возвращалась на родину, без каких-либо видимых причин порывая с привычным кругом общения. Ходили слухи, что они разбогатели, не хотят знаться со старыми знакомыми, живут своей жизнью. Иногда слухи подтверждались, иногда нет. Принадлежащие ко второй половине не пряталась от своих друзей и родственников, однако все-таки отдалялись, так как добытые сокровища возводили их на иной уровень социального положения. Среди гробокопателей бытовало мнение, что подавляющее большинство счастливчиков на самом деле никогда не бывали в пещере Морока, а добывали антиквариат в звездных секторах, закрытых для частных экзоархеологических изысканий. Нашел раритет, спрятал, вывез из запретного сектора, а потом рассказал сказку, что добыл его в пещере Морока. И никаких претензий со стороны надзорной службы Экзоархеологического Совета. Но, в отличие от надзорной службы, наиболее дотошные гробокопатели знали, что за последние пятьдесят лет в пещеру Морока никто не входил.

С двумя такими лжепосетителями пещеры я был знаком лично. Батист и Пьеретта Амабли из земной колонии на Боргезе были идеальными кандидатами для экспедиции на Мэоримеш, они долго и тщательно изучали известные материалы о пещере Морока, но, к сожалению, я слишком поздно вышел на них. Черные экзоархеологи иногда резко меняют свои планы, так случилось и с четой Амабли. Мелкий чиновник из

Экзоархеологического Совета продал им информацию о законсервированном для изысканий участке на мертвом планетоиде Чемартох-2, где якобы полтора миллиона лет назад располагалась исследовательская база давно исчезнувшей расы протокаридцев. Если бы я вышел на Амабли до их спонтанной экспедиции на Чемартох-2, они бы туда не полетели, но я познакомился с ними на обратном пути, когда в их багаже лежали две обсидиановые статуэтки протокаридцев и миниатюрный преобразователь биомассы, произведший впоследствии революцию в технологии приготовления пищи из органических продуктов для любых рас Галактического Союза. Естественно, что, став обладателями баснословно дорогих раритетов, Батист и Пьеретта ни о какой экспедиции в пещеру Морока не мечтали, да и как они могли мечтать, когда по своей версии прибыли именно с Мэоримеша?

В многомиллиардном человечестве, расселившемся по Солнечной системе и восьми звездным колониям, трудно разыскать черных экзоархеологов, которые, как правило, не афишируют своей профессии. Тем более, разыскать среди них желающих отправиться на Мэоримеш без твердой уверенности, что счастливый билет на пропуск в пещеру Морока достанется именно им. Путь туда и обратно отнюдь не из дешевых. Но мне повезло. Чета Амабли вернулась не на Боргезе, а на Землю, и на третий день после обнародования, откуда они прибыли, на них вышел Илья. Естественно, никакой информации о пещере Морока от Амабли он не получил, зато получил от меня. Как и большинство гробокопателей, Илья был волком-одиночкой, что делало его кандидатуру неперспективной, но выбирать не приходилось — семейных пар, как Амабли, среди черных экзоархеологов раз-два и обчелся. Полгода ушло на то, чтобы исподволь уговорить Илью найти попутчиков, как бы невзначай подсовывая те или иные документы по толкованиям легенд о пещере Морока, в которых указывалось на обязательность присутствия в экспедиции особей всех полов конкретной расы. Еще полгода Илья потратил на поиски подходящих кандидатур — брать в экспедицию кого-либо из гробокопателей он категорически не желал, и здесь я его понимал. Профессионал мог знать то, что знал он, а Илья не хотел оказаться Лишним. В конце концов он нашел Никиту и Наташу. От экзоархеологии Наташа была очень далека, но за Никитой пошла бы куда угодно, а Никита, прозябавший на жалкую зарплату искусствоведа, с легкостью согласился неожиданному предложению разбогатеть, не прилагая особых усилий. Забыв, что меценатства в чистом виде не бывает. Все имеет свою цену, и иногда она оказывается

запредельной.

3

Первым проснулся Илья, если не считать того, что я глаз не сомкнул. Тут уж ничего не поделаешь — бессонница. Илья выбрался из кокона квазипены, присоской прикрепил к ней баллончик и включил реверсное всасывание. Редуктор баллончика тихонько забормотал, медленно поглощая плохо деполимеризирующуюся квазипену. Протерев лицо влажным полотенцем, Илья направился в глухой тупик туннеля и как только перешагнул через датчик движения, взвыла сирена.

— А? — встрепенувшись, села Наташа.

— Кто?! — заорал Никита. Спросонья он никак не мог выбраться из кокона и забарахтался на полу.

— Это я, — признался Илья, отключая сирену.

— Я предупреждал, чтобы отключали датчики, если приспичит!

— Извини, не слышал. Уже спал, — виновато сказал Илья. Сказал правду, но датчики движения видел и намеренно вызвал тревогу. Он начал планомерно расшатывать психику Никиты, готовя его к психологическому срыву. Обширному, на уровне истерики. Этот план Илья разработал давно, еще до того, как познакомился с Никитой и Наташей и предложил им участвовать в экспедиции.

— Спал он, видите ли! А мы теперь как уснем?

— Пора вставать, уже утро.

— Какое в пещере утро?!

— Утро, не утро, а прошло восемь часов. Вполне достаточно для сна.

— А я бы еще поспала… — прикрывая рот ладонью, зевнула Наташа.

— Личному составу — подъем! — передразнивая Никиту, распорядился Илья и ушел в темноту тупика.

— Он, видите ли, выспался, — пробурчал Никита, выбираясь из кокона квазипены, — а на остальных ему наплевать…

— Перестань ворчать, — сказала Наташа. — Мы не на туристической прогулке.

— Без полноценного сна я злой, — не согласился Никита, подсоединяя к своему кокону всасывающий баллончик. — Твой кокон собрать?

— Будь добр.

— А ты завтрак приготовь, жрать хочу!

Наташа вздохнула и полезла в рюкзак за пищевыми брикетами.

Никита собрал датчики движения, спрятал их в рюкзак, огляделся и обмер. На противоположной стене черной краской корявыми буквами было написано:

ЗДЕСЬ ЖИВЕТ МОРОК

— Это еще что?! — взорвался Никита.

— Что? — поинтересовался Илья, появляясь из темноты.

— Ты написал?!

Илья увидел надпись.

— Почему я?

— Больше некому! Ты встал раньше нас!

Удивительно, но на меня никто не подумал.

— Ребята… — сдавленным голосом прошептала Наташа, — кажется, это я…

— Что — кажется?

— Написала…

— Зачем?

— Просто так… Вчера перед сном… Лучом фонаря… А сегодня надпись проявилась.

Никита перевел ошарашенный взгляд с Наташи на надпись, затем снова на Наташу.

— Что за чушь?! Мы вчера все стены лучами исчеркали, почему они тогда не черные?!

Илья молча подошел к надписи, включил шевронник и поводил сканером анализатора по стене.

— Это не краска, — сообщил он, считывая результаты анализа с дисплея.

— А что?

— По химическому составу известняк голой стены и окрашенных участков идентичен. А вот структурный анализ показывает иное… Поверхность голой стены самая обычная, зато окрашенные участки представляют собой двумерные образования с отрицательным градиентом относительно нашего пространства.

Никита не поверил, подошел к надписи и продублировал анализ своим сканером.

— Опять заумь, — процедил он и витиевато выругался. Его шевронник выдал те же результаты.

Наташа пропустила ругань мимо ушей.

— А вдруг Морок действительно здесь живет? — тихо спросила она и зябко поежилась.

Никита зло скрипнул зубами, но ничего не сказал. Промолчал и Илья. О моем молчании и говорить нечего.

Илья прошел к своему рюкзаку, сел.

— Давайте завтракать, — мрачно предложил он.

Ели молча, собирали рюкзаки тоже молча и, не сказав друг другу ни слова, продолжили путь. Минут пятнадцать шли по прямому участку, на очередной развилке, как всегда, свернули направо, спустились по наклонной метров на десять вниз и снова вышли на прямой участок. Пыль под ногами скрадывала звук шагов, однообразие туннеля нагнетало чувство безысходности, отчего свежий воздух начинал казаться застоявшимся и спертым, а серые стены в пляшущих лучах фонарей — двигающимися и сжимающимися, как пищевод священного червя Кааата. Тишина, темнота, ограниченность освещенного пространства давили на психику, вызывая нарастающее чувство клаустрофобии.

Первой не выдержала ватной тишины Наташа.

— Ребята, — попросила она, — давайте о чем-нибудь говорить, а то жутковато…

Илья не ответил — ему на руку было нагнетание обстановки. Я, верный принципу не вступать в пустопорожние разговоры, как всегда, промолчал. И только Никита раздраженно бросил через плечо:

— Не нравится? Включи плеер, но слушай сама!

Наташа воткнула в ухо микродинамик, включила плеер и минут пять перебирала всевозможные мелодии. Заунывные она категорически отвергла без прослушивания, а все остальные в атмосфере пещеры оказались в диком диссонансе с ватной тишиной и темнотой. Похоже, пещера Морока и музыка были несовместимы. Наташа выключила плеер, посмотрела вперед и ойкнула.

— Что еще? — недовольно повернулся Никита.

— Там, на стене…

Илья осветил стену справа по ходу. На ней красовалась знакомая надпись:

ЗДЕСЬ ЖИВЕТ МОРОК

— Твою, Морока, мать! — с чувством высказался Никита. Он подошел к надписи, осмотрел ее, потрогал буквы пальцами. Затем включил шевронник и сравнил обе надписи.

— Мы что, по кругу ходим? — повернулся он к Илье.

— С чего ты взял?

— Надписи идентичны.

— Дубляж надписи в искаженном пространстве, — уверенно, с нотками пренебрежения к дилетанту произнес Илья. Но сам отнюдь не был в этом уверен.

Никита ему уже давно не верил и прошелся пальцами по

экрану шевронника.

— Дубляж надписи, говоришь? — процедил он, когда на экране высветилось изображение пройденного пути. — Тогда почему картограф показывает наш путь как замкнутую петлю?

— Потому, что многомерная спираль пещеры Морока проецируется в трехмерный мир как замкнутая петля! — раздраженно повысил голос Илья. — А программа картографа понимает только плоское изображение и объемное. Топологию знать надо. Если бы наш путь был замкнутой трехмерной петлей, то мы бы давно шагали по своим следам. Где они? Морок подметает?

По глазам Наташи читалось, что ей хочется спросить: «Если Морок здесь живет, то почему бы ему не подметать?» — но она не стала спрашивать. Слишком несерьезный вопрос, на уровне мистики. Почти как сказки о лешем, который по лесу водит.

— Идемте дальше, — поостыв, предложил Илья.

Не дожидаясь согласия, он развернулся и зашагал в глубь пещеры. И нам ничего не оставалось, как последовать за ним. Однако на очередной развилке Никита заартачился.

— Теперь пойдем налево.

— Можно и налево, — не стал возражать Илья и язвительно добавил: — Если Наташи не боишься.

Никита ничего не ответил и свернул налево.

Изогнутый, полого поднимающийся вверх туннель сменился прямым горизонтальным участком, посредине которого справа на стене красовалась все та же надпись. Никита чертыхнулся, но уже не так экспансивно, и вывел на дисплей шевронника пройденный путь. Картографическая съемка снова показала замкнутую петлю, только теперь она изгибалась не вправо, а влево.

На следующей развилке мы снова свернули налево, снова вышли на ровный участок туннеля, снова увидели справа на стене знакомую надпись, но уже возле нее не останавливались. И Никита больше не чертыхался. Однако по закаменевшему лицу было понятно, что он ни на грош не верит Илье, а верит своим глазам. И если еще раз увидит надпись, то сорвется.

Случай не замедлил представиться, когда в очередной раз свернули налево и увидели на стене надпись. Но Никита не сорвался, потому что под надписью лежал высохший труп насекомоподобного существа двухметрового роста, похожего на жука-плавунца с маленькой головой, плоской спиной-панцирем и шестью конечностями.

— Стапулец, — определил Илья.

— Разве? — не поверил Никита.

— На комбинезон посмотри.

Пестрый комбинезон с многочисленными карманами и по виду и по покрою был идентичен комбинезону первого трупа.

— Комбинезон похож, — согласился Никита, — зато между трупами мало общего.

— Не удивительно. Стапульцы — существа бесполые, наподобие муравьев. Королева-матка продуцирует около сорока разновидностей. Этот, насколько понимаю, стапулец-телохранитель.

— А предыдущий кто? — спросила Наташа.

— Возможно, разведчик, — неопределенно повел плечами Илья. — В семейной иерархии стапульцев я слабо разбираюсь.

Уже без брезгливости и стеснения Никита обшарил карманы трупа, но ничего не нашел. В руках трупа тоже ничего не было.

— Еще один Лишний, — сказал Никита и посмотрел на Илью. — Нас тоже это ждет?

Илья молча развернулся и зашагал вперед, продолжая путь.

Безвременье темноты и тишины, однообразие туннеля, с методически повторяющейся на стенах предупреждающей надписью: «Здесь живет Морок», вызывали ощущение бега белки в колесе, отупляли сознание, и пять часов монотонной ходьбы вымотали так, будто миновали целые сутки. Поэтому, когда Илья объявил привал, все рухнули на пол как подкошенные. Вяло, через силу, пообедали и заснули. Илья с Наташей забрались в коконы квазипены, а Никита, наплевав на удобства, уснул прямо на пыльном полу. Он и датчики движения не удосужился поставить. В общем, правильно. Ни крыс, ни монстров в пещере не было, а на привидения датчики движения не реагируют. Но и привидений в пещере не было, только кое-где попадались высушенные временем трупы.

4

Последующие три дня напоминали дурной сон, в котором тупо передвигаешь ноги по темному бесконечному туннелю, наверняка зная, что проблеска света впереди не предвидится. Наташа настолько сникла, что переставляла ноги, как сомнамбула, ничего вокруг не видя и не слыша. Илья шел молча, с упорством заведенного автомата, а у Никиты начали сдавать нервы. Вначале он обзывал Илью Сусаниным, долбаным проводником, затем переключился на меня и прозвище Молчуна было самым безобидным и только в самом начале. Понятное дело, в любой компании всегда больше всех достается самому безответному. К отборному мату в мой адрес я относился равнодушно и не отвечал — и не такое слышал. Я прекрасно понимал, что своим молчанием невольно подыгрываю Илье, но и к этому относился равнодушно. Чему быть, того не миновать, а когда час пробьет — пусть разбираются между собой без моего участия.

На пятый день на очередном прямом отрезке напротив надписи на стене путь перегородил труп огромного, от стены до стены, гуманоида. После долгих мытарств по пустым пыльным коридорам туннеля это было настолько неожиданно, что от сонливой отупелости не осталось и следа.

— Это еще кто? — остановившись метрах в десяти от трупа, тихо спросил Никита. Он словно протрезвел, и раздражение на всех и вся мгновенно улетучилось. — Снова стапулец? Очередная разновидность?

— Вряд ли, — покачал головой Илья. — Насколько знаю, особей такого размера среди стапульцев нет. И форм тоже. Где его конечности?

У трупа не было не только конечностей, но и головы. Инопланетянин напоминал цепочку сплавленных больших черных шаров, матово отблескивающих в лучах фонарей.

— Может, это панцирь или раковина, а тело под ним? — предположила Наташа.

— Может быть, может быть… — неопределенно протянул Илья.

Наташа сбросила с плеч рюкзак, подошла к трупу и протянула руку.

— Не прикасайся! — крикнул Никита, но опоздал.

Как только пальцы Наташи коснулись высохшего трупа, он с шорохом осыпался на пол кучкой праха, подняв облако пыли.

— Кто так делает?! — Никита подскочил к Наташе и рывком

отдернул ее в сторону. — Прежде, чем прикасаться, останки обрызгивают скрепляющим аэрозолем!

— Что ж ты раньше… — Наташа закашлялась. — Не предупредил?

Илья прикрыл лицо лепестковым респиратором, шагнул в облако пыли и достал карандаш темпорального сканера.

— Надо же, — удивился он, — почти два миллиона лет…

— Два миллиона? — зачарованно переспросил Никита и с болью в голосе добавил: — Какой экспонат угробила…

— Я же не знала… — попыталась оправдаться Наташа.

— Тут бы скрепляющий аэрозоль не помог, — успокоил ее Илья. — Удивительно, как труп раньше не рассыпался. За счет естественной диффузии он должен был давно обратиться в труху и, в лучшем случае, от него на полу остался бы только отпечаток.

— Опять проделки Морока? — язвительно процедил Никита.

Илья неопределенно пожал плечами и обратился к шевроннику, сопоставляя автоматически отснятые кадры останков инопланетянина с известными расами гуманоидов.

— Хм… — поджал он губы. — Действительно, что-то необычное… Данные о такой расе в картотеке Галактического Союза отсутствуют.

— Я же говорил, что реликт! — сокрушенно махнул рукой Никита. — Эх…

— И что бы ты с ним делал? — фыркнул Илья.

— Может, при нем были какие-то вещи… Представляешь, сколько мог бы стоить раритет неизвестной цивилизации двухмиллионнолетней давности!

— Так за чем дело стало? — саркастически скривился Илья. — Предметы неорганического состава вполне могли сохраниться. — Он указал на продольную горку праха, протянувшуюся от стены до стены. — Ищи.

Никита ошарашенно посмотрел на Илью, затем сбросил с плеч рюкзак, надел лепестковый респиратор, стерильные перчатки и, став на четвереньки, принялся просеивать между пальцами прах гуманоида настолько древней исчезнувшей цивилизации, что о ней не сохранилось никаких сведений.

Не перестаю удивляться, как быстро может меняться человек. Пять дней назад Никита брезговал обшаривать карманы стапульца, а сейчас дрожащими руками просеивал древний прах.

Наташа тяжело вздохнула, отошла в сторону и села на рюкзак. Илья подошел и сочувствующе положил ей руку на плечо. Он не спешил приводить свой план в исполнение, исподволь в глазах Наташи противопоставляя себя Никите.

Около получаса потребовалось Никите, чтобы от стены до

стены тщательно просеять прах инопланетянина. Вначале он работал с лихорадочной поспешностью, подняв вокруг себя облако пыли, но по мере приближения к противоположной стене, остывал и последние горсти праха просеивал с полной безнадежностью. Но именно здесь ожидала удача. Пальцы наткнулись на что-то твердое, и Никита извлек из праха небольшой, с ладонь, тяжелый брусок. Поднятая пыль мешала рассмотреть находку, поэтому Никита вначале ощупал свободной рукой оставшуюся кучку праха, ничего не обнаружил и только тогда встал с четверенек.

— Личному составу смирно! — сорвав с лица респиратор, объявил он и продемонстрировал мутно-прозрачный зеленоватый брусок, испещренный мелкими бороздками. — Троекратное «ура!».

«Ура!» никто кричать не стал. Илья взял кристаллический брусок в руки, повертел перед глазами.

— Повезло, — сказал он, возвращая находку. — По всей видимости, это принадлежало имегоридянам, чья цивилизация исчезла полтора миллиона лет назад. Описания, как они выглядели, не сохранилось, и все, что до сих пор найдено из их наследия, — горсть мелких осколков подобного вещества.

— Ого! — У Никиты захватило дух. — Натали, мы богаты! Мы не просто богаты, мы сказочно богаты!!!

Наташу его воодушевление не впечатлило.

— Если выберемся отсюда… — тихо сказала она.

Ее замечание нисколько не отрезвило Никиту.

— Не дрейфь, Натали, куда мы денемся! — Он повернулся к Илье и осторожно поинтересовался: — Наша договоренность остается в силе?

— Да. Тебе — все материальные предметы, мне — технологии.

— Значит, эта штука целиком и полностью моя?

— Само собой. Если только бороздки не представляют собой письмена, в которых зашифрована какая-либо технология.

Никита машинально покивал, снял перчатки и, продолжая зачарованно разглядывать кристаллический брусок, провел по нему указательным пальцем. Откуда-то из глубины пещеры донесся заунывный, свербящий душу, низкий звук.

— Что это? — насторожилась Наташа.

— Морок, — хмыкнул Никита и, сильно нажав, снова провел пальцем по бороздкам на кристаллическом бруске.

Протяжный ноющий звук, казалось, зазвучал отовсюду, и был настолько низким, что волосы встали дыбом, а по коже побежали мурашки.

— Прекрати!!! — закричала Наташа, затыкая уши ладонями. Она наконец поняла, откуда идет звук.

— Быть может, это голос имегоридянина? — предположил Илья.

Он ошибался. Это была музыкальная игрушка, наподобие губной гармошки. Точнее, тактильной гармошки.

— Оригинальный эффект. Похоже на инфразвук, — продолжал Илья. — Такой компактный излучатель мне неизвестен. Дай-ка, посмотрю.

А вот в этом случае он оказался прав. Принцип извлечения инфразвука из кристалла был настолько простым и оригинальным, что до него, исключая имегоридян, никто не додумался.

— Успеешь насмотреться, — помрачнев, буркнул Никита и спрятал брусок в карман. Он прекрасно понял, к чему клонит Илья.

Илья сдержался, чтобы не рассмеяться, и наконец-то начал свою игру. Случай представился, он и не упустил его.

— Наш устный договор по-прежнему в силе? — спросил он.

Никита отвернулся и сделал вид, что копается в рюкзаке.

— Повторяю вопрос, — повысил голос Илья, — наш договор в силе?

— Да! — раздраженно огрызнулся Никита. — Успеешь насмотреться! Может, это никакой не голос, и никакой новой технологии в извлечении звука нет! Выведи нас, Сусанин, отсюда, тогда и будем разбираться!

Илья помедлил с ответом, и я опять увидел, что он борется с усмешкой.

— Вывести отсюда, говоришь? — справившись с собой, натянуто переспросил он. Актером он был не ахти каким, но раздражение в голосе получилось натуральным. — Тогда чего ты сидишь, делаешь вид, что копаешься в рюкзаке? Идем.

— Ребята, — попросила Наташа, — может, на сегодня хватит ходить? Давайте на ночь устраиваться.

— Ты хочешь спать в этой пыли? — кивнул Илья на медленно оседающее облако праха имегоридянина. — Не стоит, право слово. Прах мертвых похуже сернистых испарений.

Илья вскинул на плечи рюкзак и зашагал вперед. Однако уже через полкилометра, когда мы снова оказались в прямом отрезке туннеля возле очередного дубликата надписи на стене, Илья остановился и сбросил с себя рюкзак.

— На сегодня все! — объявил он. Как я понял, он специально остановился на ночлег у надписи, нагнетая напряженность.

Ужинали молча. Наташа настолько уставала, что в последние

дни практически не разговаривала. Илья делал вид, что дуется на Никиту, а Никита не заводил разговор, опасаясь, что Илья снова потребует показать найденный раритет. Я же молчал по привычке. Я вообще не проронил ни слова с тех пор, когда вошли в пещеру. Наташа и Илья, если изредка и обращались ко мне, то опосредованно, будто меня рядом не было, а Никите, который крыл в глаза отборным матом, я не отвечал. Отвечать на оскорбления — выше моего достоинства. Молчание иногда ранит сильнее, чем укол шпаги во время дуэли.

Первой уснула Наташа, так и не доев ужин. Она и не почувствовала, как Никита закатывал ее в кокон квазипены. Вид у нее был настолько изможденным, что спала она с приоткрытым ртом, и слюна сбегала из уголка рта. В руке она продолжала сжимать пакет с недоеденным пищевым брикетом, и это невольно вызывало аналогию с трупом первого стапульца. Илья покосился на брикет, но не стал вслух проводить сравнений. Укутался квазипеной, повернулся на бок и мгновенно уснул. Нервы у него были не просто железные — стальные. Никита долго ворочался с боку на бок и никак не мог уснуть, ощупывая в кармане древнюю музыкальную игрушку. А когда все-таки заснул, спал беспокойно, то и дело хватаясь во сне за карман.

5

Утром все были в подавленном состоянии. Изнуряющие длительные переходы в темноте по однообразному пустынному туннелю делали свое дело.

— Провизии осталось на три дня, — тихо сказала Наташа, раздавая пищевые брикеты.

Ей никто не ответил, и все молча принялись завтракать. Наташа глубоко вздохнула и посмотрела на надпись на стене.

— У меня такое ощущение, будто я родилась в пещере и только то и делала, что ходила по ее коридорам, — сказала она. — А все, что было до этого, — туманный сон.

Ей снова никто не ответил. Илья сидел на полу, привалившись спиной к стене, и неторопливо ел, извлекая завтрак из брикета походной ложкой. Никита сидел на рюкзаке и тупо жевал пищевой брикет, не замечая, что ест вместе с оберткой.

— Никаких сокровищ тут нет! — неожиданно зло заявил он и посмотрел на меня как на пустое место. Сквозь меня.

— Почему нет? — спокойно парировал Илья. — А излучатель инфразвука, который ты нашел?

Он отстранился от стены и сел прямо. Пола куртки распахнулась, как бы невзначай открывая кобуру с разрядником.

Я почувствовал приближение развязки и отошел к тупику. Рано или поздно, но все когда-либо заканчивается. Кроме Вечности. Пещера имела отношение к Вечности, но путь в ней был конечен.

— Да кому нужен этот раритет, если мы отсюда не выберемся?! — в сердцах повысил голос Никита. — Я его у Лишнего забрал, а через пару миллионов лет еще кто-то найдет его на моем высохшем трупе. Не нужно мне никакой сокровищницы Морока, выход из пещеры покажи!

— Выход отсюда есть, — твердо заверил Илья.

Никита хмуро посмотрел на него и увидел выглядывающую из-под полы куртки кобуру.

— Я уже понял, когда выход откроется, — неожиданно ровным спокойным тоном сказал он, глядя в глаза Илье.

— Да ну? — притворно удивился Илья, отложил в сторону ложку, и его рука потянулась к кобуре. — И когда же?

— Не советую менять ложку на разрядник, — все тем же ровным тоном сказал Никита.

Он повел плечом, и из рукава в ладонь скользнул разрядник. Ствол был направлен в голову Ильи, и мое мнение о невысоких

умственных способностях Никиты развеялось как дым.

— Никита, ты что?! — обомлела Наташа.

— Сбрендил, — замерев в неудобной позе, констатировал Илья.

Он пытался изобразить на лице испуг, но получалось плохо. Это меня удивило. Илья долго готовил эту сцену, но предполагалось, что разрядник будет у него в руках. Почему же, упустив инициативу, он не боится?

— Нет, не сбрендил, — спокойно сказал Никита. — Просто догадался, что означает быть Лишним. Тхиенцу подразумевал, что один из нас должен умереть, только тогда вход в сокровищницу откроется. Не правда ли, мауни Илья?

— Бред! — фыркнул Илья. — Тхиенцу всех нас называл мауни. Наташа, по-твоему, тоже должна умереть?

Никита нехорошо осклабился.

— Вот тут ты, Илья, и прокололся. Тхиенцу не путал понятия агнца и Лишнего. Лишний, как сказал он, либо ты, либо я, и только тогда перед мауни откроется вход в сокровищницу. Я правильно излагаю?

— Чушь порешь, спятивший дурак! — возмущенно взорвался Илья и потянулся к кобуре.

Я опять не поверил в его возмущение. За наигранной экспансивностью крылся холодный расчет и твердая уверенность, что Никита не выстрелит.

— Не вздумай, буду стрелять! — гаркнул Никита, но предупреждение не остановило Илью.

— Вы что, с ума сошли?! — с ужасом выдохнула Наташа, но они ее не слышали.

Илья лихорадочно дернул за клапан кобуры, и как только его ладонь легла на рукоять разрядника, Никита нажал на спусковой крючок. Раздался сухой щелчок. Брови Никиты удивленно взлетели, он машинально нажал второй раз, третий… Четвертый раз нажать на спусковой крючок он не успел, так как разрядник Ильи полыхнул сиреневой молнией, мгновенно преломившейся в квазидвухмерном воздухе пещеры в ослепительно сияющее марево.

Зная, что произойдет, я предусмотрительно прикрыл глаза, они же не догадались. Дико закричала Наташа, и когда сияние померкло, и я открыл глаза, то увидел, как она, ползая на коленях по полу, слепо водит перед собой руками и причитает:

— Никита, Никита… Где ты… Отзовись…

Никита сидел на рюкзаке будто истукан, безвольно уронив на колени руки, а у стены лежал скрюченный труп Ильи, и угасающие искры статического электричества перебегали с

разрядника на его одежду.

— Никита… Никита…

Руки Наташи наконец наткнулись на Никиту, она вцепилась в одежду и затрясла его.

— Никита!!!

— Живой я… — глухо отозвался он.

— А… А Илья?

— Ему не повезло.

Зрение начало восстанавливаться, и Наташа увидела труп Ильи.

— Это… Это ты… его?

— Нет. Он сам.

Никиту передернуло, он замотал головой, хотел отшвырнуть от себя разрядник, но мертво сцепленные пальцы не захотели разжиматься.

— Сам? — не поверила Наташа.

Никита не ответил, поднял к глазам разрядник, посмотрел на него. Пальцы наконец начали слушаться, и он извлек из рукояти зарядное устройство.

— Разряжено две недели назад, когда мы прибыли на Мэоримеш, — глухо сказал он, прочитав светящуюся надпись. — Заряда только на лазерный прицел хватает. Предусмотрительный Илюша, знал, что произойдет… Подготовился к дуэли… Объяснял бы тебе потом, что это я стрелял первым, а он только защищался… Да только, падаль, не учел свойств квазидвухмерного воздуха…

И тогда Наташа обхватила Никиту руками и громко зарыдала, уткнувшись в куртку лицом.

— А я-то недоумевал, почему Илюша меня в компаньоны берет, — продолжал бубнить бесцветным голосом Никита. — Не экспедиция, а прогулка… Сказочные сокровища почти даром…

Я продолжал стоять в глубине пещеры и не собирался к ним подходить. Пусть поплачутся, выговорятся. Третий для них сейчас лишний.

Никита погладил Наташу по голове, поцеловал в лоб.

— Ну-ну, успокойся. Все кончилось.

Наташа перестала рыдать в голос, но плечи все еще сотрясались.

— Что… — всхлипывая, спросила она и подняла к Никите заплаканное лицо. — Что… кончилось?

Никита глубоко вздохнул.

— Все.

Наташа отстранилась от Никиты, обвела взглядом пещеру и задержалась на надписи на стене.

— Ничего не кончилось, — потухшим голосом сказала она. — Все та же пещера, та же пыль под ногами, та же надпись на стене… Это для Ильи все кончилось, а для нас?

Никита, будто очнувшись, выпрямился на рюкзаке и огляделся. И увидел то же, что и Наташа.

— Пройдем метров двести, — не очень уверенно сказал он, — и вместо очередной развилки увидим вход в сокровищницу.

— А если не увидим?

— Увидим, — более твердым голосом попытался убедить Никита. — Легенды не врут, иначе Илья сюда бы не сунулся.

— Илья говорил, что вход в сокровищницу открывает Морок, — тихо сказала Наташа. — И Тхиенцу говорил…

— Тхиенцу говорил так о входе в пещеру, — возразил Никита, посмотрел на Наташу и осекся. Не стоило ему гасить затлевшийся лучик надежды. Пусть хоть во что-то верит. — По-твоему, нужно сказать какое-то волшебное слово?

— Быть может…

— Сезам, откройся! — крикнул Никита, и глухое эхо «откройся… откройся…» покатилось по туннелю, но ничего не произошло.

— При чем здесь земные сказки, волшебные слова… — вздохнула Наташа. Втайне она надеялась, что если не вход в сокровищницу, то выход из пещеры все-таки откроется.

— Какая разница: волшебные слова или ключевая фраза? — раздраженно заметил Никита. — Не устраивает земная сказка? Давай по местной легенде. — Он набрал в легкие воздуха и гаркнул: — Морок, мать твою, открывай вход в сокровищницу!

Он был готов на что угодно, лишь бы разрядить обстановку, но, кроме мата, других способов не знал.

— Никита… — жалостливо протянула Наташа. — Опять ты…

Закончить она не успела, так как стена с надписью «Здесь живет Морок» стала медленно проваливаться, образуя проход, и через минуту из провала в пещеру хлынул дневной свет.

— Ой… — прошептала Наташа. Колени, на которых она продолжала стоять перед Никитой, перестали держать, и она с размаху уселась в пыль.

— Ты смотри, сработало… — ошарашенно просипел Никита перехваченным горлом.

— Идем, идем… — с лихорадочной поспешностью затараторила Наташа. — Быстрее… Вдруг сейчас закроется…

Она с трудом поднялась на дрожащих ногах и сделала шаг к проходу, но Никита удержал ее за руку.

— Погоди. — Трезвость и рассудительность вернулась к нему. — Не закроется, иначе бы в пещере были горы мумий.

— А если…

— Никаких если! Если только одно: если там действительно сокровищница, надо взять рюкзаки.

Наташа умоляюще посмотрела на него, но подчинилась. Они быстро собрали рюкзаки, Никита помог надеть рюкзак Наташе, вскинул за спину свой. Затем посмотрел на рюкзак Ильи, но не стал его брать.

— Я — не мародер! — заявил он трупу, пнул ногой рюкзак и, взяв Наташу за руку, направился к проходу в стене.

Я не стал их обгонять, заходить в сокровищницу первым, а неторопливо пошел следом.

— Это выход… — обрадованно прошептала Наташа, когда через двадцать метров пути открылся вид на поросшую мелкой зелено-бурой травой бескрайнюю равнину под голубым бездонным небом. По равнине до самого горизонта в разнобой были расставлены разнокалиберные хрустальные кубы.

По-своему, Наташа была права. Это был выход. Своего рода. Из ситуации.

— Это сокровищница Морока, — не согласился Никита. — Видишь, в каждом кубе какие-то тени? В них, как понимаю, заключены достояния всех цивилизаций Вселенной.

И он тоже был прав. Насчет достояния всех цивилизаций. По-своему.

— Такая большая? А откуда здесь небо? — не поверила Наташа.

— Я не такой знаток многомерности пространства, как Илья, — скривил губы Никита, — но о свертке трехмерного пространства слышал. Теоретически, можно целую галактику поместить в ореховую скорлупу, а уж запихнуть какую-нибудь планету в горный массив Гайромеша — раз плюнуть.

На самом деле принцип устройства сокровищницы был совершенно иной, но сейчас это не имело никакого значения.

Наташа приостановилась и с тревогой посмотрела на Никиту.

— Если здесь, как в музее, собраны достояния всех цивилизаций, разве нам позволят отсюда что-нибудь унести?

— Еще как позволят! — безапелляционно заявил Никита. — Морок неспроста открыл для нас вход в пещеру. К тому же из легенд известно, что многие отсюда возвращались с богатыми трофеями. А легенды не врут.

Наташа отвела взгляд. Она хорошо помнила слова Ильи о трехпроцентной достоверности информации в легендах и мифах.

От входа в сокровищницу до ближайших хрустальных кубов было метров сто, и чем ближе мы к ним подходили, тем явственней в толще хрусталя просматривались какие-то фигуры.

— Ой! — воскликнула Наташа, когда мы подошли почти вплотную к большому кубу, метров десяти высотой. — Да это же стапульцы!

— Стапульцы, — согласился Никита. — В центре, насколько понимаю, королева-матка, а вот тот, справа от нее — наверное, король-самец.

Тучная особь справа от королевы-матки в живописной группе стапульцев из сорока двух членов семьи на самом деле была фрейлиной, а невзрачный король-самец сидел на третьем хвостовом сочлении королевы матери и представителями иных рас зачастую принимался за новорожденное дитя.

— А этого мы видели в пещере, — указала Наташа пальцем на плоского, с широкой круглой спиной стапульца, угрожающе выставившего перед собой квантовый излучатель. — Кажется, стапулец-телохранитель…

— Ага. И этого тоже видели, — кивнул Никита на низкорослого стапульца с угловатой лысой головой. Он включил шевронник и вывел на дисплей информацию о семейной иерархии стапульцев. — Странно, — пробормотал он, — тут говорится, что королеву-матку всегда сопровождают шесть фрейлин, а здесь ни одной одинаковой особи…

Но Наташа его не слышала. Она уже стояла у другого куба, посреди которого в угрожающих позах застыли две трехметровые зеленовато-блеклые особи, чем-то напоминающие земных скорпионов, вооруженных, кроме клешней, многочисленными щупальцами с присосками и когтями.

— А это кто? — поинтересовалась она.

Никита подошел, посмотрел.

— Милые создания, — скривился он. — Возможно, представители какой-нибудь вымершей цивилизации. Или особи дикой фауны, быть может, той же Стапулы.

Это были притераты, представители здравствующей и поныне цивилизации, которые категорически отказывались входить в Галактический Союз и весьма агрессивно реагировали на любые попытки контакта в пределах занимаемого ими звездного сектора. Информация о них не была секретной, но и широко не афишировалась. Ею интересовались разве что узкие специалисты. Вроде меня.

— Ой, смотри, Никита, люди! — воскликнула Наташа, останавливаясь у третьего куба, в котором застыли три фигуры в сиреневых бесформенных балахонах с островерхими капюшонами, открывающими только лица.

— М-да… — только и сказал Никита, рассматривая троицу.

Это были не люди, а экбистоляне. Лицами они были похожи

на землян, а все отличия скрывались под одеждами. Причем морфологических отличий между людьми и экбистолянами было гораздо больше, чем подобий, начиная с того, что у них по два локтевых сустава на каждой руке и по два коленных на ногах, и заканчивая тем, что экбистоляне — холоднокровные и трехполые. Тут и были представители трех полов.

— Чем-то на нас похожи… — задумчиво сказала Наташа. — Этот плотный — Илья, худой и длинный — ты, а маленькая и хрупкая — я.

Никита поморщился. Любое упоминание об Илье вызывало у него раздражение.

— Как живые… — Наташа поежилась. — Правда?

— Нет, — сказал я из-за их спин. — Они не только живые, но и бессмертные. Мгновение жизни растянулось для них в Вечность. Но это не люди — землян в экспозиции пока нет.

Наташа с Никитой вздрогнули и медленно обернулись.

— Кто это сказал? — испуганно прошептала Наташа.

— Я сказал.

Я отключил дезоориентационный экран, и они наконец-то меня увидели. Но смотрели они не мне в лицо, а на мой плащ, ниспадающий на зелено-бурый дерн клубами мрака.

— Ты кто? — хрипло спросил Никита, но по их глазам было видно, что они сразу поняли, кто я такой.

— Морок, — не стал я их разубеждать. — Живу я здесь.

Леонид Моргун
Найти филумбриджийца

Подлетая к окрестностям Альтаира, выйдите на смотровую палубу вашего звездолета и поглядите в район звездного скопления НГС-552. И когда корабль сбавит скорость, обходя область влияния нейтронной звезды А 233-16, на самом краю скопления вы сможете заметить крошечную блестящую точку. Это и есть НИ-КБ (научно-исследовательская космическая база) № 19. При желании вы сможете подробнее рассмотреть ее в сильный телескоп. 180 лет тому назад она походила на клубок серебристой пряжи, пронзенный спицами причалов. Клубок, диаметром 4 километра, и причалы по 7 километров каждый. Но время шло. Люди рвались в глубины Галактики, а база оставалась в тылу, расширялась, ремонтировалась и реконструировалась, и постепенно превратилась в то, что вы можете видеть сейчас — уродливое, беспорядочное нагромождение коробок и куполов, похожее на порождение фантазии пьяного кубиста. Пустуют запыленные причалы. База давно уже утеряла научное и исследовательское значение. Сейчас она превратилась в чисто административный городок, где работают конторы нескольких институтов, трестов, региональная инспекция по охране окружающей среды, отделение галактического банка. Есть общежитие для рейсовых челночных бригад. Когда они прилетают, гулкие коридоры наполняются грохотом подбитых магнитными подковками ботинок, жизнерадостными веселыми голосами и здоровым молодецким смехом. Но кончается пересменка, и вновь Базу окутывает сонная тишь. Шуршат листы отчетов и справок. На дисплеях перед бледнолицыми сонными девушками приплясывают колонки голубоватых цифр, мерно гудят компьютеры, извлекая из недр своих триллионы бит потребной кому-то информации. А затем кончается условный день и начинается не менее условный вечер. Для трех с половиной тысяч человек населения Базы он обычно бывает заполнен танцами, кино, флиртом, для кого-то щемящей тоской, для кого-то бурной радостью. В такие-то вечера и появляются на свет личности, днем обычно незаметные, в силу того, что и должности они на Базе занимают самые невзрачные — пожарные, вахтеры, технические исполнители, был даже один комендант общежития. Все это были люди пожилые, чтобы не сказать старые. В молодости они прилетели на Базу, мечтая посвятить жизнь исследованию и освоению необъятных галактических

пространств, принести свет человеческого разума в самые глухие закоулки галактики. И им это удалось, долгие годы они возвращались на Базу, опаленные светом невиданных солнц, на зубах их хрустела пыль таинственных планет, они громко смеялись и шагали, неуверенно ставя ноги, отвыкшие от гравитации. Они были живой легендой, покорителями и первооткрывателями, и подвиги их были описаны в очерках и романах и сняты в кино. Но когда глаза их стали слабеть, а руки потеряли твердость, когда они начали терять сознание во время перегрузок, и долго и шумно скандалить с врачами, начальство стало вежливо, но твердо вычеркивать их из списков экспедиций. И они стали оставаться на Базе, томясь от сознания собственной никчемности, и с завистью провожали в дальние рейсы бодрых и подтянутых новичков, Они же оставались. Надолго. Навсегда.

По вечерам они порой появлялись на «бродвеях» центральных ярусов, временами маячили на спортплощадках, забредали в кинозал, кое-кто захаживал в бар, но итогом их прогулок был всегда этот уголок по соседству с комнатой дежурного электрика.

Этот закуток в шутку прозвали Старой Хрычевней. Располагался он в самом конце сорок седьмого яруса, под пожарной лестницей. Одна его стенка приятно грелась от соседства уранового котла, а под потолком висела маленькая тусклая лампочка, которая начинала угрожающе раскачиваться всякий раз, когда База совершала очередной маневр в пространстве.

Обычно там было туманно от дыма безникотиновых сигар, шла ожесточенная игра в нарды или домино, в неимоверных количествах выпивался чай, и над всем этим витал неторопливый разговор.

Я работал тогда старшим инженером в управлении геологических изысканий, днем корпел над отчетами экспедиций, составлял сводки, сочинял справки, а по вечерам писал рассказы. Раз в месяц на меня возлагались обязанности ночного дежурного по Базе, как, впрочем, и на остальных специалистов среднего звена.

В одно их таких дежурств и забрел я в Старую Хрычевню. И… остался там. С тех пор я почти каждый вечер забирался в уютный уголок под лестницей и слушал, слушал рассказы ветеранов. Многие из них я потом записал. Недавно, перебирая свои архивы, я наткнулся на один из этих рассказов, который и предлагаю вашему вниманию.

Эдвард Тотс, которого базовские старички с ехидцей прозвали Чуть-Того-с, в отличие от прочих обитателей Старой

Хрычевни, был на Базе гостем. Он прилетел откуда-то из глухой галактической провинции повидаться с сыном, который очень не вовремя задержался в рейсе. Целыми днями его папаша слонялся по огромным угрюмым коридорам космической базы № 19, изводил заведующего экспедиции, диспетчеров порта и начальника почты. Он производил впечатление тихого, смирного старичка, мягкого, застенчивого и совершенно неприспособленного к космосу. За глаза старая язва брандмайор Афлатун едко, но метко окрестил его «астрохлей». И в самом деле, трудно представить себе, чтобы этот человек когда-либо в жизни занимался каким бы то ни было созидательным трудом, ибо во всех вопросах, связанных с космосом, навигацией, пространством, астрономией или производством, он проявлял совершенно фантастическое невежество. Тем не менее он был очень начитан, не расставался с томиком Бодлера на французском, хотя Афлатун и уверял всех, что при чтении тот держит книжку вверх ногами. В Хрычевне он бывал постольку, поскольку ему надо было где-нибудь находиться по вечерам. Этот уютный уголок под лесенкой около будки дежурного электрика, приют базовских отставников и пенсионеров, был единственным местом, где все они чувствовали себя действительно дома. К Чуть-Того-су в этом заведении относились очень нейтрально, чтобы не сказать пренебрежительно, почти не замечали. Но как-то раз, когда у старичков зашел спор о различных достоинствах и недостатках славных покорителей Галактики, под началом коих довелось послужить им в молодые годы, Эдвард Тотс неожиданно заговорил и поведал нам удивительную историю, которую я сейчас и предлагаю вниманию любезных моему сердцу читателей. А начал он так:

— Я знавал лично многих славных командоров. Но сдается мне, что львиную долю славы отхватил себе человек, ни в коей мере ее не заслуживший. Да, милостивые государи, если космос и знавал бонвиванов и фанфаронов, то самым спесивым и самовлюбленным среди них несомненно был некий командор Филипп У. М. Бридж. (У. М. расшифровывалось как Уильям Моррис.) Злые языки поговаривали, что интеллекта в этом человеке было не больше, чем в одноименной пачке сигарет, а пользы и того меньше. Неизвестно в силу каких качеств своего характера, заслуг или связей получил он место начальника исследовательского звездолета. Очень скоро и начальству его, и подчиненным стало ясно, что места этого он совершенно не заслуживает. И уже готов был суровейший приказ о его понижении в чине и полном увольнении, как вдруг неожиданно пришлось все пересмотреть и срочно представлять его к ордену.

Он просто должен был благодарить судьбу, что случайно открыл новую планету, причем изобильнейшую, причем обладающую разумным населением, и причем совершенно не прикладая к этому рук.

Я так уверенно говорю об этом потому, что в ту ночь на вахте его корабля стоял мой отец. Именно он заметил стаю диковинных существ, которые хороводом окружили звездолет, именно он поднял тревогу и он же не допустил, чтобы командор открыл пальбу по беззащитным зверюгам, которые, как вскоре выяснилось, оказались племенем космических скитальцев. Впечатление они, конечно, производили ошеломляющее и даже слегка отталкивающее. Внешне они представляли собой нечто среднее между каракатицей, осьминогом и морской звездой, довольно причудливой розовато-лиловой окраски, с шестью толстыми щупальцами и тремя глазами на большом воздушном мешке, наполненном гелием, который позволял им летать над поверхностью планет и в космосе. Летая, эти существа перерабатывали невинный газ в нечто тяжкое и смрадное, в ползучий черный дым, который извергали из себя всякий раз, когда хотели передвинуться. Вещество это было менее опасным, чем хлорпикрин, но эффективным ничуть не меньше горчичного газа. Наши знакомцы не умели разговаривать, если не считать разговором клекот и невнятные цокающие звуки, которыми они изредка обменивались при еде. Единственным их преимуществом перед людьми были превосходно развитые телепатические способности. Они могли обмениваться между собой связными мыслями и яркими образами. Впрочем, круг их интересов замыкался на еде и самолюбовании. В остальном уровень их развития был не выше, чем у троглодита. Язык их насчитывал 150–200 слов, из которых большую часть составляли междометия. Некоторые ученые позже пытались искать в них отголоски влияния некоей працивилизации, выискивали в их среде хоть какие-то намеки на зачатки наук и искусств, но тщетно. Ну чего вы хотите? Представьте себе человека, живущего в мире, лишенном естественных врагов и суровых условий, в мире, изобилующем пищей, светом, теплом, прекрасными климатическими условиями, индивидуума, лишенного каких-либо проблем, даже половых, ибо размножаются эти существа почкованием, представьте себе, говорю я вам, гения, живущего в этом благодатнейшем из миров, — и вы получите ленивого, туповатого, скучающего бездельника, недотепу и немного философа, каковыми и являлись большинство туземцев. «Но, где же? — вопросили их люди. — Где этот мир и почему вы покинули его ради холодного и пустынного космоса?..» — «Да вот же! —

отвечал старый Вождь, чья кожа поросла лишаями от времени. — Вот она, наша планета, с которой нас изгнали в результате гнусных происков всяких мерзавцев, вроде вулканщиков, ржавоболотников и чащобников… Нас, исконных обитателей этого мира, которые имеют прав на него гораздо больше, чем они! Во-он тута находится эта планета и называется она…»

— Филумбридж! — заорал командор. (Видно, это слово давненько уж вертелось у него на языке.) — Отныне и навеки пусть наречен он будет Филумбриджем!

И он доставил изгнанников назад, промерил и заснял всю планету. Его рапорт в Управление астронавтики напоминал «космические оперы» из книжонок для подростков. Он не поленился расписать свои «подвиги» на ниве Контакта. А на карте планеты отныне и навек красовались море Филиппа, залив Уильяма, хребет Морриса и океан Бриджа. В скором времени люди стали частыми гостями на Филумбридже. Они долго пытались завязать какие-либо контакты с прочими племенами планеты, но ни вулканщики, ни ржавоболотники не проявили к ним особой симпатии, а чащобники вообще… ну, да, это тема для особого разговора. И, возможно, эта планетка так и осталась бы в списках заповедных, если бы не оказалась самым настоящим ртутным Клондайком. Самородная ртуть там водилась в количествах, поражающих самое смелое воображение. Там стояли ртутные лужи, плескались ртутные пруды и озера. Сам воздух планеты был напоен ядовитыми испарениями, которые с удовольствием вдыхали туземцы. Вкусы у них, надо вам сказать, были весьма специфическими. Питались они в полном смысле этого слова воздухом, серная кислота служила им приправой к завтраку, а крепкий электрический разряд действовал на них, как валерьянка на кошек.

В мрачные грозовые дни видно было, как они поднимались под самые тучи и, раздув свои мешки, носились между молниями, как взбесившиеся дирижабли. В короткое время на Филумбридже вырос ртутнодобывающий комплекс, а при нем филиалы, лаборатории нескольких институтов и поселок с населением в пять тысяч человек. Я среди них был старожилом.

Отец мой близко к сердцу принял колонизацию планеты. Ведь она в какой-то мере была его детищем. До конца дней своих он не мог себе простить, что по его вине первозданный и прекрасный в своей чистоте и нетронутости мир оказался в алчных лапах нашей технологической цивилизации. Он входил во все комиссии по защите прав коренного населения планеты, сочинял и подписывал петиции, организовывал марши протеста против колонизации планеты, а потом и вовсе добился перевода

на Филумбридж и стал там вскоре начальником, диспетчером, радистом и инженером единственного филумбриджийского космодрома, женился. Вскоре родился я. Мои детство и юность прошли на Филумбридже. Отмучившись два года в Альтаирском университете, я вернулся назад не без облегчения. Из всего многообразия профессий, которые могла предложить мне наша бездушная цивилизация, я выбрал ремесло поэта. А поскольку стихи мои браковали во всех редакциях, я решил обождать, пока мир созреет для восприятия моего творчества, и принялся помогать папе присматривать за космодромом. Однако действительно любимым моим занятием было бродить по планете, читать стихи туземцам и болтать с ними о том о сем. Я настолько адаптировался к этому миру, что на мой организм совершенно не оказывали вредного воздействия ядовитые пары. Я редко надевал кислородную маску и был на короткой ноге с окрестными племенами. Вернее, то были разные кланы одного разросшегося племени изгнанников, которым по-прежнему правил седоглавый Вождь. Лишь одно это племя благоволило к человеку и прозывалось оно драбаданами. Я пропадал у них, бывало, неделями, и они принимали меня за своего. Такой образ жизни я вел довольно долго, был им доволен и не мечтал ни о чем другом. Но однажды утром произошло событие, перевернувшее всю мою жизнь.

Все утро мы играли в ловитки с Ниф-Нифом. Так я прозвал своего любимца — большого, розового молодого туземца-драбаданина. Строго говоря, он был моим ровесником. Но в его племени двадцать семь наших лет считались ясельным возрастом.

Потом мы с ним отправились в хвощевой лес и половили там крумерий — это такие здоровенные трехкрылые бабочки изумительной расцветки, причем на каждом крылышке растет своя голова, так сказать, инсектоидный вариант Змея-Горыныча. Потом мы полазали по ущельям. Потом полетали под облаками. Потом разразилась гроза — Ниф-Ниф освежился, а я посидел в пещере: не самое приятное ощущение, когда с небес на тебя обрушивается поток серной кислоты, пусть даже и слабой концентрации. Потом, когда дождь кончился, мы слетали поглазеть на гейзеры. Не удивляйтесь, что все это мы успели сделать за одно утро: Филумбридж очень медленно вращается вокруг своего маленького, но очень жаркого солнца, утро там длится несколько наших суток — от трех в мартеле до шести в сентябрусте. От веселых игр в гейзерах нас оторвал сердитый звонок коммуникационного устройства в заднем кармане моих брюк. С экрана на меня сердито таращился отец.

— Куда это ты запропастился, бездельник! — заворчал он при виде меня. — А ну, марш немедленно домой!

— Но, папа, мы только…

— Не папа, а гражданин начальник порта! — загремел он. — Если через полчаса ты не будешь на работе, я влеплю тебе строгача с занесением!

Пришлось подчиниться. У папы «строгач» означал как минимум двое суток домашнего ареста, да еще без сладкого. Ниф-Ниф подхватил меня своим мощным щупальцем, для верности я еще привязался к нему ремнем — и мы помчались домой со скоростью хорошего истребителя, оставляя за собой длиннющий шлейф грязно-бурого дыма.

— Что, прилетает большая летучка? — спросил меня Ниф-Ниф по дороге.

— Наверное, — ответил я. — Хотя для «Стромбрейнджера» еще рановато, он ведь только на той неделе улетел.

«Стормбрейнджером» именовался контейнеровоз, который регулярно снабжал нас продуктами и оборудованием, а взамен получал цистерны с самородной ртутью. Оказалось, что к нам в гости пожаловал корабль из метрополии и привез с собой нескольких весьма важных гостей. Отец уже вырядился в парадную форму, заставил и меня одеться поприличнее. На космодроме было много встречающих, и народ все прибывал.

Уже сидя за рулем трапа, убранного для такого случая цветами и коврами, я узнал, что, оказывается, Филумбриджу присвоили статус «добровольно присоединившейся территории» и теперь к нам прибывает генеральный консул аж с самой Земли. Никто толком не знал, как его встречать, но на всякий случай все разоделись, приготовили банкетный зал, запаслись отчетами о проделанной за истекший год работе. Директор ртутного комбината Харви Шунбром отдал под апартаменты консула свой летний домик. В скором времени на поле приземлился спускаемый модуль со звездолета, который парил высоко над нами. Когда пламя под дюзами опало, я подъехал к модулю. Отворился люк, и по трапу спустились двое в скафандрах. Один из них, едва завидев меня, бросился мне на шею, набив мне при этом изрядную шишку на лбу стеклом своего гермошлема.

— Эдди! — закричал он. — Ты не узнаешь меня, старый кенарь?!

Как я мог не узнать его? С Бустиньелем Ламермуром мы учились на Альтаире и два года прожили в одной комнате. По числу двоек и прогулов он был вторым на факультете, ибо на первом месте неизменно шел ваш покорный слуга.

— Буст! — воскликнул я. — А ты какими судьбами?

— Два года коптил потолки в МИДе, а теперь вот забросили консулом на периферию. А ты здесь чем занимаешься?

— Сторожу порт. А еще выдаю багаж, проверяю и компостирую билеты…

— Чепуха, — засмеялся он. — Я подыщу тебе местечко получше. А пока познакомься, мой секретарь Конституcьон Слависски.

— Можно просто Конни, — сказала второй космонавт и протянула мне ладошку.

Это была девушка, и притом прелестная, насколько позволял разглядеть скафандр. А мне достаточно было только взглянуть в ее бездонные синие глаза, увидеть ее милую застенчивую улыбку, разглядеть прядку пшеничных волос, выбившуюся из-под капюшона, — и я сразу понял, кого ко мне столь долгие годы призывало мое поэтическое воображение.

Встреча получилась на славу, Шунбром произнес торжественную речь, которая была у него заготовлена с незапамятных времен, и он угощал ею каждую комиссию. Стоит ли уточнять, что она была написана мной еще в годы студенческой юности и с тех пор не претерпела ни малейших изменений. Правы был древние римляне, говоря, что «ars longa vita brevis»[1].

Буст в свою очередь разразился полуторачасовой тирадой, в которой вкратце обрисовал жалкое существование нашей планеты в качестве колонии и восхитительное будущее, которое сулит ей присоединение к Интерспейсу. Правда, он постоянно вместо Филумбриджа называл какой-то Куфорньенг и нас упорно продолжал именовать куфырнианами, но все делали вид, что не замечают этого. Потом был банкет и танцы, на которых все веселились от души. Конни очаровала все мужское население бывшей колонии, страдавшей от недостатка женского пола. Я, стоя в уголке, любовался тем, как она исполняла все эти новомодные танцы, которые теперь считаются чопорными, но мой старик полагал их верхом разврата. И тогда я впервые за всю жизнь пожалел, что так и не научился танцевать.

Утром следующего дня я зашел к Бусту, помог ему прибить к фасаду домика здоровенную черную с бронзой вывеску «Генеральное консульство Интерспейса», подвесил на крышу флаг Интерспейса и остался позавтракать. Консульский паек был изобильным. Такого мы не едали даже по праздникам. Но кусок не лез мне в горло, я во все глаза любовался красавицей Конни и вполуха слушал болтовню своего приятеля.

— Да ты совсем спишь! — сказал он, подливая мне мадеры. — Я спрашиваю, как ты не боишься ходить по улицам без

маски. Здесь же говорят, жутко ядовитый воздух.

— Я привык. А может быть, мутировал… Поживи здесь с мое…

— Благодарю, — отвечал он, сердито сверкнув глазами. — Такой участи я и врагу не пожелаю. Я, если хочешь знать, готовился поехать послом на Де Спика, во всяком случае дядюшка сватал меня именно туда. Но для этого нужно иметь два-три года дипломатического стажа. Отработаю их — и поминай как звали. Боже мой! Три года в этой глуши. Ртуть, плебеи да еще эти каракатицы…

— Они прекрасные ребята. Очень дружелюбные и веселые.

— А ты что? Общался с ними? — заинтересовался Буст.

— А как же? Мы с ними очень дружны.

— Старина! — воскликнул он. — Вот кого мне не хватало для полной укомплектации штата — почему бы тебе не пойти ко мне секретарем по туземным делам?

— Мне? Секретарем?

— А что? Грамотно писать ты, надеюсь, не разучился. Многого пока обещать не могу, но полтысячи в месяц…

У меня голова пошла кругом. На всех моих должностях у папы в порту, как основных, так и совместительских, я не зарабатывал и трех сотен, да и от них гроша не видел, ибо и получку за меня получал родитель, а тут, вдруг, сразу и столько… Но подумал я и о том, что на этой должности, сидя взаперти в четырех стенах, не увижу я уж больше родных моему сердцу сопок, не пролечусь с молодняком над болотами, не вылеплю дворца из лишайников, не приму участия в Большом ежегодном Молении… Но поймал лукавый взгляд Конни, смешался, покраснел и… согласился.

Отец сначала не отпускал меня, не подписывал заявления об уходе, потом пригрозил, что уволит за прогулы, но Ламермур надавил на него через Шунброма, и вскоре началась моя деятельность в новом амплуа.

В консульство я заявлялся к десяти утра. Мы завтракали, потом отправлялись прогуляться по поселку, заходили на почту поболтать с начальником, пропускали у него по стаканчику и, нагуляв аппетит, шли обедать в ресторан, где для нас был уже уготован отдельный кабинет. После обеда мы выкуривали по сигаре и собирались в зале, где нас уже ждали пивные кружки и свежие газеты, только что доставленные из радиостанции. После ужина нас на еженощную пульку приглашали Шунбром со своим заместителем Гольцем. И так продолжалось без малого три недели. К концу месяца мы с Конни садились за расчеты и переписывали из гроссбухов комбината данные об основных

экономических показателях их работы, которые, впрочем, не баловали нас разнообразием, суммировали количество заболевших и выздоровевших, травмированных и повысивших квалификацию, разносили всю эту информацию по графам и за подписью Ламермура посылали в Центр, который, очевидно, на основании этих данных делал глубокомысленные выводы о неуклонном росте благосостояния Филубриджа. В дни праздников я подгонял к консульству директорский вездеход, привязывал флажки к усикам антенн, и мы с Бустом отправлялись разносить поздравления, состряпанные им накануне. Одно — от лица Интерспейса населению доминиона он вручал директору, другое — от лица населения доминиона Интерспейсу — отдавал на почту. Затем он напяливал поверх скафандра фрак и мы с ним ехали в расположение главного клана драбаданов, где и проживал друг мой Ниф-Ниф. Там мы вручали Вождю двухсотлитровую канистру «царской водки» и новенький пятисотвольтовый аккумулятор, и все племя закатывало по такому случаю грандиозное пиршество. Буст хохотал, глядя на это с пригорка. Мне же, откровенно говоря, было неприятно глядеть на то, как туземцы устраивают попойки и драки вокруг наших подарков.

Конни оказалась прекрасной, очень славной девушкой, доброй и работящей. Целыми днями она стряпала на нас, вела текущую документацию, а по вечерам занималась. Она училась на заочном отделении филологического института и специализировалась на инопланетном фольклоре. К сожалению, с этим у туземцев было негусто. Не называть же так воспоминания Вождя о временах, когда они с прошлым Вождем летали между туч, и шальная молния уложила старика на месте. Эту историю он мог рассказывать годами к общему восхищению соплеменников. Конни просила меня отвести ее к вулканщикам и ржавоболотникам, но я и сам их побаивался, уж больно воинственные это были племена. Конни очень нравилась планета. Она и в самом деле прекрасна, особенно на рассвете, когда маленькое, злое, рыжеватое солнце высвечивает своими колючими лучами заросшие мхом равнины; червонным золотом поблескивают на них ртутные лужицы и диковинными фигурами курится бурый туман…

Следующий визит «Стормбрейнджера» нагрузил нас работой. Во-первых, требовалось срочно провести перепись населения, затем составить грандиозные простыни расчетов и подсчитать, сколько на планете проживает взрослых людей, подростков, мужчин и женщин, сколько особей занимается общественно-полезным трудом, а сколько нет, и прочая, прочая… И все это

требовалось сотворить в ближайшие часы, пока звездолет загружался почтой и ртутью, ибо за задержку отчетности командор имел право вчинить иск консульству, а непредоставление отчетов могло дорого обойтись Бусту. Сначала мы хихикали, читая графы отчета, потом хохотали, держась за животы, потом взялись за головы. Буст глянул на часы и велел нам срочно приниматься за работу. Он разрешил нам писать все, что бог на душу положит, но заклинал избегать круглых цифр, которые могут вызвать у проверяющих подозрения. Бедная Конни! — как только она ухитрялась разделить на мужчин и женщин однополое население и скольких из этих бродяг и вольных охотников было ею причислено к занимающимся общественно полезным трудом? Я не спрашивал, а она стеснялась отвечать. Я же принялся вдохновенно сочинять справку о воспитательной и общеобразовательной работе, проводимой нами среди местного населения (поэмы, честно говоря, удавались мне лучше), а сам Буст удалился, чтобы перехватить командора. Они с директором поймали его в столовой, оттуда перекочевали в буфет, оттуда в директорский дом, где заперлись в спальне, пели песни и, судя по звукам, развлекались тем, что швыряли бутылки в люстру — кто попадет? Явившийся рано поутру старший помощник командора погрузил своего шефа в гравилет и отправился на корабль, прихватив с собой по пути наши отчеты и сказав о нашем гостеприимстве немало слов, не значащихся в толковых словарях. О значении некоторых из них я до сих пор могу только догадываться.

К следующей почте мы готовились основательно. Я подготовил несколько десятков справок на все случаи жизни. Конни составляла планы развития Филумбриджа на ближайшие столетия, Буст же вдохновенно занимался карнавалом, который мы решили провести на Новый год. Мой друг с юных лет был мастером на всякие массовые праздники и развлечения. Хлебом его не корми, дай только организовать какую-нибудь вечеринку с переодеваниями или маскарадную процессию. Лишь за это его и держали в университете.

Прилетевший под праздник звездолет порадовал консульство лишь одним тощим конвертом за тремя сургучными печатями и золотой надписью «диппочта». Ламермура мы отыскали в ресторанчике, где он развешивал гирлянды. Он вскрыл пакет, пробежал глазами письмо, потом его скрючило, и он повалился на пол и задрыгал ногами в приступе истерического смеха. Подхватив выпавший из его рук листок, Конни прочла: «Настоящим вам предписывается подобрать кандидатуру для представления. Основные характеристики: представляемый

должен быть коренным филумбриджийцем мужского пола, желательно, брюнет с голубыми глазами, рост 170–180, вес не более 90 кг, можно с брюшком, образование не ниже среднего, желательно семейного. Социальное положение: из тружеников, желательно рабочий…» — к концу ее чтения приступ хохота у нас уже прошел и сменился надрывными стонами. Отсмеявшись вволю, я предложил:

— Может быть, послать твоим шефам популярную брошюру Граузена «Сапиенс Филумбриджа»?

Буст поморщился.

— Ты плохо представляешь, с кем имеешь дело, — сказал он со вздохом. — Эти парни не любят, когда их учат. Они привыкли сами поучать.

— Интересно, что они собираются с ним делать? — задумчиво произнесла Конни.

— Написано же «для представления». Может быть, представят к ордену Интерспейса. Или к медали «За Сотрудничество» или какую они еще там выдумают. А может быть, введут в Совет Интерспейса. Или сделают генеральным консулом в метрополии. Ты думаешь, мы от хорошей жизни решили превратить колонию в доминион? Как ты нам прикажешь ратовать за полную и всеобщую деколонизацию, если мы сами имеем колонии? Нет, кандидатура — дело тонкое, здесь главное — не допустить политической ошибки. Собирайся, — сказал он мне. — И прихвати канистру с кислотой.

— Куда это?

— Съездим к Дурню, — так он перекрестил старого Вождя. Я обрадовался, потому что давно не видел Ниф-Нифа. Я приготовил ему в подарок отличную двухсотвольтовую батарейку и надеялся, что он будет доволен.

Племя мы нашли километрах в двадцати от поселка. Все население, едва завидев нас, приветливо замахало щупальцами и помчалось навстречу, так что от их едкого дыма даже у меня перехватило дыхание. Однако Вождь отогнал сородичей и, подлетев поближе, телепатировал:

«Вкусного воздуха! Жаркого солнца! У вас опять праздник?»

— О да, Великий Вождь, — отвечал я. — И мы желаем вам много гроз и Большого Дождя!

«Я люблю ваши праздники, — бесхитростно сказал старик. — Вы тогда приносите много вкусных вещей».

— Скажи ему, что на этот раз это не только наш, но и их праздник, — велел мне Буст. Он был не силен в телепатии и не в силах перевести мыслеобразы, которыми обменивались туземцы в конкретные слова. Это, кстати, было непросто. — И еще скажи,

что одному из его соплеменников выпадет скоро великая честь представлять всю планету в Совете Интерспейса. Ему дадут много кислоты, щелочей и аккумуляторов…

«Я согласен, — быстро решил Вождь. — Несите все сюда».

— Увы, о Бессмертный, — я развел руками, — но тогда тебе придется покинуть родную планету, оставив на ней родное племя, родные края и места охоты и переселиться в наш мир. Назначь кого-нибудь сам.

Вождь насупился и приступил к размышлениям. Долгое время он в буквальном смысле этого слова «витал в облаках», раздумывая, а затем спустился и известил:

«Думаю, надо послать Пятнистого. Что-то у него совсем пропал аппетит. Может быть, путешествие пойдет ему на пользу».

Ламермур наотрез отмел эту кандидатуру.

— Больной? Этого еще не хватало! А вдруг он помрет в дороге или сразу же после приезда? Это же будет международный скандал! Нет, пусть дает совершенно здорового и не старше тридцати лет.

С великим трудом я растолковал Вождю, какой период времени обозначают тридцать наших лет, и он возмутился:

«Как можно отпустить несмышленого ребенка в чужие края? Да и что от него там толку?»

— Ты ему объясни, Эдди, что толк — это наше дело…

Туг я ощутил страстный призыв Ниф-Нифа, который витал неподалеку, делая вид, что нас не замечает.

— Послушай, твое сиятельство, — сказал я Бусту, — видишь вон того парня? Давай пошлем его. Он редкий умница и обожает учиться. Он даже освоил немного таблицу умножения.

— Не думаю, что она ему там пригодится, — с сомнением сказал Ламермур, скептически оглядев мою кандидатуру. — А главное — он розовый, как поросенок. А рост? Метра четыре, не меньше. А нам нужен двухметровый брюнет. Скажи Дурню, пусть выстроит перед нами весь молодняк, а мы посмотрим.

Битых полчаса он разглядывал выстроившихся перед ним туземцев, пока наконец не сделал выбор.

— Спроси-ка, что Дурень скажет насчет этого, с прозеленью. Вид у него довольно забавный. И смышленый. Ты не находишь?

Этот-С-Прозеленью показался мне довольно туповатым субъектом без малейших признаков интеллекта. Весь он был какой-то пегой окраски с большим исчерна-зеленым пятном на мешке. Я попробовал было с ним пообщаться, но вскоре понял, что занятие это бесполезное.

«Вам нравится Этот-С-Прозеленью? — обрадовался Вождь. — Берите его и поскорее. От него нет проку ни в драке, ни на охоте.

Где ваша бочка?»

— Погоди, погоди! — осадил его Ламермур. — А характеристика?

Над ней мы корпели битых два часа. В результате на свет родился документ, из которого явствовало, что Этот-С-Прозеленью действительно является коренным жителем Филумбриджа, тридцати трех лет от роду (о половой принадлежности мы благоразумно умолчали), с полным начальным образованием. Мы указали, что за годы своей жизни и деятельности в родном племени Этот-С-Прозеленью проявил себя с самой положительной стороны: скромен в быту и личной жизни, почтителен к старшим, занимается спортом (если считать таковым прыжки по кочкам), грамотен, устойчив и активно работает над повышением своего морально-политического уровня…

Изнемогавший от нетерпения Вождь приложил под характеристикой свою присоску — и мы принялись сочинять биографию рекомендуемого. В ней перечислялись все семьсот двадцать два близких родственника, причем имена мне пришлось выдумывать на ходу, поскольку в обиходе филумбриджийцы превосходно обходятся даже без кличек. Я не представлял до сей поры, что можно сказать о жизни филумбриджийца. Ну, ел, ну, пил, спал, дрался с соседями… Но Ламермур насочинял такое, что Этого-С-Прозеленью вполне можно было вводить либо в Академию Наук, либо в Совет Интерспейса. В тот же вечер «Стормбрейнджер» стартовал, увозя в метрополию нашу депешу. А мы продолжили подготовку к карнавалу.

Праздник наш удался на славу. Мы устроили парад масок, потом был банкет, потом танцы, потом разыгрывались «живые картины» и прочие шарады. В разгар всеобщего веселья примчался бледный как полотно начальник почты и, потрясая бланком правительственной депеши, взобрался на стол. Все мы, сочтя это за очередную шутку, зааплодировали и приготовились слушать.

— Господа и товарищи! — с растерянным видом произнес почтмейстер. — Только что я получил экстренную сверхсветовую телеграмму из метрополии. Позвольте мне зачитать ее содержание. «Консулу Ламермуру для исполнения. Настоящим сообщаем, что Совет Интерспейса рекомендует провести выборы на планете Филумбридж и избрать президента указанной территории…»

Зал разразился овацией.

— Минуточку, господа! — перекрывая шум, закричал наш почтмейстер. — Тут имеется продолжение: «Вышестоящие органы

рекомендуют избрать на этот пост коренного филумбриджийца, положительно характеризующегося по работе, по имени… — он сделал многозначительную паузу: — Этот-С-Прозеленью».

Шунбром с недоумением поглядел на Ламермура.

— Я что-то не припомню никого с этой фамилией. Может быть, это кто-то из наших ученых?

Вацлав Сигельский, начальник филиала института астрогеологии, также пожал плечами.

— Держу пари, — сказал Гольц, — наш консул предложил Совету какого-то местного шестинога.

— Постойте, постойте, — Шунбром почесал в затылке. — Я, кажется, припоминаю, перед отлетом этот господин принес мне на подпись какую-то характеристику… — он поглядел на начальницу отдела кадров.

— Мы его оформили на полставки дежурным кладовщиком, — бесстрастно сообщила Машенька. — Личное заявление с вашей визой.

— Так вот для чего ты мне все это подсунул! — прорычал Шунбром.

На Ламермура было жалко смотреть:

— Это… это какая-то ошибка… — пролепетал он. — Я просто не знал, для чего им все это было нужно…

— Поздравляю! — загоготал мой папаша. — Отныне нашим президентом станет шестиногий моллюск с мозгами годовалого младенца.

— Черта с два! — возмутился директор. — Я сейчас же подам жалобу! Я этого так не оставлю. Я не допущу никаких таких выборов!

Не знаю, кто первым свистнул. Наверное, бездельник Фрай. Спустя секунду опешившего, растерянного консула провожал оглушительный свист и улюлюканье всего человеческого населения планеты. Согнувшись под тяжкой ношей людского презрения, консул добрел до дверей, потом повернулся и закричал:

— Свистите! Громче свистите, балбесы! И шлите петиции! И телеграммы с протестами! И устраивайте демонстрации! А знаете, чем все это кончится? Тем, что через месяц к вам сюда пришлют роту солдат и назначат какого-нибудь остолопа управителем. Неужели вы думаете, что Интерспейс выпустит из рук вашу бесценную планету, этот ценнейший склад стратегического сырья, расположенный в таком географически удобном месте? Или вам неизвестно, что президент планеты имеет право устанавливать и снижать налоги, брать кредиты в Банке Развития, требовать льгот и привилегий в Интерспейсе?

Что ж, изберите кого-нибудь из своих, какого-нибудь лаборанта или техника и отдайте ему всю полноту своей власти. Я посмотрю потом, с каким видом вы, профессор, и вы, директор, придете к нему на поклон просить дополнительных ассигнований. А вы придете, потому что он станет вашим правителем. А если вы ему не понравитесь, он вас уволит. Да, уволит! Как вы не понимаете, что вам предложили идеальный вариант — избрать великолепного президента, который никому не будет мешать, будет пастись себе целыми днями на лужайке, не спрашивая, подпишет любой ваш документ, а главное, никому не будет отравлять жизнь интригами и пустопорожними советами! — он обвел пристальным взглядом притихшую залу. — Сверху нам рекомендовали избрать шестинога. И правильно порекомендовали. Вы вольны не прислушиваться к их рекомендациям. Но учтите, что там, — он выразительно ткнул пальцем в потолок, — очень не любят самодеятельности. И через месяц-другой сюда нагрянут проверки и ревизии, наблюдатели и комиссии, которые, может быть, и не найдут у вас тут ничего предосудительного, но сделают все для того, чтобы найти. И уж наверняка многие из вас после визита не сохранят за собой своего поста. Подумайте эту ночь. И учтите, что мы не имеем права тянуть с выборами. От лица Интерспейса я еще раз предлагаю вам кандидатом на пост президента Этого-С-Прозеленью. Завтра вы проголосуете либо за него, либо… против самих себя! Эдди, Конни, за мной!

И мы поплелись следом за ним готовить все для голосования. Всю ночь я сколачивал урны, а Конни печатала бюллетени. Ламермур корпел над воззванием к народу от лица будущего президента. А в поселке продолжались танцы, искрился фейерверк, задуманный консулом, который так и не смог на него посмотреть. Наутро я поехал развозить бюллетени. Ну и наслушался же я выражений в свой адрес. Самым приличным из них было «зеленка вонючая». Стыдно сказать, что делали с нашими бюллетенями.

Весь следующий день мы с Бустом просидели возле урн на веранде, ожидая избирателей. Но никто не подошел. Люди проходили мимо, посвистывая, отпускали обидные словечки, Конни сидела в дальней комнате и не показывалась. К концу дня приехали Шунбром, Гольц и Сигельский. Ламермур пригласил их в дом, но выйти они отказались и разговаривали из вездехода.

— Слушайте, консул, — заявил Шунбром. — Вот вам наше последнее слово. Мы поговорили с народом. Конечно, всем нам глубоко наплевать на вашего президента. Своего мы пока, не можем предложить, а человека со стороны нам не надо. Поэтому

считайте сегодняшние выборы молчаливым одобрением кандидатуры Интерспейса. Пихайте в ваш ящик столько бумажек, сколько вам вздумается, назначайте вашего головоногого друга президентом, императором или папой филумбриджийским, лишь бы он сидел себе смирно и не совал нос в наши дела. Согласны?

Ламермур усмехнулся.

— Мне-то все равно. Но президенту необходим штат. Как минимум вице-президент и секретарь. Этих вы можете назначить по своему усмотрению, как и суд, министров и состав правительства.

Шунбром повеселел:

— Берите в вице-президенты моего Гольца. Одним бездельником у меня меньше станет.

Гольц смущенно заулыбался. Мне все время не нравился этот плюгавый типчик с вороватой улыбкой.

— А оклад? — еле слышно вопросил он.

— Не меньше восьми сотен, — уверенно заявил консул.

— Ого! — рявкнул Шунбром и стукнул Гольца по плечу, отчего тот провалился под сиденье. — Этак ты и меня переплюнешь.

— Но госсекретарем мы назначим кого-нибудь из штата нашего института, — безапелляционно заявил профессор. — Скажем, мою секретаршу Басеньку. Нам необходимо иметь своего человека при особе президента. Она милая и скромная девушка, в институт готовится…

— Предлагаю пройти в консульство и все обсудить подробнее. — Ламермур встал и сделал широкий жест, приглашая в дом. Провожая их в дверь, он выразительно подмигнул мне. И я поспешил в ресторанчик, откуда возвратился, сгибаясь под тяжестью двух десятков бутылей без наклеек, которые всегда держали там для нас.

Обсуждение продлилось до глубокой ночи. Было решено испросить у метрополии фонды для строительства президентского дворца, а под них отгрохать бассейн с саунами и концертный зал, заказать новые вездеходы, мебель, канцелярское оборудование, хороший вычислительный центр, наладить регулярное пассажирское сообщение между Центром и Филумбриджем, заказать новые лаборатории, начать строительство нового корпуса института… Планов было хоть отбавляй и все — один другого прекраснее.

Далеко за полночь, когда мы проводили гостей, я, проходя через гостиную, столкнулся с Конни. Глаза девушки были заплаканы. При виде меня она отвернулась.

— Что случилось? — спросил я, слегка трезвея. — Вы чем-то расстроены?

— И не я одна! — гневно ответила она. — Кому вы хотите замазать глаза этой жалкой пародией на демократию? Ведь на этой планете, кроме драбаданов, есть и другие племена, которым их господство вовсе не так приятно. И люди на этой планете только гости, но очень нахальные и самоуверенные.

— Ах, Конни, — ну о чем вы говорите! — рассмеялся я. — При чем здесь демократия и всякие такие выспренные слова. Все это мелочи по сравнению с той прекрасной жизнью, которая у нас теперь начнется. И вообще, выходите за меня замуж! — я был настолько поражен и восхищен собственной смелостью, что готов был тут же ее поцеловать, что и попытался сделать, но звонкая пощечина совершенно протрезвила меня.

— Новую жизнь никогда не начинают с обмана! — зло выкрикнула она мне в лицо. — И я никогда не соглашусь сменить свою фамилию на вашу, мистер Того-с, или Тотс или Как-Вас-Там-с, потому, что она принадлежит недоучившемуся бездельнику, лжецу и пьянице!.. — и девушка вышла из комнаты, шваркнув дверью так, что люстра заходила ходуном.

На следующий день, проспавшись, мы с Ламермуром вновь нагрузили вездеход подарками и отправились на розыски драбаданов. На этот раз они кочевали в районе болот. Когда мы выбрались из трясины на более или менее твердое и сухое место, Ламермур ознакомил Вождя с результатами выборов. А потом мне пришлось объяснять Вождю смысл слова «президент». Как только он уяснил себе это, он поднял такой шум, что мне показалось, будто череп мой вот-вот расколется надвое от интенсивного потока самых отрицательных эмоций и наиболее уничижительных мыслеобразов, которые трудно было выразить словами, но чести в них было мало.

«Только вы, косоротые недогубки, недомерки бездвующщальные, — яростно телепатировал Вождь, — бледномордые двуходульные и хлипкоголовые бестолочи могли назначить Верховным Вождем Мира этого недотепу! Или вам мало нашей земли и ртути, которую вы столь ненасытно поглощаете? Или мало вам равнин, которые мы отдали вам, чтобы туда могли садиться ваши смердящие и пламенем полыхающие повозки? Много-много лун пытались наши племена избрать себе вождя и всякий раз это заканчивалось мордобоем. А в прошлый раз, когда мы предложили в вожди мою покойную отцемать, нас и вовсе изгнали с планеты. Это было хорошим уроком для драбаданов, и с тех пор, как мы возвратились, мы

тихонько сидели себе и ни с кем не связывались. Теперь вы что же, хотите опять ввергнуть нас в войну с соседями? Да вы представляете, что будет, если рыжеболотники или вулканщики узнают, что вы самовольно назначили одного из наших вождем? Да они в порошок нас сотрут и развеют в пространстве!»

— Пусть только попробуют! — заорал Ламермур. — Вся галактическая мощь Интерспейса и три космических флота будут охранять ваше племя. А кроме того, это великая честь для твоего племени, Вождь. Вы даже не представляете себе, какие вы только получите привилегии!

Эти доводы не убедили старого Вождя. Он еще долго возмущался, а потом набросился на Этого-С-Прозеленью и отхлестал его выдернутым из земли деревцем, так что тот с воплями удрал в чащу. Возвращались мы подавленные. Буст по пути набросал текст прошения об отставке, а я с тоской размышлял, что после их отъезда я навеки лишусь надежды найти материальный объект для воспевания в моих поэмах. По въезде в поселок наш вездеход окружили ребятишки. Они свистели нам вслед и распевали нечто вроде: «Его превосходительство сидит на представительстве!..»

Спустя минуту нам стала ясна причина их ликования. На крыльце консульства сидел Этот-С-Прозеленью и уныло прихлебывал из блюдечка соляную кислоту, а рядом стояла Конни и гладила его по воздушному мешку, который она, очевидно, принимала за голову. Но она ошибалась, так как мозг у филумбриджийцев находится совсем в другом месте, примерно там же, где органы выделения и передвижения. Однако нашему новоиспеченному президенту явно льстило столь нежное внимание со стороны могущественных пришельцев.

— Бедненький! — жалостливо сказала девушка, увидев нас. — Он прилетел сюда и… словом, я сразу почувствовала, как он несчастен… Его изгнали из родного племени…

— Может быть, предоставим ему политическое убежище? — съязвил я, глянув на Ламермура. Но тот не поддержал шутливого тона.

— И предоставим! — заявил он. — Неужели ты думаешь, что Интерспейс оставит без защиты бедного юношу, которому оказало такое высокое доверие население планеты?

— Ты что же и в самом деле хочешь, чтобы он остался здесь и…

— А ты бы предпочел, чтобы в Галактике разразился грандиозный политический скандал? Если кто-нибудь из репортеров пронюхает, что здесь у нас живет не настоящий президент, то под сомнение будут поставлены и должности

остальных президентов, представляешь, что тогда начнется в наших колониях? Да-да, в колониях, чего греха таить, мы — колонизаторы. И этим наше государство ничем не отличается от остальных членов Интерспейса. Но мы обязаны соблюдать внешние приличия, и потому этот балбес станет у нас самым настоящим президентом, не будь я консулом.

— Но ведь он не умеет ни читать, ни писать, ни даже разговаривать по-человечески!

— А ему ничего этого и не потребуется. Достаточно лишь приложить печать на подготовленный секретаршей документ.

Да вы только посмотрите на членов Совета Интерспейса — это же готовые кандидаты в Бедлам. Или вы не знаете, что политикой всегда и везде занимаются лишь отпетые болтуны или круглые дурни, неспособные ни к какой другой нормальной созидательной деятельности? А поглядели бы вы, как они рвутся к власти: один объявляет себя мудрейшим судьей, другой, отродясь не вылезавший за пределы своего городка, рекомендуется специалистом по межпланетным отношениям, третий поливает грязью сородичей, лишь бы самому выйти чистеньким. Нет, ребятки, нашему балбесу там самое место. А ну марш в дом, скотина! — прикрикнул он на нашего президента, который уже справился с кислотой и, теперь, принялся за тарелку.

— Смотри, Бу, — задумчиво сказала Конни. — Хлебнешь ты еще горя с этим «превосходительством».

Но Ламермур пропустил ее слова мимо ушей. С этого дня он самолично принялся натаскивать президента в особенностях его будущей службы. Прежде всего для него изготовили особого рода смокинг с четырьмя рукавами, в которые президент научился просовывать свои щупальца. Брюки одевались на нижние две пары щупалец, на которых он вскоре выучился довольно сносно ходить. Ламермур, не скрывая, гордился своим проницательным выбором, ибо в короткое время Этот-С-Прозеленью обучился сидеть на стуле, подавать щупальце, утвердительно или отрицательно покачивать воздушным мешком и рыкать начальственным басом. Каково было мое изумление, когда я услышал, что президент выучился произносить по-человечески, в голос, некоторые междометия, такие, как: «А-а-га!.. Хммм… Ну-ну! Так-так…» и несколько менее внятно: «Подумаем… Разберемся…» Лихим росчерком пера он учился чертить на бумаге замысловатые загогулины, долженствовавшие изображать связные надписи или подписи. А вскоре за него взялись и Гольц с Басенькой.

Этот-С-Прозеленью начал свое правление на Филумбридже

довольно скромно. Скучая, сидел на совещаниях, все посасывал свеженький аккумулятор да тужился, чтобы не испортить воздух случайной работой своего двигательного аппарата. На всякий случай в зал заседаний ходили в противогазах. Затем за его подписью появились несколько любопытных приказов, благодаря которым и ртутнодобывающий комбинат, и филиал института переходили в собственность филумбриджийского народа. Вначале на эти приказы никто не обратил внимания, но вскоре Шунбром и Сигельский вынуждены были посылать свои приказы на визирование к президенту. А тот мог их подписать, а мог и… Тогда только понял Шунбром, какую змею взрастил на груди. А змея в образе Гольца в кратчайшее время прибрала к рукам всю полноту власти и в скором времени распорядилась освободить роскошное заводоуправление комбината для передачи его под президентский дворец. «Через мой труп!» — заорал Шунбром. И стал в должностном отношении абсолютным трупом. Его моментально уволили с уничтожающей характеристикой. Гольц знал все уязвимые места своего бывшего начальника. Когда же Басенька заявила, что подумывает о диссертации, профессор Сигельский с преданным блеском в очах предложил ей свое содействие. Смерив его милостивым взором, девица пообещала подумать о его предложении.

Однажды выйдя из консульства прогуляться, я встретил все племя драбаданов, которое под предводительством Вождя летело к зданию бывшего заводоуправления. Старик подлетел ко мне и приветствовал меня задиранием щупальца.

— Рад видеть тебя, дружище, — отвечал я ему. — Куда это вы собрались?

— В гости к нашему родственнику, — гордо ответил Вождь. — У него есть для нас хорошие новости. Сегодня у нас будет большой праздник! Приходи и покушай с нами.

Я вежливо отказался и откланялся, а зря, ибо, как вскоре выяснилось, на банкете-то и происходила дележка мест в новом аппарате управления. В течение какой-то недели все руководители служб, отделов и цехов получили отставку, а на их места были назначены филумбриджийцы. Участи этой не миновали ни Сигельский, ни почтмейстер, ни мой отец. Начальником радиостанции стал друг детства президента, так что попытки связаться с Центром были обречены на провал. Жаловаться было некому. Единственной надеждой наших колонистов стало ожидание «Стормбрейнджера», который вскоре должен был нанести нам свой очередной визит. Теперь ни я, ни Буст, ни Конни не показывали носа за ворота консульства. Еще бы, ведь, в глазах населения мы и явились основной причиной

бедствия.

А количество драбаданов в городке все увеличивалось. Прежнюю робость и замкнутость туземцев как рукой сняло. Они чувствовали себя полными хозяевами положения. Был издан указ, по которому люди обязывались уступать дорогу летящему драбаданину, низко кланяться при виде него и разговаривать исключительно мысленно, ибо звуковая речь нервировала драбадан. Запрещено было включать музыку, кроме драбаданской (о, если бы эти пофыркиванья и пощелкиванья можно было назвать музыкой), наконец запрещено было проявлять неуважение к драбаданам, прикрываясь от них чужеродными материалами… Это означало, что людям теперь будет запрещено пользование противогазами, респираторами и кислородными масками, а ведь без них любой человек в ядовитой атмосфере Филумбриджа непременно отравится. Земляне попытались провести забастовку и демонстрацию протеста, но драбадане живо разогнали их, применив свои газовые мешки, и сами в ответ провели марш протеста против притеснения коренного населения. О, этот Гольц был хитрой лисой и поэтому решил подстраховаться против любых возможных последствий. Но всего коварства замыслов этого человека не мог предположить никто.

Однажды на рассвете весь поселок разбудил характерный гул двигателей садящегося звездолета. В скором времени к взлетному полю потянулись все колонисты планеты, многие несли с собой скарб, чемоданы. Никто не желал оставаться на планете ни минуты. Но каково же было наше изумление, когда перед нашими глазами предстал самый настоящий здоровенный звездолетище угольно-черного цвета. С плоскостей его стабилизаторов топорщились кассеты с боевыми ракетами, радужно поблескивали линзы боевых лазеров. По трапу сошли мрачного вида солдаты в черных развевающихся одеяниях, по которым я сразу узнал хабарийцев, всеми ненавидимую расу космических святош и пиратов, с которыми у планет Интерспейса сохранялось вооруженное до зубов перемирие, ежемесячно нарушаемое кровопролитными провокациями то здесь, то там. К их главарю, здоровенному сухопарому детине с яйцеобразным черепом направились в вездеходе Гольц с президентом.

— Ничего не понимаю… — пробормотал Ламермур. — А почему они не пригласили меня? Я ведь все-таки консул…

— Дурак ты, а не консул! — заявил оказавшийся рядом мой папаша. — Ты им власть дал, а они ею воспользовались. И продали всех вас оптом и в розницу нашим врагам…

— Что значит, «продали»? — пискнул Ламермур.

— Когда тебя выведут продавать на хабарийский рынок —

поймешь! — огрызнулся папаша, сел в свой маленький турболет, на котором делал обычно облет взлетного поля и поманил меня к себе. Я подошел. Он притянул меня за шею и прошипел: — Чую я, что все это дурно закончится. Ложись на фюзеляж и крепче цепляйся за фонарь, а я постараюсь тебя отсюда вывезти.

— А как же…

Я поискал глазами Конни. Она тоже увидела меня, без слов все поняла и помахала мне рукой без улыбки. Она знала, что крошечный турболет и двоих-то вынесет с трудом.

— Лети один, — сказал я отцу. — И, ради бога, постарайся что-нибудь сделать!

Мотор затарахтел, и турболет взмыл в воздух. Увидев его, хабарийцы принялись стрелять, но неудачно. Услышав выстрелы, народ стал разбегаться по домам. Ламермур бросился к кораблю.

— Я генеральный консул планет Интерспейса или Лиги Галактических Государств! — выкрикнул он, приблизившись к яйцеголовому. — И требую…

— А я — скромный настоятель Святого Космического Братства Хабара, — заявил тот, потупив взор. — Мир вам дети мои! Я принес вам свет любви и благочестия.

— Я требую, чтобы ваш корабль немедленно покинул территорию независимой планеты Филумбридж! — с ненавистью во взоре и дрожью в голосе проговорил Ламермур.

— Сын мой, не ты нас сюда пригласил, не тебе с нас требовать, — кротко улыбнулся настоятель. — Мы прибыли сюда по просьбе законного правительства этой страны, правительства, избранного вами же самими. И разве мы можем противиться вполне понятному желанию вашего народа приобщиться к святому таинству Хабара и принять нашу единственно правильную, истинно разумную и строго научную веру в Догматы Вселенского Мрака?

— Но вы не имеете права никому навязывать свою изуверскую веру и свое общество! — пискнул Ламермур. — Я подаю протест. И еще строгое и самое распоследнее предупреждение. Я требую немедленного выдворения…

— Душа брата моего блуждает в потемках, — с сожалением сообщил настоятель подошедшему к нему офицеру-монаху. — Проводите его в исповедальню. Пусть брат Храпуга подвергнет душу его искусу, а тело — епитимье.

Подхватив Буста, солдаты раскачали его и швырнули в открытый люк звездолета. В следующий раз я увидел его через три дня, когда все человеческое население нашей колонии погнали на ртутные разработки. Был он бледен, избит и худ невероятно. Бросившись ко мне, он обнял меня и зарыдал.

— Эдди! — простонал он. — Знал бы ты только, что они со мной делали…

— Поделом тебе, проклятый болтун! — сквозь зубы проскрипел Шунбром. — Погоди, попадем мы с тобой на один рудник…

— Какой рудник? — пролепетал Ламермур.

— Нас всех заставили провести фиктивный референдум о передаче планеты хабарийцам сроком на девятьсот девяносто девять лет. Мы все подписали заявления о вступлении в Орден Хабара. Женщины пойдут в Обитель Любви и Милосердия, а мужчины в Братство Освобожденного Труда (и то и другое расположено рудниках).

— И вы подписали? — возмутился он. — Как вы могли!

— Если б ты видел как легко и непринужденно управляются эти молодчики со своими бластерами.

— Понимаю, — поскучнел он. — А куда нас сейчас ведут?

— Какие-то умники из наших решили насолить пришельцам и испортили электростанцию. Но те твердо решили не уезжать отсюда, пока не наберут полные трюмы ртути. Так что нас решено использовать вместо тягловой силы.

Всех нас выстроили в одну длинную и унылую вереницу, которая протянулась от рудника до самого трапа звездолета. Потом по веренице медленно поползли пожарные ведерки с ртутью. Люди старались на нее не смотреть, обматывали лица тряпками, щурили глаза, но все прекрасно знали, что каждому из нас к концу дня угрожает серьезнейшее отравление.

А рядом в небесной голубизне резвились драбадане. Один из них подлетел ниже и обдал меня теплыми и дружелюбными мыслеволнами.

— Привет, Ниф, — сказал я, глянув на него. — Ну, как тебе живется?

— О, прекрасно! — прощебетал мой старый знакомец. — Поздравь меня, я стал папой. Или мамой. Короче, и тем и другим сразу, — он гордо продемонстрировал мне с полдюжины прелестных маленьких каракатиц, гроздью сидевших у основания щупалец.

— Ты тоже можешь всех нас поздравить, — ответил я. — Скоро мы все станем трупами. Половина из нас отравится сегодня же, а те, кто выживет, сгниют на рудниках.

— Но… это же возмутительно! — он сразу все понял, мой добрый старый Ниф-Ниф. — А ведь я тебе еще тогда говорил, чтобы вы не избирали в свои вожди этого болвана. Да, мне будет очень не хватать тебя, Эдди.

— А мне тебя, Ниф, — сказал я. — Как подумаю, что тебе

предстоит сидеть в клетке вместе со своими детенышами.

— В какой еще клетке? — удивленно возмутился он.

— В очень узкой, маленькой, тесной клетке в каком-нибудь хабарианском монастыре. Неужели ты думаешь, что эти мнимые святоши оставят вас в покое на этой прекрасной планете?

— Но… — он на мгновение опешил, а потом вопросил: — Надо же что-то делать?

— Вот именно, — подтвердил я.

И мы стали думать, что же именно мы сможем сделать. Времени у нас было в обрез. Вот-вот должен был приземлиться «Стормбрейнджер». Хабарианцы об этом, конечно, знали и торопились взлететь, чтобы не влезть в очередной международный конфликт.

Во второй половине дня объявили перерыв на десять минут. Мы буквально валились с ног от усталости. Вы не представляете себе, что значит целый день передавать друг другу из рук в руки эти ведерки, полные ртути, по семь килограммов каждое. Вредное влияние атмосферы планеты начинало сказываться на людях. У некоторых кружилась голова, многих тошнило. Наш врач заявил начальнику конвоя, что, если не дать людям противоядия и не надеть противогазы, то на следующее утро половина из них погибнет.

— Смерть — это тоже своего рода наслаждение, — философски заключил начальник конвоя, отрываясь от томика Фомы Кемпийского. — Вы мало изучаете своих древних философов, ибо слишком увлечены мирской суетой. В противном случае вы бы сразу поняли, что смерть есть благо, ибо она единственная дает полное и совершенное освобождение от всех проблем и сует бытия.

В это время к нам подошел настоятель.

— Проводишь душеспасительные беседы? — прошипел он злобно. — А между тем кто-то из них телепатирует уже битых полчаса. Я все никак в себя прийти не могу: постоянно перед глазами вертится облик этого голодранца, будь он проклят… Где же он?!

Я поднялся.

— Да, именно он вызывал меня, — подтвердил настоятель. — Подойди сюда, дитя мое, и скажи, о чем бы ты хотел попросить меня перед тем, как тебя разрежут на куски тепловым лучом.

— Святой отец, — сказал я, подойдя к нему и смирно потупив очи. — Я молю лишь об одном: разрешите нам остаться на планете и предаваться познанию таинств Хабара, так сказать, заочно. Если же вы против этого, то хотя бы благословите меня

перед тем, что я хочу совершить.

— Вот это я охотно сделаю, тем более что совершить тебе остается лишь одно: перейти из бытия в небытие, на что я тебя охотно благословляю…

Я приложился к его тощей кисти и удержал ее в своих руках. В тот же миг на нас с неба обрушилась лилово-розовая молния и в следующее мгновение взмыла вверх, унося с собою нас обоих.

— Ваша святость, — сказал я, поудобнее пристегнувшись к Ниф-Нифу, когда он остановился на высоте полукилометра над уровнем планеты. — Примите мои самые искренние извинения за столь неожиданную смену декораций, но мне срочно потребовалось поговорить с вами наедине.

— Итак, вы решили прибегнуть к шантажу! — мрачно осклабился он. — Старый прием и на редкость затасканный.

В этот миг Ниф-Ниф чуть ослабил хватку, и настоятель с воплем соскользнул вниз.

— Однако, несмотря на его тривиальность, свежесть ощущений сохраняется, не так ли? — осведомился я.

— Ваше святейшество, что с вами?! — завопил голос из интеркома. — Где вы?

— Я беседую с этим заблудшим юношей на некоторые богословские темы, — невозмутимо ответствовал настоятель и, скосив на меня злобный взгляд, прошипел: — Что еще вам угодно?

— Единожды и навеки забыть о существовании Святого Братства, — без колебаний объявил ему я. — Вы немедленно возвращаете нам все данные референдума, все наши расписки и обязательства, а также цистерну с нашей ртутью и улетаете восвояси. Можете прихватить с собой президента и его заместителя.

— Благодарю, — скривился он. — На такой товар у нас покупателей нет. Однако не кажется ли вам, что вы требуете слишком много, а взамен предлагаете слишком мало, в сущности почти ничего.

— Больше чем ничего, святой отец, — возразил я, провожая взглядом кружащий вокруг нас гравитолет, ощетинившийся стволами пушек и ракетами. — Во-первых, я возвращаю вам жизнь, а во-вторых, из последних сил спасаю вашу репутацию. Но помните, от соединения с вашим богом вас отделяют мгновения… Учтите: один шальной выстрел, и вас буквально отпустят на волю! Скажите вашим монахам, чтобы улетали.

— Убирайтесь вон! — завопил он, судорожно цепляясь за разжавшееся Ниф-Нифово щупальце. — Вон отсюда! Все на корабль, мерзавцы!

Я с удовлетворением отметил, что слово настоятеля и в самом деле было для пиратов законом. Гравитолет мигом спустился вниз. Офицеры быстро построили своих солдат-послушников, и стройные колонны потянулись к кораблю. Прошло еще некоторое время, пока я не связался с Шунбромом и не узнал от него, что все население колонии в полной безопасности. Я уже начал терять терпение, ибо видел на горизонте темные и пегие тучи, которые внушали мне самые мрачные мысли, Наконец звездолет изготовился к старту, оставалось только поднять трап и дать газ. Тогда и я попросил Ниф-Нифа спуститься, что он и сделал с удовольствием (он тоже изрядно устал столь долгое время висеть в облаках). Смерив меня пронизывающим взором, настоятель пообещал, что постарается еще раз встретиться со мной и довести до логического конца наш богословский спор, и отправился восвояси.

Как только он вошел в звездолет и за ним закрылся трап, корабельные динамики засвистели и затрещали, и над полем прокатился озлобленный крик:

— Ничтожный выродок! Ты надеялся, что останешься свидетелем моего унижения? Ты рано радовался! Кто унижает божьего слугу, тот унижает самого Бога, тому нет прощения ни в земной жизни, ни в загробной. Молите же небо о скорой смерти, ибо те громы и молнии небесные, которые днесь обрушатся на вас, суть кара за ваши грехи!

— Ну, сейчас, начнется… — стоявший около меня Шунбром инстинктивно поежился. — Ты бы хоть подстраховался как или…

И началось. Но не у нас, а у них, на корабле. Необъятное поле космодрома вдруг огласили вопли и стенания, ругань и скрежет зубовный, молитвы и проклятия.

— Да что они все с ума посходили? — изумился экс-директор.

— Страховка сработала, — ответил я. Сердце мое переполнило ликование, ибо я знал, что сейчас из складок настоятелевой хламиды на волю вырвались с десяток миниатюрных каракатиц, которые тут же принялись резвиться, прыгать и кувыркаться, играть в ловитки на звездолете, наполняя его удушливым газом, от которого у благочестивых пиратов полезли на лоб глаза, завязались бантиками уши и обед попросился обратно. И не было от этого газа никакого спасения, кроме одного.

— Вызываю святейшего отца! — сказал я по рации. — Предлагаю вам единственное действенное средство вернуть себе нормальную атмосферу: подняться в безвоздушное пространство и продуть помещения струей чистого кислорода. Люки при этом

следует оставить открытыми.

Что святые разбойники и совершили к немалому удовольствию всех присутствующих. Старт звездолета вся колония встретила взрывом ликования. А тем временем сгущавшиеся на горизонте тучи приблизились, и мы различили летящие стройными рядами роты вулканщиков, батальоны ржаноболотников и полки чащобников. А потом они стали пикировать вниз, и мы увидели, что впереди них на своем турболетике летит мой папаша и показывает мне кулак с оттопыренным большим пальцем.

— Все в порядке, сынок, — заявил он, приземлившись. — Эти ребята согласились помочь нам, но при одном условии, что мы поможем им смонтировать геотермальную станцию.

— И приобрести звездолет, — добавил подлетевший к нам угольно-черный с лоснящейся кожей вулканщик.

— Вам — звездолет? — изумились мы с Шунбромом. Не столько тому, что услышали, сколько тому, что это было произнесено на довольно сносном интерлинге, правда, с некоторым обилием дифтонгов.

— Конечно, — подтвердил вулканщик. — Неужели вы думаете, нам не холодно в открытом космосе без ничего?

— Так, значит, вы умеете управлять звездолетами?

— Наши корабли не столь примитивны, как ваши, но и на ваших можно добраться до родных мест.

— А как же Филумбридж?

— Наши дети полетели сюда на экскурсию, но случайно отбились от группы, потерпели крушение и, как ведите, до сих пор не в силах были ничего предпринять. Нам пришлось ждать, пока они повзрослеют.

— Но почему же вы сразу не открылись людям? Мы бы с радостью.

— С радостью? — иронически переспросил вулканщик. — Да вы с такой алчностью набросились на эту ртуть, что позволили себе заморочить голову самым смешным и ничтожным драбаданам. Ну мы, естественно, и решили, что и вы из их числа…

— Простите, — влез в разговор медленно приходящий в себя Ламермур. — Из чьего числа? Кто такие у вас драбаданы?

— Видите ли, — с возможной мягкостью объяснил ему вулканщик. — На экскурсию в этот сектор галактики отправились несколько групп из различных школ. Так вот, драбаданы — учащиеся спецшколы…

— Не может быть! — завопил Ламермур, ежась под уничтожающими взглядами окружающих.

— Неужели нормальные люди, будучи в здравом уме и твердой памяти, станут заявлять об исключительности своего народа перед другими? — И под взглядом больших округлых изжелта-багровых глаз вулканщика все присутствующие понурили головы.

Тем временем приглашенные моим папашей племена одним могучим ударом стукнули по драбаданам так, что те бросили и поселок, и прикарманенные ими аккумуляторы, помчались в дальние леса и долго оглашали окрестности своими стенаниями. Все это произошло настолько быстро, что когда Ниф-Ниф вернулся из стратосферы, где он заботливо собирал своих чад (все до единого успели удрать с проветриваемого звездолета), — он обнаружил, что остался последним драбаданином в городе. Но я его в обиду не дал, предложил поселиться у себя и с той поры и по сей день он проживает в моем палисаднике.

На следующий день в консульстве собрались лучшие люди города, руководители комбината и лабораторий, ученые и производственники; собрались, чтобы поглядеть Ламермуру в глаза и обсудить восстановление нормальной жизни в поселке и на планете. К моему другу вернулась былая самоуверенность. Он не отрицал своей вины, но и не посыпал главу пеплом. То, что филумбриджийцы сами оказались пришельцами на планете и не предъявляли на нее никаких претензий, по его словам, оказалось громадной удачей.

— Только не надо раздувать шум из этой дурацкой истории с хабарийцами! — нервно восклицал он. — Если бы вы знали, какое сейчас напряженное внешнеполитическое положение у планет Интерспейса… В конце концов, никто ведь не пострадал, кроме меня, так что будем считать, что я уже понес заслуженное наказание.

— А Гольц с Баськой?! — рявкнул Шунбром. — Это они Зеленому мозги набекрень скрутили!

— Ах, оставьте, — поморщился Сигельский. — Увольте своего зама за развал работы, а я свою секретаршу — за аморальное поведение, вот и будет им вечная кара по гроб жизни. Меня волнует другое: как нам быть со статусом независимой территории?

— Его нам ни в коем случае терять нельзя! — зашумели собравшиеся.

— В конце концов, в независимом государстве такие дела можно творить…

— Одни уже натворили.

— Так то ж нелюди.

— А люди, думаешь, лучше?

— Надо избрать президентом человека, в котором каждый из нас до конца уверен.

— А у нас есть такие люди? Покажи мне!

— Во всяком случае, я знаю человека, в чьей отваге, честности и порядочности я совершенно не сомневаюсь, — заявил Сигельский и поглядел на меня.

— Ого, да за этого парня весь комбинат, как один, отдаст голоса! — воскликнул Шунбром и стукнул меня по плечу.

Я встретился взглядом с Конни и, смутившись, опустил голову.

— Все это прекрасно, — вежливо, но твердо заявил Ламермур, — но не забывайте, что у нас не так давно уже были выборы. И избирать нового человека при всем моем уважении к моему другу Эдди Тотсу нельзя, пока жив старый президент. В противном случае это будет расценено как мятеж, переворот, бунт… Ведь данные на него уже отправлены в метрополию, и там прекрасно знают, что президентом планеты Филумбридж нами единоглавно избран Этот-С-Прозеленью…

— Брюнет тридцати лет, — дрогнувшим от волнения голосом произнесла Конни, — коренной житель Филумбриджа, холостой, среднее, из рабочих… с брюшком… — при этих словах она зарделась и потупила взгляд.

— Но ведь он человек! — воскликнул Ламермур.

— А где написано, что коренным жителем Филумбриджа должен быть обязательно шестиног? — возразил Шунбром. — Тем более, как выяснилось, они тут существа пришлые. Какое им дело до наших проблем? А Этот-С… Вернее я хотел сказать, Тотс прозелень… тьфу ты! Что я говорю? Я хотел сказать, наш Тотс, Эдди Тотс, а вовсе не… Братцы! — замогильным шепотом произнес он. — Ведь у них даже фамилии совпадают, Эдвард Тотс и… не хватает лишь маленькой приставочки, дописки в паспорте…

Все взоры обратились на меня.

— Нет, — сказал я твердо. — Я не позволю пачкать свой паспорт этой гнусной приставкой. Да, я Тотс, но никакой не Прозеленью! Вам ясно?

— Мне ясно, — встрял тут мой папаша. — Мне абсолютно ясно, что ты круглый дурак. А я лично давно хотел получить какую-нибудь фамилию поцветистее. Александр Павлович Тотс-Прозеленью. И ты, паршивец этакий, тоже автоматически позеленеешь, если не хочешь, чтобы я тебя проклял!

— Нет! — воскликнул я в отчаянии. — Никогда, вы слышите? Никогда не соглашусь я носить эту отвратительную, эту ужасную

фамилию! — И бросился к двери.

— Постойте, Эдди! — хрустальный голосок Конни зазвенел мне вослед. — А что, если… кто-нибудь… разделит с вами часть этой тяжелой ноши и тоже возьмет себе ее… я имею в виду эту фа… фамилию…

— Тогда… — пробормотал я, делая шаг к ней, — тогда я, конечно, постараюсь к ней привыкнуть… хоть это, конечно, будет нелегко…

— …С тех пор, — заключил свой рассказ наш новый знакомец, — прошло уже свыше тридцати лет, у нас трое детей и пятеро внуков, но ни я, ни Конни так и не смогли привыкнуть к этой дурацкой фамилии. Сами понимаете, простым смертным легче сменить фамилию, чем нам, политикам. Эта дурацкая кличка уже сидит во всех официальных протоколах и договорах…

— Силы небесные! — воскликнул Акакий Евграфович Борзой. — Уж не хотите ли вы сказать, что были избраны президентом планеты?

— Что значит «был»? — удивился тот. — Я и сейчас… э-э-э…

Но в этот самый момент в коридоре послышался оживленный разговор, цокот каблуков и на пороге Хрычевни показалась собственной персоной, сверкая своей сногсшибательной красотой, секретарша заведующего Базой, Марья Антоновна, прозванная в народе за стать свою и царственное величие Марией Антуанеттой. Она грозно повела очами, наморщила носик от застарелого табачного смрада и, чуть завидев нашего рассказчика, умильно улыбнулась и сложила руки на своей царственной груди.

— Ах, ваше превосходительство, — прощебетала она пленительным контральто. — Мы уж с ног сбились, вас разыскивая. Прилетел! — торжественным шепотом сообщила она.

Услышав это, Тот-С-Прозеленью вскочил, обвел всех сидящих сияющим увлажненным взором и поспешил прочь, впопыхах забыв даже попрощаться. После его ухода в Старой Хрычевне надолго воцарилось молчание, пока старый дядя Афлатун не шваркнул в сердцах по столу костяшками домино и не пробурчал, перемешивая их с остальными:

— Я с первой минуты понял, что человечишко этот — никчемный. Да и какой от нее прок, от политики?

1989 г.

Семен Цевелев
Билет в Катманду

Поверьте, я человек сдержанный, но у всякой сдержанности есть свои пределы. Жизненные обстоятельства могут кого угодно довести до ручки. Лежащий на столе передо мной билет в Катманду лишний раз это подтверждает.

В билете стоит сегодняшнее число. Если я не передумаю — что вряд ли — сегодня же вечером я улечу прочь отсюда, и никто меня не найдет.

Впрочем, кому меня искать? Кредиторов у меня нет, я очень аккуратно веду свои дела. Точнее сказать, вел.

Семьи у меня тоже нет. Я человек одинокий. С невестой я расстался около года назад, и хотя она, по-моему, не прочь вернуть наши отношения, уже поздно об этом думать. Сегодня вечером я улетаю.

А всему виной — он. Он, проклятый молодой человек с легкомысленными усиками, будто выбравшийся из книги Джерома Джерома.

Видал я всяких людей… я, если хотите знать, фотограф. И очень неплохой. Конечно, я не Ансель Адамс и не Билл Брандт, но и судьбы несчастного Кевина Картера я благополучно избежал. В общем, дела мои шли недурно, я пользовался заслуженным уважением (пусть с изрядной долей снисходительности, особенно от старших коллег, и с не меньшей завистью от молодых и менее преуспевших), и вполне естественно, что время от времени я задумывался о начале своей карьеры и о том, что всего этого могло и не быть. Вряд ли кто-либо из моих знакомых поверил бы, что десять лет назад мир вполне мог лишиться Дэнни Сторма, преуспевающего фотографа, что я мог бы вместо этого послушаться родителей и поступить в медицинский колледж, после чего, конечно, навсегда канул бы в безвестность. Хорошего врача из меня никогда не вышло бы, это уж наверняка.

Не помню, кто именно познакомил меня с мистером Транбертом. В то время я был слишком ошарашен, чтобы поблагодарить этого человека. Боюсь, моя благодарность так навсегда и осталась невысказанной.

Мистер Транберт! О, это была ярчайшая звезда на моем небосклоне. Все знали его, и он, как мне казалось, знал абсолютно всех. Говорили, что в молодости он сам был великолепным фотографом. Я видел как-то раз несколько

фотографий, предположительно, сделанных мистером Транбертом, когда ему было лет сорок или около того, и должен признать, что это были превосходные работы. Однако в то время, когда я с ним познакомился, мистер Транберт уже давно не делился ни с кем плодами своего искусства, ссылаясь то на занятость, то на неспособность в полной мере овладеть новомодными приспособлениями, без которых, конечно, в наше время фотографировать немыслимо. Тем не менее решительно всем он был известен как превосходный эксперт во всем, что касалось фотографического искусства.

Естественно, я благоговел перед ним. Он же относился ко мне с той небрежной доброжелательностью, которая вообще присуща великим людям, как мне тогда казалось.

Однажды, когда мы вместе пили чай у одной из бесчисленных знакомых мистера Транберта, я жаловался ему на трудность и тернистость выбранного мной жизненного пути. Мистер Транберт слушал меня, подперев гладко выбритый подбородок изящной рукой, слушал, хотя стоило ему сказать «Дэнни, ты меня утомляешь», и я тут же замолчал бы и, вероятно, не заговорил бы уже никогда.

— Дэнни, мой мальчик, — сказал вдруг мистер Транберт, и я умолк на полуслове. — Я знаю, что тебе необходимо. Сегодня четверг… стало быть, в воскресенье, поскольку в субботу это было бы невозможно, я собираюсь пригласить в гости нескольких близких друзей. Думаю, стоит пригласить и небезызвестную тебе миссис Хайфилд — ей это будет полезно, к тому же недавно она просила меня помочь ей разобраться в сложностях композиции. Приходи и ты. Мне как раз должны завтра доставить весьма ценную коллекцию фотографий некоего итальянского мастера, уверен, знакомство с ней — с коллекцией, говорю я — придаст тебе сил и уверенности в правильном выборе.

Трудно описать словами, насколько поразило меня это приглашение. Минуту назад я был никем, жалким ничтожеством, обреченным на безрадостное существование — теперь же сам мистер Транберт пригласил меня в гости! Я даже не пробормотал, а скорее пролепетал слова благодарности. Мысль же о том, какие чудовищные силы препятствуют мистеру Транберту пригласить гостей в субботу, если он того желает, окончательно оглушила меня.

Итак, в воскресенье утром я как мог принарядился, побрился, затем побрился еще раз, поскольку с первой попытки у меня это получилось не совсем идеально, порезался бритвой и долго искал пластырь, причем все время поисков меня угнетала мысль, что пластырь я найти не смогу, истеку кровью и погибну, так и не

побывав в гостях у мистера Транберта.

Ровно в два часа дня, в назначенное время, я был у двери, ведущей в святая святых — в жилище великого человека. Я позвонил, но мне никто не ответил. Выждав несколько минут, я позвонил еще раз. Спустя полчаса мне пришла в голову ужасная мысль, что звонок испорчен и что мистер Транберт, вероятно, ожидает моего появления, не зная, что я уже здесь.

Я как раз пытался решить, должен ли я удалиться ни с чем или же стучать в дверь, рискуя навсегда испортить отношения с хозяином дома, когда услышал чьи-то шаги. Кто-то поднимался по лестнице. К моему удивлению, это оказался сам мистер Транберт, который был очень рад меня видеть, хотя, по-моему, мое присутствие его несколько удивило.

— Входи, входи, — дружелюбно говорил он, распахивая передо мной дверь. — До чего же хорошо снова оказаться дома. Никогда бы не подумал, что в наше время так плохи дела с общественным транспортом… пожалуй, я целый час простоял на остановке, а может быть, и все полтора!

Конечно, это обстоятельство вполне объясняло задержку почтенного эксперта. Странно было другое — что приглашенные им гости начали прибывать лишь к трем часам, тогда как я отчетливо помнил, что мистер Транберт приглашал всех к двум. Миссис Хайфилд, кстати сказать, так и не пришла в тот день — потом выяснилось, что мистер Транберт попросту забыл ее пригласить. Рассеянность, столь часто встречающаяся у людей незаурядных!..

Наконец собрались все приглашенные — пять или шесть юношей и девушек примерно моего возраста и такого же, то есть чрезвычайно незначительного, общественного положения. Пока заваривался чай, мистер Транберт изъявил готовность ознакомить нас с той самой коллекцией итальянских фотографий, о которой он говорил мне в четверг, и, разумеется, мы все с радостью последовали за ним.

Фотографии в простых, скромных рамках висели на стенах в комнате, которую мистер Транберт любовно называл своей студией. Вероятно, когда-то это действительно было так, но, как вы помните, мистер Транберт уже долгое время не использовал ее по назначению, и студия успела естественным образом захламиться.

На первой же черно-белой фотографии я увидел довольно симпатичного молодого человека в вельветовой куртке, беззаботно улыбавшегося и подкручивавшего ус. На голове у молодого человека был берет с длинным пером.

— Великолепный кадр, — скромно произнес мистер

Транберт. Фотография действительно была очень хороша.

Следующий портрет изображал того же самого молодого человека, но теперь он подкручивал уже не правый, а левый ус; на голове же у него была соломенная шляпа.

— Взгляните только, как дивно Роверини выбирает ракурс, с каким совершенством он наилучшим образом запечатлевает каждую модель. — И мистер Транберт обратил наше внимание на третью фотографию. Здесь молодой человек был запечатлен обнаженным до пояса, но зато в огромной шляпе-сомбреро.

Должен признать, слова о «каждой модели» меня немного смутили. Я совершенно ясно видел, что для всех трех фотографий позировал один и тот же человек. Вероятно, рассудил я, мистер Транберт специально поместил эти портреты вместе; таким образом он подчеркивает какие-то особенности, тонкие черты, незаметные для новичка вроде меня, но очевидные для истинного ценителя.

Я осмотрел другие фотографии, и клянусь вам камерой-обскурой великого Леонардо, клянусь великой троицей — Дагерром, Ньепсом и Тальботом — что из каждой рамки на меня смотрел все тот же нахальный молодой человек с усиками! На каждой фотографии он был в другой шляпе, здесь можно было увидеть головные уборы чуть ли не всех народов мира, а на фотографии, которую мистер Транберт назвал «Дама с веером», он был в дамской шляпке с вуалью, причем через вуаль отчетливо просматривались дерзко подкрученные усы.

Я был в отчаянии. Чудовищное несоответствие между тем, что я видел, и поведением мистера Транберта сводило меня с ума. Как вы понимаете, только лишь отчаяние и стремление разрешить эту страшную загадку побудило меня вмешаться в лекцию мистера Транберта и спросить, не кажется ли ему, что у великого Роверини было несколько своеобразное отношение к выбору моделей для своих фотографий.

Мистер Транберт очень обрадовался моему вопросу.

— Хорошо подмечено, очень хорошо, — сказал он одобрительно. — Действительно, у Роверини были свои маленькие причуды — это, надо сказать, присуще всем гениям. Если внимательно посмотреть на эту скромную коллекцию, то вы увидите, друзья…

Эффектным жестом мистер Транберт предложил взглянуть на скромную коллекцию повнимательнее.

— Маэстро Роверини никогда, ни разу за свою долгую жизнь, не фотографировал одну и ту же модель дважды. О нем говорили, что если с первого же раза фотография выходила неудачно, то он уничтожал ее и не пытался воспроизвести. Конечно, на самом

деле все было не совсем так…

Что было дальше, я плохо помню. Рассудок мой помутился. Оживленный голос мистера Транберта звучал словно бы из ужасной дали. Почти ощупью, опасаясь наткнуться на что-нибудь и упасть, я выбрался из студии. Через несколько минут я уже бежал вниз по лестнице, и перед глазами моими плясал непристойно ухмылявшийся молодой человек в тяжелой шапке русских царей, увенчанной драгоценным крестом.

После моего позорного бегства прошло десять лет. Я переехал в другой город, страшно разочаровал своего учителя, перейдя на цифровую фотографию, приобрел некоторую известность и — к большому моему облегчению — больше не встречался с мистером Транбертом. Мне кажется, я бы умер на месте, едва увидев его.

Не могу сказать, что мы совсем потеряли друг друга из вида. Я, по крайней мере, время от времени находил в престижных журналах статьи о мистере Транберте, а иногда и его собственные рассуждения о выдающихся фотографах прошлого. И хотя, как и прежде, его статьи были написаны превосходным языком и могли бы произвести неизгладимое впечатление даже на совершенно чуждого фотографии человека, я не мог заставить себя прочитать хотя бы одну из них.

Кстати — в одном из номеров «American Photo Magazine» я обнаружил статью, автор которой возносил хвалу мистеру Транберту за разоблачение поддельной серии фотографий, якобы сделанных великим Роверини. Блистательный эксперт, не утративший с годами своих поразительных навыков, обратил внимание на состояние фотобумаги, весьма необычной для работ Роверини. Дочитать статью до конца я не смог, и в ту же ночь меня посетил ужаснейший за всю мою жизнь кошмар.

О, эти кошмары!.. Приходилось ли вам замечать, как легко и ясно выговариваются во сне даже те слова, которые наяву мы не в силах произнести? Такие, как «Я занят и не могу тратить на вас свое время, обратитесь к кому-нибудь другому», или «Нет, мне не нравится эта лампа, она выглядит просто ужасно, и я был бы очень рад, если бы вы ее разбили об пол, а не дарили мне» или, наконец, самая трудная, напрочь лишающая дара речи фраза — «Я люблю вас». То, что мы хотим, но не смеем сказать, или же то, что хотели бы произнести, но не делаем этого из соображений тактичности и здравого смысла — во сне все это слетает с губ самым естественным образом.

Один мой приятель страдал неопасным, но малоприятным пороком — он разговаривал во сне. Я бы даже сказал, что это был единственный его порок — человек он был очень славный, добряк

и умница, к тому же весьма привлекательной наружности. Так вот, обладая целым рядом достоинств, этот бедняга оставался старым холостяком и очень, по его словам, страдал от одиночества и недостатка женской ласки.

— Право слово, жизнь без женщины не в радость, — говаривал он. — Увы, я обречен на это жалкое существование. Почему, вы спрашиваете? Да ведь я говорю во сне, и нет никакой возможности удержаться. Вообразите, что обо мне подумает жена, если вдруг услышит среди ночи, что я на самом деле думаю о ее стряпне, или о ее родне или еще о чем-нибудь таком, что не принято критиковать!..

Но я отвлекся. Итак, во сне я вновь оказался в sanctum sanctorum — в студии мистера Транберта, в окружении все тех же лиц, словно мне удалось вернуться в тот же день и час, когда в последний раз видел великого человека. Но вместо того, чтобы самым неприличным образом сбежать, я заговорил.

— Мистер Транберт! — провозгласил я. — Опомнитесь! Вглядитесь в эти фотографии! Скажите мне, неужели вы не видите, что на каждой из них — один и тот же человек? Не может быть и речи о том, чтобы фотограф делал лишь один кадр с каждой моделью, следовательно, это не работы Роверини — это неостроумная подделка, шутка, розыгрыш, в лучшем случае! Взгляните, и вы сами в этом убедитесь!

Чувство облегчения, овладевшее мной в тот момент, едва ли можно описать словами. Но тем ужаснее были последствия.

Я хорошо помню, что, услышав мою пылкую обличительную речь, гости мистера Транберта, все, как один, язвительно захихикали. Почему-то в этот момент среди них оказались мои бедные родители и девушка, которой я в то время восхищался, — помню, что она смеялась громче и ехиднее всех. Это меня огорчило, но не смутило, поскольку даже во сне я и не ждал другого отклика на столь дерзкое заявление. Нет, меня потрясло другое. Мистер Транберт, выслушав меня, спокойно кивнул.

— Ты прав, Дэнни, — печально сказал он. — Это, несомненно, подделка, которую я обязан был распознать. Mea culpa! Mea maxima culpa!.. — это моя ошибка, мой позор, равного которому я не знал никогда. Я не имею больше права именовать себя знатоком фотографии. Я благодарен тебе за то, что ты открыл мне и всему миру глаза на истину.

И с этими словами наш блестящий хозяин исчез, будто растворился в воздухе.

Я пробудился с воплем ужаса и до самого утра не мог заснуть: я попросту боялся вновь увидеть тот же сон. О, разумеется, наяву я отлично понимал, насколько все это было

абсурдно. Что с того, что мистер Транберт допустил ошибку? Великим людям прощалось и не такое — победителей, как известно, не судят; и я, конечно же, был слишком незначительной величиной, чтобы заставить хоть немного померкнуть сияние его славы. Для мира мистер Транберт был и до сих пор остается выдающимся экспертом и знатоком своего дела.

Ужас в том, что в моих глазах он перестал быть знатоком! Должно быть, мое преклонение перед глубокими познаниями мистера Транберта было поистине слепым, и единственная малая погрешность, едва заметное пятнышко на его сияющем доспехе, пошатнули мою веру в его непогрешимость. Единожды заметив нелепую ошибку мастера, как я мог верить ему в остальном? Мой кумир предал меня, оказавшись таким же далеким от идеала, как все люди. Виновником этой катастрофы был я сам, да и катастрофой она была лишь для меня одного, но эти соображения не могли меня утешить. Я знал одно: мои нервы не выдержат еще одной встречи с мистером Транбертом; в лучшем случае я упаду в обморок, в худшем же все закончится безобразным скандалом, причин и сути которого никто даже не поймет.

Однако время шло, обо мне постепенно начали говорить как о своеобразном, не лишенном недостатков, но, безусловно, интересном фотографе. У меня даже появились подражатели. В общем, жизнь моя постепенно наладилась.

Почему же я решил все бросить? Оставить уютный дом, заслуженную известность, наконец, любимую работу?

Все из-за него, из-за проклятого усача, и еще из-за моего тщеславия. Увы, мне не хватило смелости отказаться от персональной выставки, да еще и в довольно престижной галерее. Не отрицаю — мною овладела гордыня, и за гордыню я был наказан.

Ведь можно было догадаться, что владелец галереи, меценат и филантроп, давно знаком с мистером Транбертом, которого знали, как я уже говорил, решительно все. Естественно было предположить, что он пригласит мистера Транберта на торжественное открытие. Впрочем, оставалась еще слабая надежда, что мистер Транберт не сможет, не захочет, не соблаговолит приехать — но, увы, он выразил горячее желание непременно присутствовать на открытии. Это означало, что я погиб.

Это означало — конец всему.

Сегодня утром я заказал билет в Катманду.

Пусть я не Ансель Адамс, но мне давно хотелось поработать с пейзажами.

Говорят, Непал — удивительно красивая страна.

Меня там никогда не найдут.

Ира Кадин
Мошико и майор

Лягушонок сидел на полотенце, обхватив лапками серое брюшко. Я попыталась обмотать его туалетной бумагой, но лягушонок разматывался, насмешливо высунув розовый язычок. В конце концов он был спеленат и водворен в бумажную коробочку из-под энципальмеда. Веселый лягушонок, а глаза грустные. Как у Мошико. С «папой» лягушонка я познакомилась три месяца назад…

…Из моря торчала голова в красной панаме.

— Можно влюбиться с пэрвого взгляда? — спросила Голова. Я ответила:

— Нет.

Голова захохотала:

— Тогда завтра приду.

Я развернулась и поплыла в другую сторону.

Назавтра Торчащая Голова обратилась ко мне, как к старой знакомой:

— Хатите шиколад?

Из воды показались волосатые руки. Руки приподняли панаму и сняли с лысины две маленькие шоколадки в полиэтиленовом пакетике. Пакетик и обертки полетели в воду. Заметив укоризненный взгляд, Голова сказала:

— Нэ волнуйтесь, буду виходить, цилофан забэру. Вас зовут Ира, да? Я Мошико.

От шоколадок я отказалась. Мошико запихнул в рот сразу обе плитки и, причмокивая, спросил:

— Вы на машине? Отсюда куда поедете? В Лод? Я с вами поеду, мне тоже надо в Лод.

Я нарочно грубо ответила:

— Никуда вы со мной не поедете.

И снова попыталась побыстрее уплыть. Голова закричала мне вслед:

— Зачэм вы так нэкрасиво! Мне в Лод трэмя автобусами…

Я решила, что отделалась от приставучей панамы, но, когда выходила из моря, услышала:

— А я с вами еду. Мне надо в Лод.

Меня обогнали огромные ягодицы, облепленные красными трусами. По центру трусов шли белые звезды. Звезды подпрыгивали в такт музыке, доносящейся из пляжного

ресторанчика. Потом звезды исчезли, и появились колыхающийся, нависший над резинкой живот, двойной подбородок и крупный, словно стекающий с лица, нос. За толстыми стеклами в старомодной оправе — глаза обиженного мальчика, которые стали еще обиженнее, когда я сказала:

— Вы со мной не едете. Отстаньте уже.

На третий день стоял сильный туман. Море было нежным и гладким, и даже крошечная морщинка не портила абсолютно ровную поверхность. Сильный запах йода от водорослей опьянял. Молочная пелена стерла привычный глазу пейзаж. Я уже не знала, в какой стороне берег. Это раннее утро походило на продолжение сна, и меня не удивило, когда из туманной завесы послышалось:

— О рай да, о рай да, о-оо!!!

Я поплыла на «о-о-о» и увидела хор голов. Знакомая красная панама выводила:

Мивал гурии-аши мара, сулма тин, тин гэй пара
Мивдиевда арда брунда, артс миигo кхтамад пара…

За ней вступили белая кепка, панама «хаки» и соломенная шляпа:

О рай да, о рай да, о рай да, о рай да рай да-а-а
О рай да, о рай да, о-о-о-о
О рай да рай-да о-о-о-о…

Я подплыла ближе и остановилась возле двух заслушавшихся «динозавров» в зеленых ластах и плотно обтягивающих головы зеленых силиконовых шапочках. Динозавры, поблескивая огромными плавательными очками, одобрительно кивали в такт. К моему огорчению, хор после этой песни расплылся в разные стороны, осталась лишь красная панамка. Панама еще немного потянула «о-о-о», потом показала на уплывающего «хаки»:

— Хароший мужик. Он, во-первых, композитор: играет на гитаре… Генераль… Я сам в восемнадцать лет переплыль Ла-Манш. Двадцать литров вода выпиль.

— А сейчас? — спросила я. — Сейчас вы все еще умеете плавать?

Мошико сунул мне панаму. Голова ушла под воду, а на ее месте всплыли белые звезды. Звезды несколько секунд покачались на воде, потом Мошико вынырнул, фыркая и отплевываясь,

словно большой кит.

— Я на Куре вырос. Заберете в Лод? У меня сейчас машина в гараж. Амэриканская. Очэнь большая. Но она мне нэ очень нужна: у меня самолет есть. Малэнький. Он только до Грузии может. Мне брат каждое утро из Тбилиси прэссу передает. А когда у брата нэт времени — я сам за газеты прилетаю. Забэрете меня? Я вам завтра кукли принесу.

— Чего вы мне завтра принесете? — не поняла я.

— Кукли, кукли, вот такие, — Мошико руками показал, какие куклы.

— Не надо мне ваших кукол!

Но после «о рай да» я уже не могла отказать.

В машине Мошико долго возился с ремнем, пытаясь перекинуть его через живот. В конце концов, так и не застегнув, придерживал ремень руками. До Лода он не доехал, вышел через несколько минут возле старых, обшарпанных домов, в которых еще сорок лет назад министерство абсорбции селило репатриантов из Советского Союза. За эти минуты успел рассказать, что у него жена, три любовницы, четверо детей и семь внуков:

— Все харошие, только малэнький со мной нэ разговаривает.

— Почему? Вы его обидели?

— Нэ умеет.

После Мошико на сиденье осталось грязное пятно от мокрых плавок и самодельная визитная карточка в виде розового облачка. На облаке шариковой ручкой было выведено: «Мошико Джавахишвили. Писатэль. Члэн Союза Писатэлэй». В том, что Мошико писатель, я уже не сомневалась.

На следующее утро знакомой панамы не было, но, когда я вышла из воды, на моем полотенце стоял, расставив крылья, белоснежный лебедь: носатый, с длинной шеей и грустными глазами. Не верилось, что сложен всего из нескольких ракушек. Довольный Мошико выглянул из раздевалки.

— Нравится? Это захар (самец, на иврите). Завтра будит ему нэкэва (самка). Потом собачка, потом котенок, потом рибка, а когда будит слон, значит кукли кончились.

Мошико достал туалетную бумагу и стал заворачивать лебедя.

— Вы, если захотите, его дома паламаете. А до дома пусть сидит здэсь.

И осторожно положил в коробочку из-под чая.

— Вы сами его сделали? — Мне хотелось еще немного посмотреть на игрушку. Мошико вытянул шею, выгнул дугой руки и стал похож на своего лебедя. Совсем похож.

— Я танцую очэнь красиво. Дэсять лет назад я танцеваль на Мэдисон-сквэр. Так мне один миллионэр часы дариль, вот эти. Они с бриллиантами, триста камнэй. — Мошико показал часы, на которых было написано «Победа». — Когда танцую, всэ мои ноги снимают. Я думаю, они снимают ножки или они снимают туфли? Туфли у мэня очэнь дарагие. Я слышаль, вы тоже писатэль. Я вам свои рассказы принесу, а вы мне свои, дагаварились?

Мои рассказы были собраны в книжку с синей, глянцевой обложкой. На обложке море, очень похожее на то, в котором я плаваю. Мошико принес 50 пожелтевших листов: четыре рассказа, напечатанных на пишущей машинке. У текстов был еще более сильный грузинский акцент, чем у их автора. Первый рассказ назывался «Праклятая Вивьян», в нем «хароший парэнь Идо», залезший в долги из-за прекрасной восемнадцатилетней Вивьян, погибал от пуль кредиторов. Во втором рассказе Вивьян повзрослела, а Идо кредиторы забили до смерти в порту. Хуже всего пришлось Идо из последнего рассказа: его приковали к рельсам, и по нему прошел поезд «Тель-Авив — Хайфа». Добравшись до последней строки, я позвонила по номеру, указанному в визитке. Мне ответил женский голос.

— Здравствуйте, можно поговорить с Мошико? — спросила я, немного робея.

— Стыд, — сказали на том конце трубки.

— Вы не подумайте, — я растерялась еще больше, — ничего такого. Он меня просил сразу позвонить, как только прочту его рассказы…

— Спыд! — повторила женщина. — Он сейчас спыд. Праснется в шэст.

Мошико мне позвонил сам:

— Вы так красиво пишете… Я все прочиталь, в вас влюбился за эти рассказы.

— Правда? — спросила я, теплея от радости. — А как вам понравилось про Мексику?

— Про Мэксику? — переспросил Мошико. — Это в вашей книге?

— Первым рассказом, — моя радость немного свернулась.

— Обязательно найду, — заверил Мошико. — Там у вас в книжке листик остался. Я вам его вэрну.

— Не надо возвращать, это черновик. Выкиньте.

— Спасибо, — ответил Мошико. Посопел и добавил:

— Сэгодня на пляже в восем, я вас жду. Очэнь важное и срочное дело. Знаете рэсторан «Моби Дик»?

Ресторан «Моби Дик» — открытая веранда с десятком столиков — был как раз напротив того места, где я всегда

купаюсь. Мошико явился в голубой рубашке, голубых брюках с безупречной складкой, голубой кепке и бежевых летних туфлях. На шее — самодельное украшение: из проволоки выгнуто слово «Мошико». На мизинце — массивное золотое кольцо. Наверное, в молодости он носил его на другом пальце. Мошико галантно придвинул мне стул:

— Мы вчера с другом тоже сидели в рэсторане. Так красиво играли…

Я попыталась разгладить рукой мятые шорты:

— Музыканты играли?

— Какие музыканты, друг принес шэш-бэш, — Мошико широким жестом обвел стойку, — Бэрите, что хатите: это мой рэсторан… Я его через два месяца купиль.

Я заказала чай, Мошико взял пиво. К пиву бесплатно шла тарелочка с кислой капустой. Мошико забросил в рот горсть капусты, прикрыв глаза, пожевал, помычал и сказал:

— Очэнь красиво.

— Что красиво? Капуста? — не поняла я. Мошико кивнул и сказал:

— Вы очэнь красиво пишете. Я читаль, жена читаль, мой дядя читаль. И его плэмянник тоже читаль.

— Так быстро? — удивилась я. — За день все прочитали?

— Вы с этим родились, это — ваше, — торжественно провозгласил Мошико.

— Что — мое? Писательство?

— Русский язык. Он вам как сэмэчки. И в школе вы его учили. Вы должны мнэ помочь…

Уборщик в сером фартуке подошел с длинной щеткой и стал мести пол под нашим столиком. Мошико хлопнул в ладоши:

— Аартур! Ааартур?

— Да, — откликнулся Артур.

— Нэ шуми здэсь, мы работаем, пажалуйста…

— А?

— Я уйду, а ты потом здэсь, панимаешь? Работаем…

— Не понял.

— Работаем. Нэ шуми, пять минут.

— А это? — Артур растерянно помахал щеткой. — Подмести…

— Подмести надо, но потом.

— Когда потом?

— Уже прошло пять минут, Артур, делай, что хочэш. Если твой ум положить в птичка, птичка дальше полетит.

Артур обиженно ушел, вывалив грязь из совка на туфли Мошико. Мой собеседник, отхлебнув пива, молитвенно сложил

руки.

— Памагите видать книжку!

— Зачем Вам книжка?

— Назло грузинам.

— ???

— Назло грузинам, показать, что я способен на это. Они меня нэ печатают по-грузински. Так чтобы они знали: я то, что захачу, то и делаю. Книжку я должен видать, пока я живой. Одну книжку, а потом посмотрим.

— Вы пишете на компьютере?

— Какой там компьютер? Я его на улице увижу — нэ узнаю. У мэня два класса: пэрвый и одиннадцатый. Вы так сдэлайте, чтобы у меня била книжка, и я стану для вас самым любимым чэловеком… Нэ много, тысяча штук… Но я нэ хочу, чтобы одна книжка мнэ обошлась в восемьдесят шекелей. Я где-то и о своей вигоде должен падумать…

— Сколько у вас рассказов для книжки?

— Я вам все даль. И еще этот… Там так напряженно… Сейчас расскажу, вы сделайте красиво. У вас есть ручка? Пишите.

Я положила на стол маленький черный аппаратик, нажала на кнопку «Record». Мошико, уважительно покосившись на аппаратик, пригладил волосы и начал:

— Это било в диревне, и еще диревня — это как село. В Ивановской области…

Подошла официантка. Мошико испуганно прижал палец к губам. Официантка оглянулась. Я тоже оглянулась, но ничего страшного не увидела. Мошико делал руками какие-то знаки. Мы с официанткой опять оглянулись: ничего.

— За-пи-сы-ва-ем, — одними губами прошептал Мошико, указывая на аппаратик.

— Не волнуйтесь, потом ненужное сотрем, — я успокоила рассказчика, и он продолжил:

— …жила дэвушка, она уже закончила шистнадцать лет, начинается сэмнадцать. Татьяна. На танцах к ней подошел грузинский парэнь… Високий, красивый. Зовут Тэодор…

Я удивилась:

— Как парня звали?

— Тэодор, коротко Идо. Идо патянул дэвушку нежно и патанцеваль. Татьяна думала, что сердце вибьется. Она еще нэ знала, что такое пацелуй. Стал ей подарки привозить: маленькие ципленки, вино… Она из бедной семьи, раз в месяц, наверное, кушает арбуз. А мясо не было, чтобы шашлык кушать. Свадьба било 2000 человек. И это все било во дворе. В Грузии. После свадьбы рождается дочка, потом малчик. Все хорошо, дэньги

приносит… Много дэньги. Там комод, все четыре ящика полно дэньги. В один прекрасный день приходят ночью трое: пусть ваш муж отдаст, что у нас взяль. Они забрали пять тысяч яиц… пять миллионов яиц забрали, два миллионов ципленок, забрали все дэньги…

Мошико допил пиво.

— А Идо? — спросила я, жаждая крови. — Что эти трое сделали с Идо?

— Я же говорю, — Мошико попытался вытряхнуть на язык последние капли из кружки, — пять миллионов яиц забрали, ципленков… Как вам рассказ?

— Вы понимаете, — я начала осторожно, — это трагедия…

— Я вам даю, украшайте, где надо. Эту трагэдию мы сдэлаем. Комедию мы тоже сдэлаем. Вы у меня последняя надэжда. Дойдем до этого, я вам помогу: где лично, а где нэ хватает. — Мошико подвинул ко мне ракушечного попугая. Попугай грустил, склонив голову. Нос у попугая был розовый.

— Ну зачем? — я с сожалением отодвинула птичку. — Зачем вам выпускать книжку?

— Назло грузинам.

— Кому, кому назло?

— Для всей этой нации — грузины. Чтобы они поняли: бэз них я могу обойтись.

— Ну ладно, — я постаралась успокоиться, — но издать книжку стоит дорого. Десять тысяч, двенадцать…

Мошико оживился:

— Мы с женой палучаем три тысячи в месяц. Нам во-о-от так хватает. На три дня. Но есть же еще двадцать восемь дней… У меня очэнь, очэнь много дэньги. Вы это все записываете?

Я показала темный экран аппаратика.

— Уже нет. Откуда у вас много денег?

Мошико постучал себя по лбу.

— Когда Бог раздаваль ума человеку, он каждому даль. А вот некоторым забыль дать инструкцию, как пользоваться этим умом. Есть у меня еще что-то. Секрэт, никому не говорю, вам говорю. Поло машина. Я к ней придумаль такой пластик. На окна. Эта штука приносит миллионы! Мил-ли-оны! А можно еще больше. Вам только надо ходить в мусах…

— Мне? В автомастерскую?

— Они меня уже нэ пускают. Вы жэнщина, вас пустят. Памагите мне продать пластик, и я стану для вас самым любимым чэловеком…

Ресторан закрывался. Принесли счет. Мошико долго возился с мелочью, но вместо чаевых дал официантке мышку, сделанную

из прозрачного, обточенного морем камня. Ушки у мыши были ракушечные: одно белое, другое — черное.

— Таут шель тэва (ошибка природы), — сказала официантка, глядя на Мошико. Но мышку взяла.

Мошико не успел спрятать кошелек в карман своих голубых брюк, как в его руку вцепился какой-то человек.

— Сволочь! По лестоланам ходишь… — Нападающий не выговаривал «р». — Вол! Волюга! Восемьсот шекелей!!! С малта месяца!! Велни долг, гад!

Кошелек упал на пол. Из него вылетели «облачные» визитки, автобусный проездной и несколько шекелей. Человек потряс кошелек, но выпала только еще одна мышка. Нападающий швырнул, почему-то в меня, пустой кошелек, отбежал на несколько шагов и встал в правостороннюю боксерскую стойку. Был он низенький и щуплый. Спортивные, видимо еще «союзные», штаны пузырились на коленях. Из ворота застиранной, потерявшей форму футболки торчала тощая шея. Лишь лицо было круглым, круглым и сморщенным, похожим на пролежавшее зиму яблоко. Мошико медленно отстегнул часы, положил на стол, рядом положил голубую кепку, вытер со лба пот, отступил на несколько шагов и тоже встал в правостороннюю боксерскую стойку. Без кепки голова Мошико походила на коричневую грушу. Противники одновременно сделали несколько «холостых» ударов в воздух.

— Челюсть тебе вывелну, сука! — кричал «яблоко», срываясь на писк.

— Баран! Я его все равно искалечу… Эфим, разговор нэ закончен… — гудел Мошико.

Артур, воспользовавшись тем, что столик освободился, стал подметать. Визитки и мышка полетели в корзину для мусора. Я тихонько достала мышку и положила себе в сумку, рядом с попугаем.

В машине Мошико долго не мог успокоиться.

— Его нэ виличили. Чокнутый… Кричи-ит, как будто я ему полмиллиона долларов должен. Кормиль его дома, даваль еще коньяк грузинский. Это что, нэ дэньги? Я члэн Конгрэсса, просят рубль — даю три. Они там такие пончики поставили, павидло с микроскопом надо искать…

— Какие пончики, какой Конгресс? — спросила я.

— Еврэйский Конгрэсс, — сказал Мошико и уснул.

Мы подружились. Я стала приезжать на море пораньше. Мошико поджидал меня у входа на пляж. Мы вместе спускались к морю по крутой лестнице, Мошико пел:

чити-гврити мопринавда
оу на-ни-на,
ме шрошани мегонао
оу на-ни-на…

На последнем пролете песня менялась:

…видно Хай с того света
продолжает дело это,
Хай, не…

Дальше было нецензурно. Я делала вид, что рассердилась и ухожу. Мошико хохотал, как нашкодивший пацан, и шлепал себя по губам.

— Против мэня сосэдка научила. У нее язык: борщ ест, пэрчик нэ надо…

Я расстилала подстилку на уже теплом от утренних лучей песке. Мошико, сопя от нетерпения, ждал, вытянув шею и стараясь заглянуть в мою пляжную сумку. Я нарочно долго рылась в сумке, потом доставала новый диск. Мошико читал список песен, счастливо переспрашивая:

— И Рашид Бэйбутов есть? И Армэнчик есть? Вай-вай-вай! На сорок лет памаладель. Вы мне как сэстра… Что вам подарить, чтобы вы мэня никогда нэ забыли?

И вручал завернутый в фольгу кусочек пирога. От пирога и грузинского вина в пузырьке из-под валокардина я отказывалась. Мошико быстро съедал все сам, потом доставал из рюкзака картонную коробочку, тоже нарочно медленно разматывал туалетную бумагу, а я пыталась угадать: орленок? дельфин?

Все представители животного мира, независимо от принадлежности к виду и отряду, были носаты, пузаты и с грустными глазами-бусинками. Иногда, больше из вежливости, Мошико спрашивал:

— А мы сэксом будим заниматься?

На что я отвечала:

— Давайте лучше, как сестра.

После обмена подарками я натягивала купальную шапочку, очки и шла плавать. Мошико провожал меня до кромки воды, посылал воздушный поцелуй и кричал вслед:

— Цилую, прощаюсь, будем в связи!

И отправлялся продавать пляжникам свой грустный ракушечный зоопарк. Куклы покупали неохотно: «русские» восторженно ахали — и возвращали со словами: «Жаль, некуда

поставить». «Ивритские» отрицательно качали головой, даже не взглянув на сувенир. Некоторые просто давали шекелей пять-семь. На таких Мошико обижался больше всего, но деньги брал.

Пока я плавала, Мошико успевал обойти несколько пляжей и, вернувшись, постоять в море, смывая июльскую жару. Когда я выходила из воды, он уже поджидал меня, словно маленького ребенка, с раскрытым полотенцем.

— Я с вами в Лод. У меня там бизнэс…

Я неизменно отвечала:

— Никуда вы со мной не едете.

Но Мошико улыбался. Знал, что, конечно же, довезут домой, да еще внимательно выслушают какой-нибудь рассказ времен его молодости:

— …Татьяна Ивановна Любасова, пять лет гуляли. Она приезжала из Ивановской области. А я приезжаль из Тбилиси. Я за полгода предупреждаль: в октябре в такое время в Сухуми. А самолеты было полчаса разницы. Я прилетаю, она прилетает. И с цвэтами я встречаю. В один прэкрасный дэнь мой самолет опоздаль: нэ успеваю в город купить цвэты! Я захожу в рэсторан. Двадцать сто-о-олов. И на каждый малэнький кувшинчик, а там цвэты. Официантке говорю: это, это и это… Эти цвэты я забэру. Кричит: «Пачему вы заберете?» Отвэчаю: «На двадцать минут». Даль пятьдесят рублэй. Татьяна выходит из самолета последняя. Идет на трап. И прыгает на меня оттуда. Я ей цвэты… А потом букет забраль и в рэсторан назад положиль…

Несколько раз на пляже ко мне подходил Ефим: все в той же линялой футболке, правда, спортивные штаны сменил на трусы-боксеры…

— Сволочь не плиходила? — спрашивал Ефим.

— Не, не приходила, — отвечала я.

— А-а-а, — неподдающееся «р» мешало кредитору говорить грозно, — ты с ним заодно, вот погоди, он и у тебя уволует восемьсот шекелей!

Ефим грозил морю кулаком и уходил. Мошико осторожно выглядывал из женской раздевалки, и, убедившись, что территория чиста, кричал:

— Эфим, кем я хочу тэбя называть, эти слова еще нэ придумали…

В июле у Мошико был день рождения, я подарила ему крошечный плейер, начиненный грузинской и армянской музыкой. Подарку мой друг страшно обрадовался, таскал его с собой везде — на голове, под панамой. Но еще больше, чем плейеру, обрадовался Мошико видеокамере, которую подарил ему сын. Теперь к нашему утреннему ритуалу добавилась съемка:

Мошико голосом диктора объявлял число и день, потом минут пять расхаживал перед объективом, меняя на ходу головные уборы, которые специально притаскивал в отдельном пакете. Кепки, ковбойские шляпы, панамы, береты, тюбетейки… Завершался показ мод проходом в красной панаме.

Однажды утром Мошико не встретил меня у лестницы. Неужели заболел? Нет, вон стоит внизу в своих плавках со звездами… Обиделся за вчерашнюю старушку? Мошико был очень ревнив и, стоило кому-то со мной заговорить, вскакивал и уходил. Я сбежала с лестницы.

— Мошико, доброе утро.

— Мне данэсли, что это майор Кэ-Гэ-Бэ! — Мошико взволнованно дожевывал пирожок. Майор КГБ стоял, заложив руки за голову и подставив солнцу гладко выбритые подмышки. Бретельки купальника были спущены, отчего плечи казались еще более гладкими. Майор щурилась, и на щеках прорисовывались ямочки. Такие же, как на локтях и коленках. Ямочки и округлый животик делали сотрудника Комитета Государственной Безопасности похожим на пупса. Мошико зашел майору с тыла, минуту поглядел на ложбинку, выглядывавшую из чуть спущенных трусиков, потоптался и решился:

— Можна влюбиться с пэрвого взгляда?

Майор все также щурилась на солнце и хранила молчание. Я пришла Мошико на помощь:

— Вы туристка?

— Из Питера, к брату в гости на месяц приехала, — майор поправила пышные белые волосы, — брат здесь живет, женат на еврейке.

Слово «еврейка» гостья чуть выделила голосом. Я почувствовала неприязнь к ямочкам.

— А что, у вас в Питере все такой же антисемитизм?

Майор КГБ пожала гладкими плечиками.

— У нас никогда не было антисемитизма.

— А «Память», — я все больше заводилась, — вы про «Память» никогда не слышали?

— Это что, какой-то ансамбль? Я в музыке не очень, — ответила гостья из Питера. Тут Мошико оттеснил меня от майора и стал рассказывать, как он переплывал Ла-Манш.

Наша с Мошико дружба зачахла. Утром он еще подходил ко мне на несколько минут, но говорил только о своих чувствах:

— Я за эта жэнщина с ума схожу! Вчэра ночью на ней мэчталь, так, навэрное, тысячу малчиков потеряль…

И уходил дарить своей Мечте ракушечную лебединую пару. Но даже томно склоненные друг к другу белоснежные птички не

влияли на расположение сотрудника органов безопасности, который не собирался так просто предоставлять члену Еврейского Конгресса свое пухлое, в ямочках тело. Майор хотела ужин в Иерусалиме при свечах.

Мошико звонил мне домой и жаловался:

— Такая жэнщина нэнасытная. Вчера взяль ее на тахана-мэрказит (автовокзал). Мой плэмянник там продает шварму. Десять стоолов, чэтыре картины… Очэнь красиво. Она шварма ест и гаварит: «Вы мэня когда в рэсторан пригласите?» А ты что, в туалете сидишь? Шварма ей нэ рэсторан… Километров сто туда должен я ехать, чтобы она кушать?

В конце концов влюбленные сторговались на ужин в местном ресторане — любом, который выберет дама Мошикиного сердца. Дама обвела взглядом длинную набережную, украшенную цветами и гипсовыми, ухмыляющимися китами. Ни роскошная вывеска «Ресторан Высокой Кухни Баба-Яга», ни гигантская обезьяна у входа в кафе-бар «Горилла» ее не заинтересовали. Дама указала пальчиком на скромное серое здание у кромки воды.

Чутье майора не подвело. «Бора-Бора» считался одним из самых дорогих и качественных ресторанов во всем Израиле. Говорят, в нем часто ужинал сам мэр города — еще до того, как его арестовали за взятки. Что мэр, у бывшего Главы правительства был в Бора-Бора свой столик, правда, тоже до того, как на Главу открыли дело в полиции.

Дама сердца уехала на три дня в Эйлат. Мошико начал подготовку: украл из «Бора-Бора» роскошную картонную карту-меню. И пришел ко мне совсем убитый.

— Я цэны взяль. За что люди дэньги плотят? Ни мясное, ни рыбное, адин салат — сто пятьдесят шекелей. Вы знаете что: визьде стараются, как содрать у чэловека больше!

Мне стало жалко неудачливого Ромео.

— А может, фиг с ним? Все-таки вам семьдесят, ей, наверное, сорок пять…

Никогда я еще не видела своего друга таким рассерженным.

— Как это у вас гаварят по-русски? Не пи!

Но тут же сменил гнев на милость:

— Вы душа-чэловек, вы поймете. Поставьте за мэня восемьсот шекелей.

Я вспомнила Ефима.

— На майора не дам, — сказала твердо, — одалживайте у родственников. У вас же много родственников: дядя… племянник дяди…

— Э-э, нэ дадут, — вздохнул Мошико, — сэстра бы дала…

Я удивилась: Мошико никогда не упоминал, что у него есть сестра.

— Била, — обычно словоохотливый собеседник замолчал, но потом все-таки добавил: — они к ней пришли, гаварят, твой сын в Ливаноне сгорель, в танк сгорель… Они же нэ знали, что грузинам так нельзя. Сначала уколь надо было… А она так спокойно младшему: «Принеси воды». И с балкона.

Я, чтобы отвлечь Мошико, сказала:

— Инструкции к камере принесли? Помните, вы просили с меню разобраться?

— Нэ дадите восемьсот шекелей? — мрачно переспросил Мошико, — Нэ надо мэню. Уже адин мэню есть.

И ушел, хромая. Почему-то он, когда нервничал, хромал. Говорил, колено болит.

Все оставшиеся до приезда любимой дни, Мошико, словно полководец перед боем, вычерчивал на песке какие-то комбинации, бормоча, словно заклинание:

— …филе лосося с листьями монгольд — 320 шекелей, грудка «молард» в пэрсиковом соусу — 410, пэчэнь от шеф-повара… ребрышки молочный тэленков — триста грамм — 380… Савиньон Блан… Баркан Шардонэ…

В субботу вечером все пляжное население городка собралось перед «Бора-Бора» — посмотреть, как Мошико поведет любимую в ресторан. Кавалер, в кремовых брюках, розовой рубашке и розовой кепке торжественно, словно к алтарю, под руку вел даму по набережной. Майор была в белом сарафанчике. Бретельки сарафанчика постоянно соскальзывали с равномерно загорелых плечиков, и Мошико по-хозяйски их поправлял. Швейцар у входа недовольно посмотрел на продавца ракушек, но пропустил.

Толпа утекла глазеть на уличных музыкантов, которыми к вечеру всегда полон любой город, стоящий на море. Я еще немного полюбовалась закатом и тоже собралась было уходить, как из ресторана выбежал Мошико — красный, тяжело дышащий, будто бежал кросс.

— Майора украли!

— Как украли? Кто украли?

— Нэ знаю. Я пошел в туалэт, патаму что волновальсь. Но уснуль. Нэмножко уснуль. И — нэту. Савсэм нэту. — Мы заглянули через широкое окно-витрину. Мошико указал на пустой столик. — Вот туда положиль… Посадиль…

Я удивилась:

— Но из ресторана она не выходила, это точно. Может, тоже в туалете? Да вот же ваша майорша!

В дальнем углу официант склонился над столиком, всей

своей позой выражая особое почтение. За столиком сидел известный в городе криминальный авторитет Шмулик. Говорили, что дядя Шмулика был близок к клану Абутбулей, уже много лет контролирующему весь израильский наркобизнес. В своих огромных татуированных лапах Шмулик держал левую руку майора. Сама майор сидела напротив, ловко орудуя вилкой в правой руке. Лямочки майорского сарафана постоянно соскальзывали, и Шмулик по-хозяйски их поправлял.

— Перэманили. — Мошико растерянно вытащил кошелек, показывая мне три бумажки в двести шекелей и две по сто. — Здэсь камэра, десять лягушков и пять птичков. Два дня в Тэль-Авив на Кармэль стояль…

Спрятать кошелек он не успел.

— По лестоланам ходишь, гад! — Ефим вынырнул откуда-то из-за мошиковской спины, выхватил кошелек, отбежал, вытащил деньги и с криком «Ула! В войну и не таких били» помчался по мокрому песку, размахивая бумажками, как флагом. В его «ула» слышались наметки на «р». Мошико побежал было вдогонку, но тут же остановился и, припадая на левую ногу, побрел домой. Даже подвезти не попросил.

На следующий день майор загорала на другом пляже. Мошико тоже больше не появлялся. Только однажды позвонил сказать, что сменил пляж: к дому ближе, и русских меньше. А то русские неохотно покупают.

Валерий Цуркан
Второй круг

«И ты будешь вечно идти, и не будет тебе ни покоя, ни смерти».

По поводу Апокалипсиса многие люди серьезно заблуждаются. Он будет. И он уже был. И даже не один раз. А если подумать, то это вовсе не Конец Света, а лишь очередной виток существования Вселенной. И об этом на самом деле знают лишь единицы. А те, кто ничего не знает и совсем ничего не понимает, каждый раз выдумывают новые даты, когда должен грянуть Конец. Но дата всего лишь одна и каждый раз она приносит одно и то же — смерть и рождение. И за закатом всегда следует рассвет, а за рассветом — день, а потом вечер, ночь и снова утро. И не будет этому конца, даже если наступил Апокалипсис…

* * *

Но начну по порядку.

У меня было счастливое детство. Мы росли в относительно спокойное время. Насколько помню, тогда не было ни жестоких кризисов, ни гражданских войн, люди не боялись отпускать детей на улицу, и те шатались там до поздней ночи. Где-то гремели войны, громыхали революции и перевороты, а мы были заняты своим детством.

Я и Ленька Уланов по прозвищу Улан дружили с первого класса. Мы всегда были вместе. Вместе убегали от охранников маленького аэродрома, где вынимали камеры из выброшенных покрышек от шасси кукурузников. Вместе ходили в кино, выстаивая длинные очереди перед кассами, чтобы попасть на «Миллион лет до нашей эры» или «Легенду о динозавре». В нулевых эти фильмы воспринимались как самый что ни на есть наивняк, но в то время даже взрослые были от них в восторге, а что говорить о нас! Вместе с Уланом любили бродить по темным улицам до тех пор, пока родители не начинали нас искать и звать домой. И сейчас приятно вспомнить об этих прогулках, во время которых могли забрести незнамо куда, не замечая дороги. Мы так и говорили — «куда глаза глядят» и шли, увлеченные разговорами, пока не упирались в бетонный забор горбольницы

или не останавливались перед крутым берегом канала и поворачивали назад. Бывало, что забредали в другие районы, и нас там колотили мальчишки, которых мы после отлавливали и мутузили в отместку. Ну да, в то время все было по-другому — не пинали ботинками по яйцам, не размахивали железными прутьями — все благородно. Если противник падал, ему помогали подняться, и на этом драка заканчивалась.

Мы с Ленькой ходили почти во все спортивные секции, в разные кружки, но нигде подолгу не задерживались. Дольше всего я посещал секцию легкой атлетики, хотя мой организм не был предрасположен к постоянным нагрузкам. А самый короткий срок посещения — ровно один день — выпал на кружок «юный фотограф». Помню, пришел, записался и стал осматриваться, начал знакомиться с мальчишками. Это было интересно — у всех были свои фотики, у кого задрипанная «Смена 8М», у кого «ФЭД», а у одного мальчика был «Зенит», наверняка отцовский, эти камеры очень дорого стоили. Мой фотоаппарат был не самым лучшим, но и не полнейшим фуфлом — «Смена-Символ», они недавно появились в продаже, и я им очень гордился. Когда все расселись по местам, в комнату, стены которой были обклеены всякими фотографиями, вошел молодой человек со сверкающей лысиной, короткой бородкой и в очках, из-за которых на нас смотрели увеличенные линзами глаза. В руке его была папка, на боку висел огромный импортный аппарат с длинным объективом. Он достал из папки какие-то листки, осмотрел нас, отметил меня как новенького и стал рассказывать о диафрагмах и тому подобной дребедени. Я заскучал. Думал, что будет намного интересней, и сразу станем фотографировать. После получаса болтовни преподаватель вывел нас на улицу и стал показывать, как лучше направлять объектив, чтобы не мешало солнце. Я сначала вроде оживился, но вскоре опять стало скучно. Подняв с земли корявую длинную проволоку, стал ее вертеть и раскрутил так сильно, что она вырвалась и улетела в небо. И вдруг раздался бешеный рев фотографа. Я аж подпрыгнул от неожиданности. Только что он улыбался, гладил мальчиков по короткостриженым головам и был таким добрым, что оставалось только нимб на голову приколотить. И вдруг — такая резкая перемена.

— Кто кидал? — звериный рык, казалось, был слышен во всем районе. — Кто кидал, я спрашиваю!

Я обернулся и увидел фотографа. Очки лежали на земле, а в руках он держал эту проклятую проволоку. На лысине отчетливо алела полоса — место соприкосновения с проказницей.

— Все! Занятия на сегодня закончены!

В кабинет я не вернулся, а творчески растворился в знойном

воздухе. Профессиональным фотографом так и не стал. Впрочем, фотографией заниматься не забросил и потихоньку учился самостоятельно.

Улан же провел целый день в секции бокса. В школу пришел с разбитым носом и двумя красивыми фофанами, обрамлявшими оба глаза. «Да ну их на фиг, не понравилось мне там, дураки какие-то!» — только и сказал он, когда мы стали расспрашивать. Фингалы долго не сходили, и Леньку стали называть Боксером. Он шипел, плевался, но прозвище приклеилось — не отодрать.

* * *

Мы с Уланом часто заходили к одному старику, жившему в нашем подъезде. Дядя Вася — его так называл даже мой отец — вроде бы поселился в этом доме, как только построили. Дом был старым, сталинским. Дядя Вася выглядел лет на семьдесят, но мне иногда казалось, что ему больше ста — он так много знал, что и за сто лет не запомнить. И каждый раз у него была для нас новая увлекательная история. Нам было интересно сидеть рядом с ним, пить чай с сушками и халвой и слушать его рассказы. То он говорил о том, как убили Юлия Цезаря, то про Ивана Грозного, то про пещерных людей, которые вымерли чуть ли не вместе с мамонтами. И не просто говорил, как в школе — вот был, мол, такой римский император, сделал то-то и то-то, и убили его, когда он слишком о себе возомнил, пожелав уподобиться богу. Нет, это была целая история в лицах. Иногда мне казалось, что дядя Вася и Рубикон вместе с Цезарем перешел, и сам лично кинжал в его грудь вонзил — уж очень подробно он это расписывал. И жалел он Цезаря по-настоящему, как пожалел бы настоящий Брут, если бы он раскаялся. В общем, дядя Вася был классным рассказчиком, ему бы писателем быть, уж он бы написал роман получше Яна, трилогию которого о монголах я очень любил читать.

Иногда он заводил разговоры философские, и беседа нас увлекала.

— Жизнь бесконечна, — говорил он. — Время никогда не заканчивается.

— А почему же люди умирают? — спросил однажды я.

— Люди умирают? — переспросил дядя Вася. — Это их тела умирают. А души остаются жить.

— И что же с ними происходит, с душами? — это уже Ленька начал бомбить дядю Васю вопросами.

— А кто его знает? Я еще не умирал. — Дядя Вася

усмехнулся. — Как помру, обязательно расскажу. А вообще, я считаю, что душа, она как бы по наследству передается. Человек умирает, а после рождается снова, но уже в другом теле. Но он не помнит того, что было с ним в предыдущих жизнях. Тут и свою запомнить не получается, а если сотня разных судеб в одной голове, то и свихнуться недолго. Я думаю, что это как бы защита, человек не помнит ничего о своей прошлой жизни. Но память не стирается, она просто глубоко спрятана. Люди иногда вспоминают что-то и начинают жить двумя судьбами — о раздвоении личности не слыхали?

* * *

Я слышал, как отец кому-то говорил, что за пять лет, что мы жили в этом доме, дядя Вася ни капельки не изменился. Не постарел. Хотя, я думал — куда тут еще стареть, он и так был стариком, лицо похоже на карту лунной поверхности с кратерами и впадинами. Только глаза и казались живыми.

Ленька однажды сказал мне:

— Леха, а тебе не кажется, что дядя Вася какой-то странный?

— Какой странный? — не понял я.

— Ну, это… он… вот… Какой-то не наш, что ли, будто инопланетянин.

— Ага, с Марса прилетел.

— Ну, или из будущего.

— Книжек начитался?

— Да ну тебя! — обиделся Улан.

Впрочем, мне дядя Вася тоже казался странным. Но я не считал его ни пришельцем, ни человеком из двадцать пятого века, хотя признавал человеком другой эпохи. Не знаю, какой, прошедшей ли, будущей ли — другой. Но это, естественно, всего лишь мои детские домыслы. А может, и не домыслы. Нет, правда, дядя Вася был очень странным человеком.

На летние каникулы я уехал с отцом в степь и на время забыл и дядю Васю, и Улана. Перешел в шестой класс и считал себя очень взрослым. Отец работал в геологии и бывал дома наездами. Летние каникулы я всегда проводил в самых разнообразных местах: то в Кызылкуме, то в предгорьях Памира, то на берегу степного озера Балхаш, которое отличалось тем, что одна половина его была пресной, а вторая соленой. Мои одноклассники каждый сезон уезжали в пионерлагеря и рассказывали о том, как они ходили в походы и как там было интересно и весело. Но я не понимал, что может быть

интересного в том, что людей собирают в толпу и водят, как коров на привязи, по одним и тем же тропкам. Я же был предоставлен сам себе. Мы на нескольких машинах уезжали далеко в степь, отец раскладывал там свою буровую установку, и они начинали работать. А я уходил гулять, то поднимаясь на сопки, то спускаясь вниз. Тень то шла впереди меня, то сопровождала сбоку, то плелась позади. Забирался порой так далеко, что один раз заблудился. Мне повезло, что этого не понял, иначе запаниковал бы, стал бы метаться и потерялся бы окончательно. Заблудился из-за облезлой лисицы. Она порскнула прямо из-под моих ног, когда я взобрался на вершину сопки. Конечно же, побежал за ней, но куда там! Разве угонишься за рыжей? Пока сделал несколько шагов, она уже резво поднималась по соседнему склону. Я все же продолжал погоню, даже когда потерял ее из вида. А потом увидел огромное орлиное гнездо, спрятанное в скале, и полез в него. Гнездо было заброшенным, в нем я нашел груду мелких костей, одна из которых была зажата в маленьком капкане. Наверняка это был тушкан, их здесь очень много. Я взял капкан, выдернул из него кость и только тогда заметил, как над одной из сопок маячит что-то красное. Это отец залез на самую верхотуру и размахивал красной тряпкой. Только тогда я понял, что заблудился. Геологи разбрелись в разные стороны, они искали меня. Наверняка уже думали о том, что я встретился с кем-нибудь из степных хищников, и от меня даже костей не осталось. Пришлось возвращаться. Отец отнял у меня капкан и надавал подзатыльников. Этот случай я запомнил на всю жизнь — дикая природа не любит разгильдяйства.

Домой вернулся подросшим на несколько сантиметров и загорелым, как негр. Мы встретились с Ленькой перед домом, когда я вышел на улицу. Потусовавшись в соседних дворах, заглянули к дяде Васе. Он что-то строгал на балконе, в квартире стоял приятный запах древесины. На плите закипал чайник, будто дожидаясь нас. Дядя Вася отложил работу и усадил нас за стол. И снова стал рассказывать свои истории. Ему, наверно, было скучно без нас, никто, кроме меня и Леньки, к старику не заходил. Рассказав нам пару историй про Жанну Д'Арк, он снова начал философствовать.

— Я ведь уже говорил вам, что время никогда не заканчивается? К тому же оно никогда и не начинается.

— Как это? — в один голос спросили мы.

— Оно свернуто в кольцо. Там где конец, сразу идет начало. Если бы был такой человек, который жил бы вечно, то он, прожив какое-то время, попал бы в прошлое, просто так дошел бы, своим ходом, безо всяких машин времени.

— И он смог бы изменить время? — спросил Ленька. — Избавил бы Русь от нашествия татаро-монголов?

— Наверное, смог бы, — ответил дядя Вася.

Наверно, он был слегка помешан, он такие гипотезы задвигал! И мы, два олуха, уплетали халву и слушали его сказки. А он знай рассказывает и даже не подпрыгивает. Но рассказывает очень интересно, и нам нравится его слушать.

— Весь мир основан на принципе закольцовки, — продолжал дядя Вася, и мы ему верили. — Если пойти на Запад, то через какое-то время попадешь на Восток.

Идея была интересной, новой для нас, и мы слушали, раскрыв рты и уже забыв о сладкой халве. В школе, понятно, мы никому об этом не говорили. Один раз Улан что-то такое попытался рассказать, но рассказчиком он был фиговым, и его никто не понял. А когда он стал объяснять, то его послали и позвали играть в футбол. Он был хорошим вратарем, а меня, после того как я пропустил подряд три гола и четвертый забил себе сам, к футбольному полю и близко не подпускали, да к тому же долгое время называли решетом.

Дядя Вася продолжал баловать нас халвой и рассказывать свои интересные истории, изредка ударяясь в философию, скорее всего, в псевдофилософию. Мы с Уланом сидели с раскрытыми ртами, из которых вываливались кусочки халвы, и внимательно его слушали.

— Все в мире циклично, — говорил он как адепт некой новой религии. — Душа человека не умирает, она снова и снова рождается в новом теле. Но почему человек не помнит о своей прошлой жизни?

— Это защита, — отчеканил Улан. — Чтобы не сойти с ума.

— Правильно! — похвалил его дядя Вася. — Но иногда бывают, как бы это сказать, пробои, и тогда в голове человека всплывают воспоминания из прошлой жизни.

— И тогда люди сходят с ума, — добавил я. — Раздвоение личности.

— Но есть люди, которые умеют этим пользоваться, — заметил дядя Вася.

— Как это? — спросили мы.

— О Нострадамусе не слышали? — Дядя Вася, в отличие от школьных учителей, был терпеливым наставником, его не раздражала наша тупость.

— Он же будущее предсказывал! — завопили мы.

Дядя Вася снисходительно улыбнулся.

— Вспомните, что я вам говорил, — сказал он. — Весь мир закольцован. Если бы человек мог жить вечно, то он дожил бы до

далекого будущего, а потом попал бы в столь же далекое прошлое. И если душа вечна, то в ее памяти заложена информация не только о прошлом.

— То есть Нострадамус не предсказывал будущее, а вспоминал его?

— Вот именно!

* * *

Мы уже перешли в восьмой класс, одноклассники начали заводить романы, а мы продолжали пить чай с халвой и слушать дядю Васю. По вечерам мы с Уланом совершали длительные прогулки «куда глаза глядят» или катались на велосипедах по округе. Иногда Ленька выходил на улицу со скейтом. Я пару раз пробовал прокатиться на этой доске для камикадзе, но оба раза так навернулся, что решил лучше ездить на велике. Так мы с ним и разъезжали — я на «Урале», он на этом гробе на колесиках. Когда он уставал, то я брал его на буксир, и мы возвращались домой.

После восьмого класса Улан остался в школе, а я ушел доучиваться в шарагу. Виделись мы только по вечерам. Иногда, уже намного реже, чем раньше, заходили в гости к дяде Васе. И только тогда я заметил то, о чем когда-то говорил отец. За эти несколько лет, что мы были знакомы, дядя Вася ничуть не изменился. То есть этого так легко не заметишь. Просто однажды вечером я перебирал свои старые фотографии, сделанные еще дешевенькой «Сменой-символ», и увидел снимок — перед нашим домом на лавочке сидит дядя Вася, а рядом маленький шкет, каким тогда был Улан. Ленька с тех пор сильно изменился, вырос чуть ли не в два раза, а вот дядя Вася… он был таким же, как и всегда. Сколько ему лет? Отец говорил, что, когда мы въехали в наш дом, на вид ему было лет семьдесят. И сейчас столько же. Может быть, люди после семидесяти перестают изменяться? Я нашел фотографии моего деда. Вот ему шестьдесят, вот семьдесят, вот восемьдесят. Ого! Еще как меняются! Дед умер в девяносто лет, он до последнего был энергичным, подвижным стариком, но на его лице с каждым годом добавлялись морщины. А дядя Вася? Может быть, прав был тогда Улан, загнувший, что дядя Вася — пришелец?

Я рассказал об этом Леньке и показал снимки. Он тоже задумался. Спросить напрямую старика мы не решались — ага, сейчас сознается он в том, что прилетел с далекой планеты, чтобы за нами наблюдать. Но в гости к нему ходить мы не перестали и

от халвы не отказывались.

Помню, к нам приехала из Чернобыля тетка, старшая сестра отца. Это после шараги было, помню точно, я уже на практике работал, а Улан заканчивал десятый класс. Отец как раз вернулся из командировки, и мы вместе ездили встречать тетю на вокзал. Она была грузной бабой с добродушным лицом и все рассказывала, какая у них там хорошая жизнь. Тетя Варя привезла несколько баулов с гостинцами и мне подарки, и матери, и отцу. Даже и Леньке кое-что перепало. Она жила у нас около месяца, перезнакомилась со всеми соседями, а от дяди Васи была вообще без ума — настолько ей понравился этот обаятельный дедок. Но однажды после разговора с ним на лавочке она пришла домой задумчивая. Долго молчала, а потом вдруг ни с того ни с сего разревелась и стала собираться домой. Сколько отец не расспрашивал ее, она ничего толком не сказала, просто заметила, что срочно надо продавать дом и переезжать на новое место. Когда отец сообщил ей, что через полгода мы собираемся приехать к ним в гости, она побледнела и ответила, что лучше через годик, когда они обоснуются на новом месте. Ни я, ни отец ни черта не поняли. Мы проводили тетю Варю до вокзала, посадили ее в вагон, и она уехала. Три месяца спустя от нее пришло письмо из Саратовской области — она переехала и звала нас погостить следующим летом, обещала и яблочек, и малинки, и в баньке попариться. В общем, тетка была довольна жизнью, хотя я так и не понял причину ее срочного переезда.

Причина исхода стала ясна несколько позднее. Некоторое время спустя произошла страшная авария на чернобыльской АЭС. Отец особого значения этому случаю не придал — не аварии, конечно, а стремительному переезду сестры, — а вот я задумался. И стал вспоминать все наши разговоры с дядей Васей. Особенно ярко блеснуло в голове о Нострадамусе. Уж не предсказал ли старик катастрофу в Чернобыле? А может быть, он ее… вспомнил?

Не говоря ничего Улану, я пошел к дяде Васе и напрямую его об этом спросил.

— Я просто предположил, что это могло произойти, — ответил он. — И смог ее в этом убедить.

Я успокоился. Но сомнения все же были. Почему же он тогда не предполагал взрыв атомной подводной лодки, там ведь тоже подобное могло случиться.

— Если бы твоя тетка служила мичманом на подлодке, я сказал бы ей то же самое.

Тут я успокоился окончательно. После шараги, поработав месяца три, я пошел в армию. Улан тоже. Он загремел в Афган и

подорвался там на мине. Обиднее всего было то, что до дембеля оставалось всего ничего. Мне дали отпуск, чтобы я смог с ним проститься. Гроб был запаянный, и я не видел лица Улана. А было ли оно? Может быть, там и не Улан вовсе, а с мира по нитке — я слышал, что часто даже нельзя определить, кто именно в этих ящиках — куски мяса складывают в беспорядке. На похоронах присутствовал офицер той части, в которой служил Улан. Говорят, что они всегда бывают на похоронах, чтобы родные не вздумали вскрыть цинк. Один знакомый сержант говорил, что внутри эти ящики больше не на гробы похожи, а на консервные банки с тушенкой. Мать Улана, похоже, повредилась рассудком, она что-то кричала и хотела спрыгнуть в могилу, когда стали засыпать. Ее удержали, хотя надо ли было это делать? Ее увезли в дурку сразу после похорон.

Дядя Вася тоже был с нами. Ему так же было на вид лет семьдесят. Он молчал, и только когда я стал с ним рядом, то услышал, как он шепчет:

— Ну откуда же я мог это знать!

Вечером после похорон я зашел к старику. Мы молча выпили водки, и после некоторого молчания он сказал.

— Наступают тяжелые времена. Ты не собираешься оставаться в армии?

Я пожал плечами.

— Не надо, — сказал дядя Вася. — Лучше иди куда-нибудь на завод работать.

— Почему? — не понял я. — Война, наверно, скоро закончится. Я слышал, что вроде бы собираются выводить войска.

— Будут другие войны, — дядя Вася пристально на меня посмотрел. — На Кавказе например. В Таджикистане.

— О Таджикистане я ничего не слышал. А на Кавказе вроде бы спокойно, если вы о тех беспорядках, что там творились недавно.

— Нет, это была не война, а так, репетиция. Война на Кавказе будет долгая и страшная. И вообще, СССР скоро развалится на куски. Да что там СССР… — дядя Вася замолчал.

— Раз вы умеете предсказывать или там, помнить будущее… Почему же Леньку не предупредили?

— Откуда же я мог знать? — сказал дядя Вася. — Человек может помнить только то, что знает. И знать только то, что помнит. Согласись, что даже если бы и знал Леньку несколько миллиардов лет назад (или вперед?), я бы его просто не запомнил.

Я тупо кивнул. Дядя Вася помолчал и добавил.

— А я ведь только на втором круге.

* * *

Не знаю, почему дядя Вася не рассказал мне всего. Может быть, просто пожалел. Отслужив в армии, я уехал в Москву и долгое время его не видел. Но через много лет мы с ним встретились. После Апокалипсиса, который никто не предсказывал. Даже майя ошиблись, и 2012 год мы пережили без особых потерь, если не считать локальных стихийных бедствий. Ни один человек не знал, что произойдет. А если бы и знал, то ничего не смог бы изменить.

Просто мы все разом перешли на следующий виток. За одну ночь от цивилизации не осталось ничего, кроме горстки напуганных людей. Земля снова была молодой, а мы, те, кто остался, пытались выжить. Нас было мало, и мы искали безопасное место. Мы, несколько человек, сумели пробиться к аэродрому и поднять в воздух вертолет. Те несколько часов, что мы летели в никуда, на планете творилось невесть что. Все рушилось, горело, взрывалось и проваливалось под землю. Несколько раз нам с трудом удавалось найти топливо. А когда мы добрались до океана, я понял, что нет уже ни Евразии, ни Африки, ни других, знакомых нам континентов. И даже Гондваны с Лавразией нет. Едва мы отлетели от берега на порядочное расстояние, как суша ухнула в воду. На остатках топлива мы добрались до острова, на котором нашли еще несколько таких же групп, спасавшихся от конца света. Конечно, дядя Вася был в их числе.

И только тогда я все понял. И теперь я знаю, что это за остров. Именно о нем поведает миру Платон много миллионов лет спустя. Возможно, даже на основе моих записей.

А дата… я не напишу здесь, когда все это произошло. Или произойдет? Незачем потомкам это знать.

Кирилл Луковкин
Лицо

Однажды В. почувствовал: что-то не так.

Это произошло в один из тех редких моментов, когда ему удалось отвлечься от нудной и утомительной работы, занимавшей почти все дневное время. Отложив бумаги, В. посмотрел в окно и задумался. Внутри его подтачивало смутное беспокойство, странноватое ощущение неправильности, несовершенства мира. Вот только в чем заключается неправильность, он понять не мог. И это еще больше усиливало его беспокойство. Когда причина ясна, с ней можно как-то бороться или осмыслить ее. Но когда она скрыта, завуалирована, это напоминает ловлю тумана в мешок — решительно непонятно, с какой стороны к ней следует подступиться. За окном все было вроде бы нормально: небо наверху, земля внизу, люди ходят на двух ногах, солнце круглое, а не квадратное.

Но что-то явно было не так.

В. решил пока отложить тревожные мысли и вернуться к повседневным занятиям, благоразумно рассудив, что чувство вернется. Он продолжал выполнять свои служебные обязанности, последовательность и распорядок которых оттачивал не один год работы в ведомстве, а именно: составлял отчеты, заключения, аналитические записки, резолюции, направлял запросы, писал протоколы, заключал договоры, сдавал документы в регистратуру и делал много чего еще, на что уходил почти весь рабочий день. В. относился к своей работе весьма добросовестно и считался одним из лучших, хотя выполнял ее без особого рвения.

Во время обеденного перерыва, покупая булку с вареньем, В. внезапно осознал, с чем связано его беспокойство. Поблагодарив продавца, он отошел в сторону и присел на скамейку. В. основательно закусил, подышал воздухом, пролистал газету. Затем уставился на набережную, прислушиваясь к себе. С каждой минутой он все отчетливее понимал, что же его так тревожит. А тревожил его продавец. В. казалось, будто он уже где-то раньше видел этого человека. Вернувшись к лавке, он обнаружил, что та закрылась на перерыв. Скоро обед закончился, и уже ему самому пришлось идти на службу.

Вторая половина дня оказалась загруженной, и из-за суеты В. позабыл наведаться в лавку вечером. Всю обратную дорогу домой он рассеянно наблюдал за зимним городом и пешеходами. В голове вертелась странная мысль. Правда, поймать ее было очень

трудно; это напоминало факт из однажды прочтенной книги, о котором ты знаешь, но никак не можешь его вспомнить. Например, название страны или имя одного из персонажей.

Время шло, но мысль так и не оформилась. Тогда В. решил отвлечься. По выходным он гулял с супругой, посещал синематограф и картинную галерею. В тот раз, возвращаясь с выставки, молодая пара натолкнулась в дверях своего дома на почтальона. Тот поклонился и торопливо зашагал по улице, придерживая рукой тяжелую сумку с корреспонденцией. Поднявшись на четвертый этаж, В. запоздало понял, что же его так удивило. Лицо почтальона! Он уже где-то видел это лицо… Возможно, среди толпы или в конторе. В. знал, что в психологии чувство повторяющейся ситуации или контакта с другим человеком называется «дежавю». Если встреча повторяется, тогда где же она произошла в первый раз?

Не раздеваясь, озадаченный В. погрузился в кресло и глубоко задумался. Каждый день его окружают тысячи людей. Каждый день он общается с одними, наблюдает за вторыми, пишет третьим. Люди разные, занимают разное положение в обществе, отличаются по возрасту, образованию, взглядам, не говоря уже про деление на мужчин и женщин. Однако есть некая деталь, мелкая, неуловимая… какая? Нет, нет, он никак не мог догадаться. Из оцепенения его выдернуло ворчание жены: с ботинок на ковер капал талый снег, а суп в тарелке остывал…

Следующие две недели ему постоянно встречалось знакомое лицо. Один раз это был пожилой человек, стоявший вместе с остальными пешеходами на тротуаре в ожидании, когда загорится зеленый свет. Старика сопровождала девочка. Во второй раз — молодой парень, основательно нагруженный книгами и спешащий куда-то размашистым шагом. Очевидно, студент. Третье столкновение состоялось в холле его конторы, где группа рабочих меняла лампочки. Шествуя к парадной лестнице, В. увидел на стремянке монтера, аккуратно ввинчивающего лампочку в патрон. В. прошел с десяток шагов и стал наблюдать за рабочими. Вот они переставили стремянку к следующему плафону, и мужчина со знакомым лицом взобрался наверх. В. хотел подойти и под незначительным предлогом выведать у рабочего что-нибудь, но его отвлекла коллега из аналитического отдела: пришлось уйти и разобраться в возникшей проблеме. Когда В. вернулся в холл, монтеров уже не было.

На день В. уехал в командировку в соседний город. Покупая билет обратно, он не удержался и заглянул в окошко. Кассир выдал сдачу и билет. Их глаза встретились: опять он, этот знакомый человек! Кассир безразлично кивнул и пододвинул

деньги к В. Сгребая бумажки и монеты в ладонь, тот попробовал завязать разговор:

— Извините, а мы с вами нигде не виделись?

— Нет, — уверенно ответил кассир. — Следующий.

— Мужчина! — взвыла позади толстая дама в кричащем вечернем платье. — Не задерживайте очередь!

Ее поддержало человек двенадцать. В. вынужден был отодвинуться. Постояв минуту, он решил занять очередь снова и на этот раз действовать смелее. Но в этот момент подошел поезд и, сверившись с билетом, В. понял, что надо отправляться. Чертыхнувшись, он побрел к перрону.

Тянулись дни. В. наблюдал и думал, рисуя заковыристые схемы. Каждый раз, как только он пытался заговорить с фантомным знакомым, им что-то мешало, а если даже разговор завязывался, человек непонимающе смотрел на него и старался поскорее распрощаться. Словно они никогда раньше не виделись. В. терпеливо сопоставлял факты, но однозначного ответа так и не нашлось, что действовало на него крайне удручающе: В. сделался угрюм, молчалив. Пропал аппетит. Тяжело спалось. На работе он стал допускать элементарные ошибки, путая документы или внося в них неправильные сведения.

Случилось так, что В. по какому-то поручению оказался в министерстве экономики. Быстро расправившись с делом, он хотел было вернуться в контору, но передумал, так как вспомнил, что где-то здесь работает его старый школьный друг. Учитывая, что не виделись они давно и всегда были в хороших отношениях, В. счел уместным навестить С. Разузнав, где находится соответствующий кабинет, он деликатно постучал и вошел.

С. сидел за столом и говорил по телефону.

— Да, — говорил С. — Да, я понимаю. Ну так объясните ему, неужели трудно?

В. приветственно кивнул. Обрадованный С. улыбнулся, сделал знак подождать, указав жестом на стул, а сам продолжал говорить в трубку:

— Нет. Не обязательно.

Пока друг наставлял невидимого подчиненного, В. оглядел комнату и нашел ее неплохо обставленной. Скромно и со вкусом.

— Именно! Вот и выполняйте! — торопливо закончил С. и положил трубку на аппарат.

Затем последовали бурные приветствия, оживленный разговор. За чашкой кофе пролетел час. С. горячо благодарил В. за встречу и попросил прощения за то, что вынужден прервать, так как должен доделать начатую еще с утра работу. Тогда В. решился сказать напоследок:

— Меня преследует странное чувство, будто что-то не в порядке.

— С кем или чем?

— С людьми. Там и сям, в самых неожиданных местах мне встречается знакомое лицо, но я никак не могу установить истину и положить своим мучениям конец! Словно один и тот же человек выдает себя за несколько разных личностей, как в театре одного актера… и это сводит меня с ума!

С. рассмеялся:

— Как же знакомо! Друг мой, это пройдет. Это называется хандра, плод бурного воображения. Сходи к терапевту, он пропишет тебе сонные капли. Будешь спать, как младенец. В этом нет ничего постыдного, сейчас слишком тревожное время, и люди нашей профессии особенно подвержены постоянным умственным нагрузкам. Так что не переживай. И еще могу посоветовать — смени внешний вид. Иногда полезно как-то меняться. — С. заговорщически подмигнул.

— Хорошо, спасибо. — Успокоенный, В. распрощался с другом и ушел. Правда, что имел в виду друг, говоря о внешности, он не совсем понял. Может, речь об одежде, прическе? Вообще-то, и в самом деле надо прикупить пару новых жилеток.

Обдумав предложение С. самым серьезным образом, В. решил сходить к врачу.

Терапевт посоветовал ему взять отпуск на неделю.

— Отдохните, развейтесь, — сказал он. — Забудьте про работу. Думайте о приятном.

И В. поехал с женой на горнолыжный курорт. Они тщательно выбирали место отдыха, и в итоге все прошло просто замечательно. Неделя пролетела незаметно, супруги целыми днями катались со спусков, посещали суматошные ярмарки, долгими вечерами ужинали в тавернах, где непременно имелся большой камин, а к мясу подавали горячее вино. В. действительно успокоился, наслаждался тишиной и ни о чем не думал.

Отпуск закончился. В первый рабочий день, подойдя к знакомой лавке, очень воинственно настроенный В. обнаружил, что вместо того лавочника работает другой. В. спросил, где же прежний.

— Уволился, — последовал ответ.

— Ясно… Будьте добры, один пирог с яйцом и луком и один с курятиной.

Вечером того же дня В. решил пройтись и подышать свежим воздухом. Чтобы срезать путь, следовало идти через переулки в старой части города. В. отлично знал дорогу, поэтому спокойно

сворачивал из одного переулка в другой, даже не сверяясь с табличками на домах. В дальнем конце одного из переулков В. случайно увидел следующую картину: из полуподвала торопливо вышло два или три десятка человек, причем все кутались в одежду так, что их лиц было не разобрать. Группа быстро рассыпалась, и люди торопливо разошлись, каждый в свою сторону. Дверь подвала лязгнула, грохнули массивные засовы, и установилась тишина. В переулке остался только один человек. Он повернулся к В. спиной, положил что-то на землю и стал возиться. В. пошел к человеку и сделал вид, будто идет мимо, никакого дела до происходящего у него нет. Как только они поравнялись, человек резко встал и развернулся к В. лицом. Он испуганно отпрянул и схватился за свою ношу — футляр — словно за какую-то драгоценность. В. невольно остановился, разглядывая незнакомца.

Мужчина выглядел оригинально. Длинные волосы спускались по плечам смолянистыми патлами. Засаленная одежда состояла из осеннего пальтишка, разорванного в плечах и без пуговиц, грязно-оранжевый шарф обмотал шею, словно удавка, ботинки знавали лучшие времена и давно нуждались в починке.

В. и незнакомец замерли друг напротив друга в напряженных позах. Только облачка пара, вырывающиеся при дыхании, свидетельствовали о том, что оба живы. Мужчина ссутулился, прижал голову к плечам, как в ожидании удара.

— Что вы делали? — вежливо спросил В..

— Ничего особенного, — стеснительно отозвался грязно одетый мужчина.

Оба уставились друг на друга; один в явном недоумении, второй — с немым вопросом.

— Что это у вас такое в футляре?

— Ничего особенного! — повторил мужчина. — Ничего, что было бы противоправно, — поспешил добавить он и сделал движение, чтобы уйти.

Ответ явно не удовлетворил В., который, почувствовав одновременно собственную власть и пугливость оппонента, упер руки в бока и подошел к мужчине поближе.

— М-да? Постойте-ка. Тогда что же там находится?

Вынужденный остановиться мужчина мялся, оглаживая грязными пальцами черную кожаную поверхность. Его спина ссутулилась еще больше.

— Ну?!

Мужчина подпрыгнул.

— Сударь, умоляю! Позвольте мне уйти.

— Только после того как покажете мне, что храните в

футляре. Показывайте или я вызову полицию. Я жду!

— Ну ладно… — Мужчина заторможенно положил футляр на землю, отщелкнул замки, откинул крышку и поднес к глазам В. предмет, находившийся внутри.

В. достаточно было одного взгляда на предмет, чтобы все внутри него всколыхнулось, и сам он пожалел о своей просьбе. Предмет лаково поблескивал в свете желтого фонаря чайным отливом, с мелкими трещинками и зазубринами по краям; предмет выглядел старым, но цельным и как будто в рабочем состоянии. Края округло загибались в некую форму.

— Что… что это? — пробубнил он.

— Это скрипка, сударь. Музыкальный инструмент. На нем играют.

В. опасливо огляделся; в переулке было безлюдно. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь увидел его в компании этого оборванца. Еще подумают не то — потом придется объяснять.

— И что же, ты играешь на этой… скрипке? — В. неопределенно повел рукой. Теперь ему самому захотелось убраться восвояси.

Бродяга с нежностью посмотрел на инструмент, провел кончиком пальца по струнам:

— Это так. Я знаю много мелодий, веселых и грустных, быстрых и медленных.

— И конечно же, все они запрещены законом.

— Для меня это не имеет значения, — с вызовом ответил мужчина. — Человеку нельзя запретить думать и чувствовать.

В. обдумывал создавшееся положение. Определенно, с ним очень давно не случалось подобного. По идее, сейчас он должен сдать нарушителя ближайшему полисмену и с чистой совестью отправляться дальше. Он сглотнул и внезапно для самого себя произнес:

— Сыграй что-нибудь. И я тебя отпущу.

Бродяга робко посмотрел на В.

— Вы серьезно, сударь?..

— Абсолютно! Я сделаю вид, что мы никогда не встречались.

— Х-м-м, как угодно.

Он торжественно поднес к подбородку скрипку, положил на струны смычок, закрыл глаза. Вздохнул и заиграл. По переулку разлилась тихая мелодия. Начавшаяся незатейливо, с каждым мгновением эта музыка усиливалась, развивалась в удивительный по красоте мотив, и этот хрустальный, кристально чистый поток заполнял собой окружающие вещи, проникал в каждый камешек, в каждую снежинку, даже в кожу, заставляя их вибрировать в унисон. Лицо скрипача преобразилось, приобрело возвышенное

выражение. На нем проступили новые черты, сделавшие его поразительно притягательным, словно оно стало вместилищем какой-то божественной сущности, отчего хотелось смотреть, бесконечно смотреть на него, не отводя глаз. В нем читалась энергия, сила, превосходство, оно двигалось, оно жило и дарило жизнь. Оно напоминало произведение искусства, пластичное, многоцветное и многогранное. В толпе горожан оно было бы подобно солнцу, пылающему во тьме.

Вдруг В. понял, что это лицо он запомнит навсегда. Музыкант сыграл последний пассаж и опустил инструмент.

— Вивальди, — прокомментировал он. — Фрагмент «Зима».

Тотчас послышался тихий треск — словно кто-то разбил яйцо о край стола.

— Я нигде тебя раньше не видел? — В. охватило чувство эйфории, легкости.

Музыкант усмехнулся, убирая скрипку обратно в футляр:

— Меня-то вы точно видите в первый и последний раз. Сегодня я уезжаю из города и никогда больше сюда не вернусь.

— Ты очень странно выглядишь, — признал В. — Ты необычный человек.

— Зато вы, горожане, все на одно лицо. Так сразу и не отличишь, кто есть кто. Прощайте, — с этими словами он небрежно отсалютовал и легко зашагал прочь, а его длинные волосы колыхались в такт поступи. От былой неловкости не осталось и следа.

— Постой! — почти с отчаянием воскликнул В. — Что это значит?

Музыкант не ответил и вскоре скрылся за углом. В. почувствовал себя одураченным. Одолела злость. Догонять бродягу было выше его достоинства, кричать на всю улицу — тем более. Старое чувство изъяна в мироздании вернулось с новой силой. К тому же ответ буквально замаячил перед глазами, достаточно приложить лишь небольшое усилие.

Чтобы поскорее добраться домой, В. сел в ночной трамвай. Он заскочил в переднюю дверь и по привычке оглянулся. Пассажиры дремали, двое, склонившись поближе, шептались о чем-то своем, один перебирал содержимое саквояжа. Вагон тренькнул и отправился по маршруту. В. отвернулся к окну. Снова и снова он прокручивал в памяти ту сцену в переулке, пытаясь понять, что же произошло. Прошло несколько минут. Трамвай проехал две или три остановки. Ответ пришел внезапно, четкий и ясный. В. выпрямился, его спина похолодела. Требовалось удостовериться в догадке. Он осторожно обернулся, чтобы посмотреть на попутчиков. В этот момент трамвай

дернулся, остановился, двери раскрылись на очередной остановке. Пассажиры автоматически подняли головы, и В. увидел, что всех их объединяет одно и то же — лицо.

Лицо почтальона и лавочника, лицо монтера и кассира, студента и пожилого пешехода, оно смотрело сейчас на В. из разных углов вагона, чуть безразлично, но с легким интересом постороннего наблюдателя. Тут В. показалось, будто перед ним и не лица вовсе, а какие-то нагромождения мускулов, выступы, отверстия и впадины, насильно скроенные в единое целое, словно из лоскутов разной ткани, и будто эта субстанция выглядит настолько дико, противоестественно и нелепо, что существует по какой-то ошибке! Как карикатура.

В. постарался взять себя в руки. На следующей остановке он поспешно выскочил из трамвая, хотя от дома его отделяло порядочное расстояние. С неба повалил снег. Ветер исчез. Крупные хлопья падали вниз совершенно бесшумно. Запахнувшись в пальто, В. шел домой и старался не смотреть на встречных.

— Не будет закурить? — спросил кто-то.

В. невольно глянул на прохожего и отшатнулся.

— Нет! — почти закричал он и, едва не срываясь на бег, припустил дальше.

Наконец знакомые улицы, поворот и дом. Подъезд, лестница, этажи — первый, второй, третий. Дверь! Повернуть ключ, переступить порог и щелкнуть замком. В. с минуту слушал собственное учащенное дыхание. Через комнату приглушенный стенами играл патефон — жена, слушает стандартную субботнюю симфонию под номером двадцать. Возникла мимолетная мысль о том, насколько же эта картонная музыка блекла и негармонична. Успокоившись, он скинул верхнюю одежду, пригладил растопыренные волосы и заглянул в спальню, туда, где возле туалетного столика любила прихорашиваться супруга. Сейчас ему нужна была одна вещь. Он медлил лишь секунду, потом сел перед зеркалом и посмотрел на себя.

— Ну как погода? — донеслось из комнаты.

— Превосходная, — бесцветно ответил В.

Из зеркала на него смотрело лицо — лицо почтальона и лавочника, монтера и кассира, студента и пожилого пешехода…

— Что это с тобой? Ты никогда раньше не смотрелся в зеркало так внимательно, — жена стояла на пороге комнаты, а в уголках ее глаз притаилась насмешка.

— Мое лицо… Оно…

— …устарело, — докончила жена и пристально посмотрела на него. — Дряблое. Потрепанное. Наконец-то ты это понял,

дорогой. Гляди-ка, на подбородке появилась трещина. Безобразие. Так оно совсем развалится! Нет, это никуда не годится.

Она заботливо взяла супруга под локоть и повела в комнату.

— Милый, я давно хотела сказать, что тебе пора уже приобрести новую дерм-маску. Ты заслужил это.

Он ломал костяшки пальцев, старательно отводя взгляд.

— Да… — проговорил он, — пожалуй, ты права… и в самом деле… я так давно хожу с этим… что наверно привык и забыл. Знаешь, мне нужно отдохнуть.

Упакованный в пижаму, В. лежал в постели. Спать не хотелось. Наконец-то он понял, что же было не так. Он не смыкал глаз, потому что боялся снова увидеть это лицо.

Свое лицо.

Мертвый лик, размноженный на тысячи таких же.

О встрече с бродячим музыкантом он решил никому не говорить.

Наталия Ипатова
Все коровы с бурыми пятнами

Войско приводило себя в порядок, раскинувшись на зеленых холмах, где до сих пор пахло гарью. Догорали остовы кораблей, подожженные приплывшими на них Туата де Дананн: новые хозяева Ирландии появились из клубов черного дыма и сразу же вступили в битву с прежними хозяевами, и одержали в ней дорогую победу.

И цена этой победы была вопросом текущего времени.

Войско, пропитавшееся горьким дымом, залечивало свои раны и жарило мясо на кострах, держась подальше от холма, на котором в жалкой походной палатке метался в бреду искалеченный король.

Двое ждали подле входа. Первый, закопченный более других не столько битвой, сколько работой кузнеца — о чем свидетельствовал его кожаный фартук! — приходился королю братом. Второй был другом. Оба были изможднены, но поднялись на ноги, когда из шатра вышел третий — в одеждах, запятнанных кровью, с рыжими волосами, спускавшимися до пят. За ним тенью выскользнула дочь, которая держала его волосы все время, пока он занимался королевской рукой. Великий целитель Диан Кехт тоже был братом короля. На волосы целителя был наложен гейс. [2]

— Все не так плохо, Гоибниу, — сказал он кузнецу, с видимым трудом размыкая тонкие губы. Лицо его при этом было ледяным, даже голубоватым. — Я сделал, что мог, сейчас и размышляю, что я могу сделать в будущем.

— Все достаточно плохо, Диан Кехт! — с сердцем ответил на это друг короля. — Ты знаешь, что скажут. Великий Король потерял разящую руку в первом же сражении, едва ступив на новую землю, и отсекший руку ушел живым. Простой человек, не имеющий даже способности менять облик, некий Сренг из Фир Болг. Это не победа. Это хуже, чем не победа. Это неудача. Предзнаменование.

Тонкие губы Диан Кехта искривились.

— Мы не можем идти назад, Дагда. Для того мы и жгли корабли.

— Это было решение Нуаду, и его правая рука свидетельствует, что решение было неправильным.

— Это всего лишь вопрос точки зрения. Мы отдали королевскую руку за страну с ее молоком и медом, за лососей в

ее реках, за коров на ее пастбищах. Мы уплатили небольшую цену.

— Ты говоришь со мной, как с низшим, Диан Кехт, — вспылил Дагда. — Прибереги эти речи для прочих Туата, кто не знает о том, что родила внучка короля, награжденная пророческим даром.

Диан Кехту было нечем крыть. Он сам помогал Морриган рожать, своими руками вынул из ее чрева младенца столь уродливого, что сам же посоветовал его прикончить — и был прав. В младенце нашли трех черных змей, каждая из которых могла бы, достигнув зрелости, проглотить весь этот прекрасный зеленый остров. Он убил этих змей и сжег их, а пепел бросил в реку, и река от него вскипела, и оттого называется Бэрроу. Никто не назвал бы этих чудовищ добрым предзнаменованием, никто не стал бы вверять судьбу народа в руки правителей, при которых творятся подобные вещи.

— Это было проклятие Нуаду, — медленно выговорил он. — Нуаду по закону Туата не может более быть королем; если это не скажу я, Гоибниу, то скажут женщины, а кто пробовал заставить молчать женщин, имена которых — Фи — «злобная», Немайн — «ядовитая», Бадб — «неистовая»? Его тело сотрясает жар, его разум помутнен — можешь представить, если он спустит с цепи свой гнев, и на кого тот гнев падет. Нам нужен местоблюститель.

— Новый король? — Дагда приподнял косматые брови. Он был неопрятен и толст, но внешность его была обманчива.

— Я не могу, — сказал Гоибниу. — Я всего лишь ремесленник. Мои таланты ниже короля.

— Я врачеватель, — сказал Диан Кехт. — Мои таланты выше короля. Я не нуждаюсь в макгаффинах, чтобы быть тем, кто я есть, и служить своему народу. Меня некому заменить.

— А сын твой Миах не справится?

— Нет! — в первый раз что-то пробило ледяную броню Диан Кехта, ведавшего жизнью и смертью богов. — Дагда?

— Ну посмотрите на меня, какой из меня король! Разве я выгляжу по-королевски?

— Жаль, — сухо сказал Диан Кехт. — Ты второй человек, кого я согласился бы видеть на троне.

— После себя?

— После него, — врачеватель длинным подбородком указал на палатку, которую только что покинул. — Никто из нас не отмечен королевским знаком, ни под одним из нас не закричит Лиа Фаль.[3] Никто из нас не истинный король. Значит, нам следует найти того, кто понравится камню.

— Это было бы хорошо, — рассудительно сказал Дагда, — но

что, если ему никто не понравится?

— Тогда надо найти того, кто понравится Морриган. В конце концов, пусть наша пернатая дура каркнет что-то невразумительное, а мы истолкуем это к нашей пользе до тех пор, пока это будет нас устраивать.

В воздухе захлопали гигантские крылья, трое богов интуитивно пригнули головы. Огромная черная птица опустилась наземь рядом с ними, встопорщилась и перекинулась в худую черноволосую женщину. Ростом она была выше Дагды.

— То, что ты сказал о пернатой дуре, Диан Кехт, останется на твоей совести, потому что мне недосуг с тобой считаться. Я летала вслед беглецам Фир Болг, и я думаю, вам стоит знать, что я видела. Рано праздновать победу, великие мужи.

Это последнее прозвучало глумливо.

— Мы потеснили Фир Болг с их земель в Коннемаре, мы убили в битве сто тысяч их воинов и короля Эохайда, сына Эрке, но Сренг увел оставшихся на север, на острова Аран, Иле, Манад и Рахранд и отдался под защиту живущего там народа. И вот с этим-то народом нам, Туата, придется считаться.

— Что ты видела, о мудрейшая из женщин? — медоточиво спросил Дагда.

— Я видела стеклянные башни и серебряные корабли. Я видела народ, входящий в морские волны и выходящий из них, словно бы вода была их естественной стихией. Я видела полулюдей — в основном простецов — с одной ногой и одним глазом, при этом они бегают быстрее двуногих. Те из них, кто рангом выше, выглядят как им угодно, словно никаких правил свыше им не положено. Что мы можем им противопоставить?

— Камень Лиа Фаль, которому не под кем крикнуть; неотразимый меч, утративший руку, державшую его; неконтролируемое копье, которое приходится держать в маковом отваре, чтобы оно не перекололо всех, кто в пределах его досягаемости; и твой котел, Дагда, который накормил бы всех, если бы было, что сварить.

— Нам нужно подходящее пророчество, Морриган, — сказал Гоибниу. — Что-нибудь такое, что выиграло бы нам время. Если они не сотрут нас в порошок сразу же, мы врастем в эту землю и научимся тут жить. Нам нужен мир с этим народом на Севере.

— Любой ценой, — добавил Дагда и ухмыльнулся. — Нам надо наполнить мой котел.

Морриган, в этот момент вся проклюнувшаяся черными перьями, саркастически пожала плечами.

— Да пожалуйста. Возьмите на трон чудесного ребенка, кой наполовину Туата по крови, наполовину же фомор, как они там

на Севере себя называют, — и он послужит расцвету и миру, и величию этой земли.

— Отлично, — сухо сказал Диан Кехт. — Мы доведем пророчество до сведения их шпионов, которые наверняка не замедлят явиться среди нас, и оба народа сделают все возможное, чтобы соединиться брачными узами.

— Диан Кехт, — ответила на это Морриган, — ты умнейший из мужей, но ты глуп, как всякий мужчина. Знаешь, что главное в моем пророчестве?

— Что же, о великая королева? — спросил Дагда вместо промолчавшего врачевателя.

— Да собственно то, что так оно и будет на самом деле.

* * *

Тара была полна благородными Туата де Дананн и их женщинами. Нуаду сидел на покрытом резьбой каменном троне, разящая рука его лежала на коленях, и на два пальца от локтя сделана была из серебра. Время от времени Великий Король пошевеливал ею, и тогда взгляды всех устремлялись на это смертоносное, сложносочлененное чудовище.

Выглядел Нуаду плохо — лишь тенью прежнего грозного мужа. Он был нынче сед и изможден. Рядом с троном стоял Диан Кехт, а рядом с Дианом Кехтом — мастер-медник Кредне, и поскольку это не было обычное место обоих, все понимали, что дела Нуаду плохи. Рука, каким бы чудом она ни была и как бы хорошо ни заменяла разящую длань, видимо, причиняла королю страдания.

Сколь ни плотно стояли ряды Туата, им пришлось расступиться, когда привратники возгласили:

— Дорогу Эри, дочери Делбаета!

И вот уже женщина стоит перед королем: на плечах ее алое покрывало с золотой каймой, ремешки сандалий позолочены. Кожа смугла, как у всех, кто дом свой поставил у самого моря. Запястья и щиколотки уже не так тонки, как несколько лет назад, когда к дочери Делбаета сватались юноши со всей Ирландии. Рядом с нею отрок четырнадцати лет, красоты доселе невиданной. Все знают, зачем он здесь, но словеса должны быть произнесены.

— Расскажи нам о рождении твоего сына, женщина, — сказали филиды.

Эри поклонилась и подняла взор на короля, сидевшего мрачнее тучи. Она его не боялась.

— Я была в доме моего отца в Мает Скене и увидела из окна серебряный корабль, немалый на вид, вставший у берега, но доподлинно я его не разглядела — будто рябь была в воздухе поверх него.

— Защитные чары, — сказали, кивнув, филиды.

— С корабля сошел на землю прекрасный воин. До самых плеч спадали его золотистые волосы, и одет был он как мужчина, который ищет жену. Платье его было расшито золотой нитью, а рубаха — золотыми узорами. Золотая пряжка была у него на груди, и от нее исходило сияние бесценного камня. Два копья с серебряными наконечниками и дивными бронзовыми древками держал он в руках. Пять золотых обручей были на шее воина, что нес меч с золотой рукоятью, изукрашенной серебром и золотыми заклепками. И понесли меня ноги сами навстречу ему, и он, увидев меня, не удивился, но сказал:

— Настал ли час, когда можем мы соединиться?

— Не было у нас уговора, — сказала я на то.

— Иди без уговора, — сказал тот человек, и то стало нашим уговором по согласию.

Когда же поднялся он, собираясь идти на свой корабль, зарыдала я от того, что юноши Племен Богини Дану напрасно домогались меня, а этот овладел мной, и теперь лишь его я желала. И тогда он дал мне золотое кольцо и велел не продавать его и не дарить никому, кроме того, кому оно станет впору. И спросила я тогда его имя, и сказал он, что зовут его Элатха.

Филиды вновь переглянулись: имя это было им знакомо.

— И обещал он, что после нашей встречи я рожу сына, и не иначе он будет наречен, как Эохайд Брес, Эохайд Прекрасный. Все, что ни есть прекрасного в Ирландии, долину или крепость, пиво или факел, мужчину, женщину или лошадь, будут сравнивать с этим мальчиком, так что станут говорить: это Брес. Вот мой сын, перед вами.

— Элатха, — не шевеля губами, произнес Дагда так, что услышал только Диан Кехт. — Один из великих королей фоморов сам прибыл сеять, стало быть. Подсуетился.

— Теперь же, женщина, расскажи, что чудесного в твоем сыне.

— Сын мой, о Туата, в первую неделю вырос как за две, в первый же год — на два года, и сейчас ему семь лет, но вы перед собою видите отрока, готового к ратной работе и брачному ложу.

— Кто же подтвердит, что это тот самый ребенок?

— Все живущие в доме моего отца подтвердят это, как подтвердят названные мною сроки. Чудесный дар моего сына — вдвое умножать все живое и растущее, *весь и всяческий приплод*.

Решайте сами, Туата, годится ли он вам в короли.

В зале поднялся немыслимый шум.

— Исход предрешен, — шепнул Дагда Диан Кехту. — Пацан обещает удвоение ВВП — всего и всяческого приплода. Чего еще желать стране во дни мира? Народ его захочет.

— Твоя креатура?

— Ну… Да, я сговорил его со своей дочерью Бригит.

На устах Диан Кехта появилась сардоническая усмешка.

— Я вижу, не один Элатха тут подсуетился. Ты стоял подле этого трона, хочешь стоять и у нового?

— Сам-то ты не сговорил ли своего сына Кияна с дочерью Великого Балора?

Диан Кехт досадливо отмахнулся:

— Эти сами сговорились. Великий Балор рвет и мечет: ему напророчили, что падет он от руки внука от этой дочери, так что можешь себе представить, насколько он в деле.

— Ну что ж, выходит, что не мы одни запускаем в мир предсказания. У них тоже есть филиды. В любом случае, если мы не упустили шанса подвесить камень над головой Великого Балора, мы в выгоде.

Шум внезапно стих, словно бушующее море залили маслом. Это Нуаду поднялся на ноги, и встал он сам, без помощи чьей-либо руки.

— Я Нуаду Аргетлау, Среброрукий, — он вытянул перед собой руку, на которую Туата и боялись смотреть, и глаз отвести не могли, и голос его рокотал как гром, как в старые добрые времена, и был он выше всех и больше всех в этом зале, — по закону Племен богини Дану, каковой закон выше короля, уступаю по доброй воле свое место и свое право Бресу, сыну Элатхи, ибо это то, чего желает мой народ.

— Я устал, — добавил он. — Я ухожу.

* * *

В присутствии всего народа Туата Брес был коронован на склоне холма перед Тарой, и Дагда, будущий тесть, возложил на него королевские гейсы. Отказать в гостеприимстве не мог теперь Эохайд Брес и отказаться от предложенного ему, что бы то ни было. Также передал Брес своему народу семь заложников из своего рода, чтобы народ не терпел ущерба от правления своего короля.

Взамен народ готов был предложить своему новому королю дары, ибо до тех пор их новый король не владел никакой

собственностью. И пожелал король, стоявший на склоне холма вместе со своей матерью, новую крепость для себя, а из стад Туата всех коров с бурыми пятнами.

Все свободные Туата погнали свои стада в Тару, чтобы слуги Бреса отобрали для него коров с бурыми пятнами: зеленые холмы огласились щелканьем бичей и ревом скота, и криками, и лаем пастушьих собак. А подле ворот зажжены были два огромных костра, и горели они день и ночь, дым застилал скотный двор, и всякая проходившая меж ними корова, какой бы масти она ни была, появлялась перед слугами Бреса с бурыми подпалинами на боках.

Новый король смотрел на мать и счастливо, по-детски улыбался. И когда отбор был завершен, у народа Туата вовсе не осталось собственности.

* * *

В оставленном дворце Нуаду пусто и тихо, лишь одноглазый привратник по привычке сторожит у дверей. Искалеченный король не выходит, он как будто погребен заживо. Тишина кажется ему могильной. Никто не слышит его приказов, да ему и нечего приказать. Он никому не нужен.

Диан Кехт не в счет. Тот приходит к этой руке и к нагноившейся ране под нею. Диан Кехт не наполнит жизнью этот чертог. С ним даже не выпьешь.

Никто не ходит к нему, кроме мужчины и девушки. Девушка молчит и держится в стороне, разбирает лечебные травы, а мужчина занимается его рукой, и покуда делает это — рассказывает новости. Голос его журчит спокойно, как ручей по песчаному руслу, и король впитывает влагу, точно тот песок.

Мужчина, Миах, говорит, будто король не бывает бывшим. Миах утверждает, что может все изменить. Вернуть королю королевство, власть, самое жизнь. Вернуть ему руку. В доказательство его слов шуршит среди тронных занавесей привратник, которому приживили кошачий глаз. Привратник подстерегает мышь. Но король, разумеется, не хочет, чтобы ему приделали собачью лапу или руку раба. И по его королевскому желанию в ларце доставлена его отсеченная рука — очищенная от тленной плоти и почти столь же страшная, как его теперешняя серебряная.

— Три дня будете держать руку возле бока, пока обрастет она плотью и кожей. Потом три дня будете держать ее у груди. И еще три дня стану я обкладывать ее белыми сердцевинами

обожженных на огне тростинок. И тогда у Туата не будет причины держать королем Бреса, Туата вновь захотят вас, а вы прогоните фомора.

— Каков из Бреса король?

Миах усмехается в полутьме.

— Он берет дань с каждого очага, с каждой месилки теста и с каждой ручной мельницы и по унции золота с каждого Туата. Не течет жир по ножам, не пахнет хмельным из ртов. Великие мужи и герои работают, словно рабы, за одну еду. Огма собирает дрова, но говорят, что и он ослаб от голода и доносит только треть, а остальное уносит море. Дагда таскает камни и землю для новой крепости короля, а недавно был под судом за убийство.

— Кого же он убил? Не фомора?

— Королевского злого шута, что наложил на него гейс — отдавать три лучших куска с каждой трапезы. Любой бы его убил, скажу я, но Дагда положил в мясо золотые монеты — и где только взял! — и куски поистине стали лучшими, вот только бедняга их не переварил. Пред Бресом обвинили Дагду в отравлении, и некоторые считают, что суд короля был неправым, а значит — нарушен королевский гейс, и не принесет это Бресу добра. Зато корабли фоморов невозбранно ходят у наших берегов, и из богатств и сокровищ Ирландии фоморы имеют немалую часть — их король платит им такую подать, какой мы бы в ваши времена постыдились.

— Он, стало быть, щедр?

— Я расскажу вам, насколько он щедр, наш Брес. Корпре, сын Огмы, первый бард Туата, обласканный вами, явился ко двору, ожидая занять свое место рядом с троном, ибо нет у Туата занятия почтеннее, чем слагать слова. Брес не отказал ему в гостеприимстве, ибо таков его гейс, но что это было за гостеприимство! Тесная каморка без очага и постели, сухой хлеб на блюде. Так ли принимали бардов в ваши времена? Брес — добрый король для фоморов, которые им управляют, а что такое быть добрым королем для своего народа — ему неведомо. Великий муж обличьем, а разумом сущее дитя.

— И каковым же славословием наделил его Корпре?

— Стихи его все Туата нынче повторяют.

Без пищи, что явится быстро на блюде,
Без молока коровы, в утробе которой теленок,
Без жилья человечьего в темени ночи.
Без платы за песни поэтов пребудет пусть Брес.

Недолго Бресу сидеть на вашем троне, скоро вы его займете

по закону и по выбору народа.

Некоторое время молчат оба, пока ловкие пальцы Миаха делают свое дело. Сустав к суставу, а мышца к мышце. Король терпит боль, наотрез отказываясь от макового отвара — ему привычно. По его разумению король должен быть *больше* любого из подданных, иначе с чего бы ему быть королем.

— Почему ты делаешь это? — спрашивает король. — Почему твой отец этого не сделал?

— Потому что я лучший лекарь, чем мой отец! — отвечает Миах. Девушка, Аирмед, не поднимает головы, она почти не видна в тени резных колонн. — Отец отгоняет смерть, он способен исцелить, только если не отсечена голова и не поврежден спинной мозг. Я могу вернуть к жизни мертвого. Хорошо ль великому Диан Кехту быть превзойденным?

* * *

Спустя девять дней в том же пустом и пыльном зале Нуаду ждет Миаха, но приходит Диан Кехт. Садится напротив короля-брата, и, поскольку вина у них нет, они занимают себя пустым разговором, до тех пор пока пред ними не появляются пристыженные, пойманные на недозволенном, сын и дочь.

Из складок своих одежд Диан Кехт достает свиток и кладет на стол перед собой. Миах смотрит на свиток, но не прикасается к нему. Потом идет к королю и встает у того за плечом, и Диан Кехту все ясно без слов.

— Каждый из нас сделал, что сделал, — говорит Миах, — и обратного хода нет. Ты, отец, предписал кормить больного овсянкой, сваренной на лекарственных травах — помогает от желудочных болезней! — и не будешь забыт в веках. Я пошел дальше. Туата не умирают, но могут быть убиты — я сделаю так, что и убить их будет невозможно. Я сделаю нас сильнее фоморов.

— Я закончил книгу по медицинской этике и деонтологии, и хотел бы, чтобы ты ее прочел, но ты для этого слишком горд.

— Я сам могу написать любую книгу!

— Нуаду, — говорит Диан Кехт, более не удостаивая сына ни словом, — если бы он сделал это с кем угодно, кроме тебя, я без всякой жалости убил бы жертву его эксперимента.

Нуаду молчит.

— Твоя рука была хороша, — наконец говорит он, показывая на отделенное от его тела серебряное сложносочлененное чудовище, — но я предпочитаю живую. Я чувствую ее сустав к суставу, а мышцу к мышце. Она налита силой и жаждет взяться за

меч. Я не отдам свою руку, Диан Кехт, если ее не возьмут силой.

— Кто я таков, чтобы сравниться с тобою силой? — сардонически вопрошает Диан Кехт.

Меж тем Миах снимает с королевской руки повязку — виток за витком, слой за слоем. Обнажается бледная кожа, покрытая веснушками и седыми волосами. И бугры мышц.

А дальше короткий вскрик, в котором протест и боль, но более всего — изумление. И Нуаду стоит над телом поверженного Миаха, и в руке у него его королевский меч, неотразимый меч из Финиаса, а Диан Кехт тоже стоит, вскочивши со своего места, а Аирмед дрожит, прижавшись к колонне. А отсеченная голова Миаха катится от подножия трона в сторону дверей этого темного покинутого чертога.

Но более всего изумлен, кажется, сам Нуаду.

— Что-то вроде этого я и имел в виду, когда предостерегал, — устало говорит Диан Кехт. — Нельзя оборачивать вспять основные законы философии, они не для того писаны. Немертвое неживое стремится обращать в неживое живое вокруг себя.

Шорох у колонны заставляет его прервать речь. Аирмед, встав на колени и скинув плащ, раскладывает на нем травы. Окровавленная голова брата лежит пред нею.

— Я знаю все, что знал он, — говорит она, не поднимая глаз. — Если это вина, то я виновна столько же. Отец, позволь мне…

Диан Кехт одним движением смешивает травы.

— Нет Миаха, но останется Аирмед, — говорит он, и она поднимает изумленные глаза, потому что нечасто слышит в его голосе проявление чувств. Тогда она складывает руки на коленях и просто смотрит, оставаясь безмолвным свидетелем всему, что происходит тут.

— Если он встанет, кого, как ты думаешь, он возьмет взамен?

Нуаду, кажется, осознает, что произошло.

— Я рад, что убил не тебя, мой друг и брат, — хрипло говорит он. — Я рад, что не убил тебя, невинное дитя. Я… не желал этой смерти. Я вполне осознаю, что я натворил: я лишил мой народ целителя, а тебя — сына. Я заплачу любую виру, Диан Кехт.

Он смотрит на меч в своей руке, словно впервые понимает, сколь страшные силы подчинены ему и сколь страшным орудием они способны сделать его самого.

— Что, если *она* опять захочет чужой жизни, Диан Кехт?

— Даже наверняка.

— Возможно, будет лучше, если я не выйду из этого чертога?

Диан Кехт минуту обдумывает эту возможность.

— Нет, — говорит он. — Грядет великая война, и не обойдется без великой битвы. Это понятно всякому, кто умеет думать, даже если бы кое-кто не каркал о том ежечасно. Фоморы тоже не дремлют, у них есть свои предсказатели с их собственными пиар-пророчествами. Нам нужен Нуаду, но…

— Я понял.

Они встречаются глазами, и не нужна никакая вещая птица, чтобы предсказать — Нуаду не выйдет из великой битвы. Это его не пугает. Ничто не может быть страшнее пустого пыльного чертога, в котором он уже был похоронен заживо.

— Смерть Миаха я объясню, — спокойно говорит Диан Кехт. [4]

* * *

К берегам фоморовых земель причалил корабль, и прибывшие на нем были богаты и отличались любезным обращением. У них были собаки и лошади, и, будучи приглашены на состязания, гости победили и в собачьих бегах, и в скачках. Последними состязались мечники, и когда воин, вышедший от приплывших, взялся за меч, на пальце у него блеснуло золотое кольцо. Встал тогда король Элатха и признал перед всеми своего сына, и спросил его, в чем возникла у того нужда, что отправился он искать отцовской поддержки.

— Они меня больше не хотят королем! Они снова хотят Нуаду, у которого рука выросла. Я не могу тягаться с Нуаду. За Нуаду нынче все, кто прежде желал моих милостей, — даже тесть мой Дагда. Сказал я им, что признаю их право и виноват пред ними, но попросил позволить мне править до истечения семи лет, на которые был уговор, а после уйду с миром. Мне надо было выиграть время, иначе они убили бы меня. Они согласились, но прокляли меня и сказали, что больше не станут платить мне податей.

Тут Брес склонил голову перед отцом.

— Лишь одна моя неправедность и дерзость тому причиной. Я лишил их сокровищ, богатств и еды.

— Недоброе это дело, — ответил отец. — Благо народа превыше королевской власти. Пусть бы лучше они обращались к тебе с просьбами, чем с проклятиями. Чего ты от меня теперь хочешь?

— Пришел я просить у тебя воинов, — ответил Брес, — дабы подчинить эту землю силой.

— Не пристало неправдой захватывать то, что не удержал ты честью, — сказал Элатха.

— Со всею почтительностью скажу тебе, что тебя не было рядом, когда меня следовало обучить справедливому правлению, отец. Какой же совет ты мне дашь теперь, когда поздно оглядываться назад?

Тогда отослал его Элатха к другим великим фоморам: Балору, внуку Нета, правителю островов, Индеху, сыну Де Домнанн, владыке фоморов, и те собрали воинство, дабы силой отнять королевскую власть и обложить Туата Де Дананн данью. Сплошная вереница их кораблей тянулась от Островов до самой Ирландии, и уж всякому было ясно, что без великой войны не обойтись.

* * *

Не время было пировать, однако это следовало сделать, чтобы подчеркнуть великую разницу между предыдущим правлением и нынешним, и показать Туата, за что предстоит сражаться. Так что в Таре шел пир горой, словно перед концом света, и один лишь трезвый Диан Кехт следил, чтобы король был пьян в недвижимость, и добавлял тому в пиво макового отвара, и еще велел, чтобы королевский волшебный меч держали подальше от королевской руки.

Два привратника были тогда в Таре, и звали их Гамал, сын Фигала, да Камал, сын Риагала, и прославились они только тем, что в тот день несли свою стражу. Заметил один из них незнакомых людей, приближающихся к Таре, а во главе их был благородный воин, одетый как принц, а лицо его сияло подобно солнцу.

— Скажите королю, — выкрикнул бывший при нем глашатай, — что Луг, сын Кияна, сына Диан Кехта, и Этне, дочери Великого Балора, сына Дота, сына Нета, приемного сына Таллан, дочери Магмора, короля Испании, и Эхайда Гайруха, сына Дуаха.

— Громко звучит, о воин, но объяви, каким ты владеешь ремеслом, ибо не владеющий ремеслом не может войти в Тару, хоть чьим он будь сыном.

— Можешь спросить меня, и я отвечу — я плотник.

— Ты нам не нужен, — молвил привратник, ибо есть уже у нас плотник — Лухта, сын Луахайда.

— Спроси меня, привратник, я кузнец, — сказал Луг.

— Есть между нами и кузнец, — ответил привратник, — великий Гоибниу, и знает он такие три приема в своем мастерстве, что никому, кроме него, не ведомы.

— Спроси меня, я воин, — сказал Луг, которого, по-

видимому, начала забавлять эта игра.

— Ты нам не нужен, — ответил привратник, — воитель могучий есть в Таре, Огма, сын Этли.

— Спроси меня, я играю на арфе, — снова сказал Луг.

— Ты нам не нужен, ибо есть уж среди нас арфист, Абкан, сын Бикелмоса.

Очередной пробный шар метнул Луг:

— Спроси меня, я филид и сведущ в делах старины.

— Нет тебе места среди нас, — насмерть стоял привратник, — наш филид Эн, сын Этомана.

И сказал Луг:

— Спроси меня, я чародей.

— Ты нам не нужен, — ответил привратник, — есть уж у нас чародеи, да немало друидов и магов.

— Спроси меня, я врачеватель.

— Ты нам не нужен, сам Диан Кехт среди нас врачеватель.

— Спроси меня, я кравчий.

— Ты нам не нужен, — отрезал привратник, — ибо кравчие наши Делт, Друхт, Дайте, Тае, Талом, Трог, Глеи, Глан и Глези.

— Спроси меня, я искусный медник.

— Ты нам не нужен, есть среди нас уже Кредне.

На сем таланты Луга, видимо, кончились, потому что он утер пот со лба и сказал:

— Спроси короля, есть ли при нем человек, что один искусен во всех этих ремеслах. Если найдется такой, то уйду я от ворот Тары.

Направился привратник в королевские покои и обо всем рассказал королю, назвав пришельца Самилданахом.[5]

— Вот как? — сказал Нуаду. — Может, он и в фидхелл[6] играет?

Расставили перед Самилданахом несколько досок для игры в фидхелл, и на каждой тот выиграл, применив невиданную доселе защиту, названную впоследствии защитой Луга.

Когда же рассказали о том Нуаду, то король велел:

— Пропустите его и окажите ему почет, ибо до сей поры равный ему не приходил к этой крепости.

И когда Луг вошел в крепость, посадили его на место среди мудрецов, ибо он и вправду был сведущ во всяком искусстве.

Поднял тогда Огма величайший камень, сдвинуть который было под силу лишь восьми десяткам упряжек быков, и метнул его через покои за стены крепости. Желал он испытать Луга, но тот зашвырнул его обратно на середину королевского покоя, а потом поднял отколовшийся кусок и приставил к камню, и отошел Огма в сторону, потому что впервые увидел равного себе

в силе.

— Пусть сыграет для нас на арфе, — пожелали люди короля.

Три песни обязан уметь играть называющий себя бардом в Ирландии: сонную песнь, печальную песнь и песнь смеха. Дремотною песнью погрузил Луг пирующих в сон, и проспали они до того же часа назавтра. Грустную песню сыграл им Самилданах, и все стенали и плакали. Песнь смеха сыграл он потом, и все они веселились да радовались.

— Сын Туата и фоморки, — вполголоса сказал Диан Кехт. — Было время, даже я думал, что это должен быть Брес. Очень уж хорошо звучало это — удвоение всяческого приплода.

— Это мог бы быть Брес, — откликнулся Гоибниу. — Но, я думаю, все решил выбор самого Бреса.

— Он твоей крови, Диан Кехт, — сказал Нуаду.

— Не имеет моя кровь никакого влияния на то, кем он стал — это его собственная заслуга.

— Ты понимаешь, о чем я, брат. Я тебе должен.

Диан Кехт промолчал, потому что это было слово короля, а слово короля остается последним. А Нуаду встал и велел Лугу сесть на королевское место, на каменный трон, покрытый резьбой, и добавил, что это не честь, а работа, и он в числе других станет ждать, что Луг придумает, как Туата победить фоморов. И вставал король перед Лугом, как и прочие, еще тринадцать дней, пока не пришел день великой битвы.

* * *

— Что это за туча движется на нас с севера?

— Это войско фоморов.

— А что это за гора, что вершиной пронзает тучу?

— Это сам Великий Балор в окружении двенадцати сыновей. Один глаз у него закрыт, а в опущенное веко пропущен брус, за который его могут открыть четыре могучих воина, когда в нем возникнет нужда, ибо взгляд этого глаза Балора ядовит. Против горсти бойцов не устоять многотысячному войску, глянувшему в этот глаз. Но сам Балор ведет только треть от общего числа воинов. Другую треть ведет Индех Де Домнанн, а третью — Тетра, и все они держат руку Бреса, сына Элатхи. И нет среди них вождя или героя, что не носил бы кольчуги на теле, шлема на голове, тяжелого разящего меча на поясе, крепкого щита на плече, не держал в правой руке могучего звонкого копья. Воистину, биться в тот день с фоморами было, что пробивать головой стену, держать руку в змеином гнезде или подставлять лицо пламени.

— Как же можем мы противиться такому войску, и не ждет ли нас неминуемая погибель вместо победы?

— Шесть раз по тридцать сотен бойцов вышли от Ирландии на поле Маг Туиред. Двенадцать гор Ирландии, двенадцать озер и двенадцать рек клялись нам в верности. Нуаду ведет войско. Гоибниу кует оружие, а Диан Кехт исцеляет раненых. Морриган вьется в небесах, озирая полки, и поет про то, как вышли на бой короли. Друиды и филиды читают заклинания, насылая на врага мор и неотхождение мочи. Жизнь прекрасна!

— Но где же сам Луг Самилданах?

— Луг слишком ценен, чтобы рисковать им в битве, ибо равных ему нет. Девять воинов стерегут его, так приказал Нуаду.

* * *

— Что же это за солнце взошло на западе?

— О, это Луг Самилданах ускользнул от своей охраны и бросился в битву, и колесница его пролагает путь прямо к Великому Балору, деду Луга по матери. В руках Луга волшебное саморазящее копье, тело его покрыто доспехами Мананнана, сына Ллира, каковые доспехи не может пробить никакое оружие. Пророчество гласит, что Балор падет от руки внука. Рык Великого Фомора прокатывается по Маг Туиред как приливная волна.

— Поднимите мне веко! Я хочу видеть этого наглеца!

Четыре воина торопятся, валясь от натуги с ног, но едва только приподнимают они тяжелое веко своему властелину, Луг Самилданах, великий воин, мечет камень в ядовитый глаз, и камень прошибает голову Балору, и выходит насквозь, свершая пророчество, яд выливается наружу, и многие столетья после битвы в месте этом не растет трава.

Перед тем Нуаду пал от руки Балора, и Маха, неистовая в битве. На поле Маг Туиред эпоха отцов сменяется эпохой детей. Огма и Индех оба пали в поединке. Филид Лох Летглас от фоморов просил пощады и получил ее, принеся в качестве откупа песнь вечного мира. Брес, сын Элатхи, самый красивый мужчина в Ирландии, бежит с поля прочь, но разве уйти ему от коней Луга, бывших прежде конями Мананнана, скачущими равно по суше и морю.

И вот он пленен и стоит пред теми, кому ненавистно его правление, и на кого он привел войско, и просит пощадить его жизнь, и готов выкупить ее любой ценой. Никто не пожалеет его, даже жена Бригит, дочь Дагды, ибо в войне, учиненной Бресом, пал сын их Руадан.

– Я могу сделать так, чтобы у коров Ирландии не переводилось молоко!

– Что скажете? — Луг оборачивается к своим людям, к людям Ирландии, потому что после гибели Нуаду нет никого на его место, кроме Луга, и им известно, что Нуаду сам этого хотел.

– Он может наполнить вымя каждой нашей коровы, – соглашаются те. — Но не в его силах сделать коров бессмертными, и за потомство их он тоже не в ответе.

– Я могу сделать так, что земля Ирландии станет родить четырежды в год!

– Нет, не годится. У нас есть весна, чтобы пахать и сеять, лето — чтобы растить урожай, осень — чтобы сжать его, и зима – чтобы съесть. Нам этого достаточно и более не нужно.

– Скажи нам сроки, когда пахать, когда сеять, а когда жать, и тем спасешь свою жизнь.

– Пашите во вторник, – частит Брес, – сейте во вторник и жните тоже во вторник, и закрома ваши будут полны.

– Сойдет, – милостиво решает Луг. — Но ты пойдешь с нами и будешь жить при Таре, потому что я не хотел бы спускать с тебя глаз. Шустрый больно.

Лицо у Бреса делается вдруг спокойным, точно у каменной статуи. Думают, это от того, что он только что избежал неминуемой гибели, но он говорит Лугу:

– Ты все равно меня убьешь.

Это звучит как пророчество, а где пророчество, там поблизости непременно Морриган.

– Здравствуй, король, – говорит она подходя. — Бери и властвуй, но помни, что вечности нет у тебя, и бессмертия нет. Сорок лет…

Сорок лет мира при короле Луге. Жалкий миг против эпохи войн. Время, чтобы оставить свое имя в празднике урожая.

Луг оглядывается и видит поле, заваленное телами. Гарь и вороны. И стоны. Между прочим, он осиротил сегодня свою мать. И теперь это все — его, и по слову его будет. Теперь надобно поспешать, взять замки фоморов, пока защита их слаба, щедро поделить меж воинами добычу, как подобает королю.

– Диан Кехт!

Долговязая фигура в хламиде, бредущая по полю Маг Туиред в облаке распущенных волос, приближается к королю и слегка склоняет голову. Копоть и кровь покрывают лицо Диан Кехта. Что-то странное видится королю в его походке. Ах да. Длинные ноги в сандалиях не переступают через лежащих. Диан Кехт останавливается перед каждым, и следом за ним, как тень, бредет через ратное поле дочь.

— Когда нас всех прогонят те, кто придут следом, — говорит Морриган, которая сейчас просто усталая женщина, — а кого убьют, а кто укроется в холмах или пересечет пролив на востоке и сменит имя… Тебя, Диан Кехт, будут видеть здесь еще столетья. Скажут, что ты стоял против великой чумы и умер от нее, что приходил на разоренные рогатыми северянами земли, что тебя видели, когда ты лечил, а после — учил лечить. Скажут, может, что тебя видели в Испании — извечном прибежище наших беглецов, остриженного и безумного, с копьем Луга скачущим на фоморов…

— Возьми меня с собой в Испанию, Диан Кехт, — это Дагда подошел, волоча за собой палицу, уронил ее и плюхнулся наземь. — Я там за тобой как-нибудь на ослике со своим котелком…

— Осталось только воткнуть неотразимый меч в кричащий камень, да и свалить все это в глубокую воду, — ответил на то Диан Кехт, вытирая лицо. — А там можно и в Испанию и вообще к фоморам на кулички.

— Только не обессудь, если тот, кто опишет это для потомков, окажется одноглаз. Или однорук.

Военврачу не нужна война, но она без него не обходится.

Татьяна Адаменко
Февертонская ведьма

Февертон — одна из тех деревушек, что прячутся в низинах вокруг Оксфорда, и, так как они расположены дальше привычного студентам пешего хода, то для большинства словно и не существуют вовсе. Но я с детства отдавал предпочтение долгим прогулкам. Укрепляя тело, я укреплял и память: повторял утреннюю лекцию в ритме шагов и к вечеру убеждался, что запомнил ее как нельзя лучше.

Но всерьез этой деревушкой, лишенной каких-либо достопримечательностей природы или архитектуры, я заинтересовался только тогда, когда услыхал, как мальчишки в близлежащем Крэнби дразнили грязнулю-девчонку «февертонской ведьмой», — и насторожился, как собака, почуявшая след. С недавних пор я стал собирать истории о ведьмах, призраках, оборотнях и прочих живучих в сельской местности суевериях, надеясь когда-нибудь дойти до их истоков. Пока же я просто пользовался большим успехом в кругу друзей, которым нравилось пугать себя рядом с уютным теплом камина. Признаюсь, что в прежних моих историях подлинная основа была огранена моей фантазией до состояния законченного и цельного произведения искусства.

Однако то, что я собираюсь вам рассказать сейчас, не требует подобной огранки. Вы знаете, что только вымысел обязан быть правдоподобным, а правда в этом не нуждается. Моей задачей было всего лишь сделать свой пересказ максимально точным и подробным. Я сохранил даже некоторые особенности речи, которые строгими педантами могут почитаться как неправильности, но в целом — я уверен — только помогут повести передать сам *дух* и *настроение* этой удивительной истории.

Я отвлекся и слишком далеко зашел в своих отступлениях — вернемся же к началу. Итак, после услышанного я немедленно решил посетить Февертон.

Идти мне пришлось далеко, и, когда я наконец добрался до цели, ноги мои гудели и ныли, башмаки запылились и, после того как я несколько раз споткнулся о камни, являли собой весьма печальное зрелище.

В самой деревушке меня проводили несколькими удивленными взглядами, но, так как студента во мне распознать было нетрудно, большой сенсации я не произвел. Решительным

шагом я направился в пивную, потому что это центр, куда стекаются слухи и сплетни со всей деревни; к тому же моя глотка была изрядно забита дорожной пылью.

Пивная называлась «Гончая»; пока что она пустовала, и хозяин скучал за стойкой. Я попросил пива и перекусить что-нибудь. Отбивная была скверно прожарена, а картошка остыла еще вчера; но местное пиво обладало приятным мягким вкусом, и я смог похвалить его вполне искренне.

Хозяин оценил мою похвалу, и вскоре между нами завязался оживленный разговор. Я назвался собирателем фольклора — и было видно, что хозяину этот зверь не вовсе незнаком. То и дело я ловил на себе его оценивающий взгляд, но он, несмотря на все наводящие вопросы, не спешил рассказать мне про «февертонскую ведьму».

Мы лихо опустошали кружки одну за другой, и, когда я совсем отчаялся услышать от него что-то толковое, он сам задал мне вопрос:

— А что, много историй насобирали?

Я вспомнил четыре своих толстых тетради, исписанные вдоль и поперек, и сдержанно ответил:

— Немало.

— На книжку наберется? — не унимался он.

— Даже на две.

— А зачем вам эти истории собирать?

Я даже растерялся, потому что удовольствие, которое я получал от этого занятия, делало его чем-то само собой разумеющимся. Получается, что подбираясь к истокам суеверий, я не знал про истоки интереса к ним в собственной душе! Ответ мой был довольно жалким:

— Хочу узнать, есть ли в них правда, а если есть, то какая.

— Правда? — мой собеседник долго перекатывал это слово у себя на языке, словно удивлялся непривычному вкусу.

— Есть тут дом на отшибе, он уже почти развалился, — неожиданно начал он. — Когда-то в нем жила вдова Селби. Говорят, что она может выглянуть из окна — совсем такая же, как была при жизни. Открывает рот, словно вопит изо всех сил, но ни звука не слышно. Только страх давит на горло от этого лица. А потом мигнешь — и нет ее, пропала.

— А ночью или днем были такие… явления? — заинтересованно уточнил я.

— Кто ночью, а кто и днем видел, — пожал плечами хозяин. — Говорят, ночью она вся светится бледным пламенем.

— Она сгорела в том доме? — Сюжет был для меня привычный, я встречал его уже в нескольких графствах.

— Не-а, — мой собеседник ехидно усмехнулся. — Говорят, что это адское пламя.

— Адское? — переспросил я. Определенно, от усталости я соображал все хуже и хуже.

— Ну да. Будто бы это ее грешная душа мается в аду.

— Полагаю, она и есть «февертонская ведьма»? — осторожно высказал я догадку.

— Ага, именно она, — кивнул хозяин и осушил еще одну кружку. — Только брехня все это.

— Простите?

— Брехня, говорю. Хотите узнать настоящую историю февертонской ведьмы? Узнать правду?

Я горячо закивал и открыл блокнот.

Эту историю я восстановил по своим заметкам, которые с каждой страницей становились все короче и неразборчивей. Хорошо, что сам рассказ так врезался мне в память, что мои записи были не основным подспорьем, а, так сказать, вспомогательным средством. Вот она от начала и до конца, как я ее помню.

— Это случилось лет пятьдесят назад, так что некоторые старики еще помнят, как Мэри Грин подавала им здесь, в «Гончей», пиво.

А началось все с того, что эта Мэри сперва зачастила на все воскресные службы, а потом вдруг совсем перестала приходить в церковь. Кумушки об этом немало посудачили, и сошлись они на том, что дело тут в помощнике викария Эбрахаме Смите. Самые злоязыкие говорили даже, что он крутил с Мэри, пока не понял, что может жениться на дочке викария, а там дал ей отставку. Не знаю даже, как у них язык поворачивался такое сболтнуть, или, может, они ослепли от забродившей в них желчи: любому разумному человеку достаточно было один раз взглянуть на Эбрахама, чтобы понять — у этого и в мыслях нет крутить с девушками. Был он такой же нескладный, как его имя, тощий, рассеянный, вечно с книгой. И сейчас такой же, только поседел весь и еще рассеянней стал.

Проповеди он тогда не читал, а бубнил, на прихожан глаза поднять боялся, и сам, наверное, ни за что в «Гончую» бы не ходил, не будь тогдашний викарий такой охотник до нашего темного портера.

Мэри-то старалась ему понравиться, это верно: и наклонялась пониже, когда пиво наливала, и всегда словечком-другим цепляла, спрашивала, когда же он от книжек оторвется и начнет на девушек смотреть. А он, кажется, даже не понимал, что она к нему удочки закидывает, только глазами моргал на все ее

шуточки.

Странно, что такая ладная девица, как Мэри, нашла в нем — посвататься к ней было немало охотников, ведь она, говорят, вся была, как спелое яблочко, румяная и чернокосая, а танцевать умела так, что пол под ногами горел. Но разве женщина может умом выбрать? Вот и Мэри прикипела к тому, кто про нее не думал и не догадывался даже о ее чувствах.

Все соглашались, что дочка викария отлично подходит Смиту, она была такая же тощая и серьезная; Смит радовался на свой тихий лад и мирно готовился к свадьбе, а Мэри с каждым днем страдала все сильней. Если бы не исхудала до костей, кумушки бы точно подумали, что от помощника викария ей дитя надуло. Может, так и лучше, чем на самом деле было: они всего-то парой слов обменялись, а Мэри горевала страшно. Причина была бы видна.

Знаете, бывает горе, что гроза — льет стеной, грохочет, и кажется, что дом затопит под самую крышу; а на следующий день снова солнышко, и все лужи под его лучами успели высохнуть. А бывает такое горе, что осенний дождик — серым капля по капле сеется с неба, не уставая, не утихая, и превращает надежную землю в раскисшую грязь, в которой может прорасти только дурман и болиголов.

Так у Мэри душа от любовной тоски, горечи и зависти к счастливой невесте превратилась в болотные хляби, а оттуда, как известно, время от времени на божий свет выползают подлинные чудовища.

И когда она сказала своей единственной подружке Энн, тоже подавальщице в «Гончей», что душу дьяволу готова продать, лишь бы Эбрахам Смит ее был, Энн не на шутку испугалась. Она видела, что Мэри сказала это не в сердцах и не сгоряча, а тихо и спокойно, как давно обдуманное. Сомнения в ней уже не оставалось. Все же Энн попыталась отшутиться:

— Да где ты его найдешь? В нашу глушь даже дьявол не заглядывает.

— А кто тогда к вдове Селби приходил?

— Так… — растерялась Энн. — Вдова ведь уже на кладбище, три дня как похоронили.

— А ты знаешь, что в ее доме видели призрака? Значит, не нашла она себе в могиле покоя. Вот сегодня, на третью ночь, дьявол и придет за ее ведьминой душой. Тогда и поговорю с ним. Торговаться не буду.

— Ты что, совсем ума лишилась? — вскрикнула Энн, и долго еще ее отговаривала, но Мэри только сжала губы и молчала на все ее увещевания. Смотрела пустыми глазами в стену и словно

не слышала. Даже когда Энн заплакала — не шевельнулась.

— Может, она и не ведьма вовсе была, просто наговаривали на нее! — сказала Энн, уже отчаявшись убедить подругу.

— Ты что, смеешься? — вскинулась Мэри. — А Шор, который пошел к ней за средством для своей подружки, а после в монастырь подался? Обет безбрачия дал, это он-то! Сколько за ним плакало и у нас, и в Крэнби, и в Хелфорде с Блэквудом? А Смизерс, который жену заморил своим скряжничеством? К Смизерсу, говорят, она сама пришла поговорить — так после этого разговора Смизерс переехал в Крэнби, выстроил там на все свои деньги часовню с одним только условием — чтоб его похоронили в ней! Так он боялся, что она до него доберется! А волки и прочие твари, которых она в лес ходила лечить?

Тут Энн отступила — по правде, она готова была черное назвать белым, лишь бы Мэри не ходила к той на могилу.

— Ты не можешь пойти со мной? — вдруг сказала ей Мэри, но Энн еще не успела ответить, как Мэри засмеялась и взяла свои слова назад.

И весь вечер в «Гончей» Энн, глядя на Мэри, только и думала о том, как Мэри одна на кладбище пойдет… видела, что та уже все обдумала и не отступит. Слишком уж спокойна та была, и вела себя по-прежнему, как до своей злосчастной любви: улыбалась и отпускала шуточки.

Энн была сирота, на лицо неказистая, и доброты она ни от кого, кроме Мэри, не видела, а оттого привязалась к ней всей душой. (Почему Мэри ее привечала — не знаю, но могу догадаться, что от невзрачной подружки она себе и другим еще краше казалась.) И Энн, хоть и дрожала при мысли о кладбище, решила, что она не пустит туда Мэри одну. К тому же она надеялась, что Мэри, как увидит погост, забудет свои выдумки сумасбродные и вернется домой — или она ее сможет отговорить по дороге.

Когда Энн сказала Мэри, что пойдет вместе с ней, та, понятно, обрадовалась — расцеловала ее, обняла. Но Энн в ее объятиях уже, как камень, была от страха и, когда они выбрались из дома, готова была идти с закрытыми глазами, лишь бы ничего не увидеть. При мысли, что красноглазый дьявол может *посмотреть* на нее, она дрожала, как осиновый лист. Ей казалось, что она умрет от одного этого взгляда.

Мэри, напротив, казалась веселой. Ничто ее не пугало: ни погасшие, слепые окна домов, мимо которых они пробирались, ни ветер, швыряющий им в лицо листья, ни шепот деревьев, ни часовенка с крестом, засеребренным на миг выглянувшей из туч луной. Только один раз она открыла рот по дороге — приказала

Энн замолчать, потому что разобрала в ее шепоте слова молитвы. Энн едва успела увернуться от пощечины.

Похоронили вдову Селби на отшибе, как она и жила, и девушкам пришлось изрядно проплутать среди надгробий, прежде чем они увидели свежую могилу.

— Стой! — схватила Энн Мэри за руку. — Что там?

А над могилой трепетал огонек, больше похожий на звезду, чем на свечу.

— Началось! — довольно сказала Мэри и пошла бы вперед, если бы Энн не держала ее.

— Пусти! — зашипела она и принялась выкручивать той руку, чтобы она разжала пальцы, а Энн тихо повторяла:

— Не надо, Мэри… не надо!

И вдруг обе замерли, вцепившись друг в друга. Огонек на могилой засиял еще ярче, превратился в язык белого чистого пламени… И в ответ ему из земли тоже начал пробиваться свет, только теплый, цвета золота.

Золотой свет сгустился, замерцал… и перед окаменевшими девушками вдруг появилась вдова Селби, совершенно такая, какой она была в жизни. Белый свет тоже переменился: превратился в силуэт, похожий на человеческий, только очень высокий. Казалось, что макушка его где-то в облаках, и черт лица было не разглядеть за этим нестерпимым сиянием. Но вдова Селби тихо рассмеялась и протянула руки ему навстречу.

И тут Мэри в гневе шагнула прямо к ним.

— Стой! Мэри! Стой! — закричала Энн, а сама упала на колени, закрыв глаза, но свет пробивался сквозь веки… больше всего она боялась, что сейчас ослепнет; но вдруг вместо боли почувствовала такое спокойствие, словно ее обняла давно умершая мать. Сердце ее было переполнено, и душа ликовала.

С закрытыми глазами она видела Мэри, как черный силуэт лицом к свету: она бросилась к нему, сжав кулаки, с богохульными воплями.

И вдруг свет погас. Мэри споткнулась, запнулась о край могилы и кубарем покатилась по земле. Энн слышала, как та бьется в судорогах и истошно вопит.

Энн не сразу нашла в себе силы подойти к ней. Только когда та замолчала, Энн, не вставая, подползла к Мэри. Она перевернула ее на спину и ужаснулась: из открытых глаз текла черная кровь, а лицо исказилось воистину ведьминской злобой, так что она была сама на себя не похожа. Мэри была мертва.

Вот и вся история. В Февертоне до сих пор уверены, что они обе видели, как вдову Селби забрал дьявол, и Мэри оттого померла, а Энн покрепче оказалась и смогла заключить сделку.

Лицо Мэри само за себя говорило — оно даже в гробу не разгладилось; а безродную сироту Энн вскоре после этого хозяин «Гончей» взял в жены. Она к тому же и похорошела дивно, хотя никто не мог толком объяснить, в чем эта перемена заключалась. Так что не удивительно, что жители Февертона подумали то, что подумали, и по сей день в этом убеждены. Но вам, господин собиратель, я чистую правду рассказал.

— А почему? — спросил я, боюсь, что не совсем отчетливо.

— Потому что Энн Трэверс была моей бабушкой. И я не раз в драку лез, потому что другие кричали под нашим домом «ведьма»! А если бы моя жена дочку родила, то и ей бы кричали. Слава богу, с тех самых пор в нашем роду одни мальчишки. Но здесь правде никто не поверит, хоть залезь на колокольню и ори оттуда. А вот если вы книгу напишете, где все это черным по белому… Может, изменится что.

Я глубокомысленно кивнул и посчитал нужным предупредить:

— Вряд ли моя книга, даже если она выйдет, будет способна оказать серьезное влияние на сложившееся мнение…

Может быть, выговорил я это не с первой попытки, но хозяин меня понял. Он усмехнулся:

— Да я особливо и не рассчитываю. Просто захотелось хоть кому-то рассказать, как оно по правде было. А дальше делайте с этой историей все, что вам на ум придет.

— С другой стороны, — хмыкнул он, — выручка у меня всегда большая, потому что народу до сих пор любопытно посмотреть на внука той самой Энн… Дьявольщина — что перчинка, с ней и еда сытнее, и пиво слаще. Нравится людям пугаться — так, чтобы чуть-чуть.

Я кивнул еще раз.

Обратная дорога из Февертона показалась мне просто невыносимой, хотя любезный хозяин «Гончей» сделал все, чтобы облегчить мое состояние. Трижды я чуть не потерял блокнот со всеми своими заметками, так как был слишком рассеян, чтобы думать о нем.

Неосмотрительно я отправился в путь сразу после полудня, солнце жгло все мое тело, как на решетке, ноги отзывались на каждый шаг болью во всех волдырях и мозолях, в голове словно перекатывался раскаленный камень.

Временно я решил забыть про свои «пешие» принципы и радостно уселся в кстати подвернувшийся дилижанс, болезненно морщась при каждом ухабе.

Но услышанная вчера история не отпускала меня даже в таком плачевном состоянии. Едва прибыв в свою комнату, я

распахнул окно, чтобы выветрить дым от трубки моего соседа, и сел расшифровывать и записывать рассказ хозяина «Гончей». Я просидел за столом шесть часов кряду и оторвался от работы только тогда, когда эта история была написана до последней строчки.

Но и после того как рассказ о февертонской ведьме в нынешнем его виде присоединился к другим в моих тетрадях, меня продолжало мучить тягостное чувство чего-то незавершенного и незаконченного.

Я довольно долго не мог понять причину своего уныния, пока не почувствовал при взгляде на свои записи одновременно укол совести и непреодолимый импульс к действию.

В тот же вечер я принялся за работу, итогом которой стала эта скромная книга, а «Февертонская ведьма» — первым рассказом в ней.

И я надеюсь, что вы, искушенный читатель, будете еще и снисходительны. Я искренне считаю, что мною руководило не тщеславие или, вернее, не только тщеславие, когда я, дрожа, нес свою рукопись в издательство. Главным для меня было рассказать подлинную историю февертонской ведьмы — и теперь, любезный читатель, вы ее знаете.

А я больше не смею испытывать ваше терпение и откланиваюсь.

Станислав Лем
Черное и белое

Перевел с польского с рукописи Виктор Язневич

I

Огромный двор, с четырех сторон ограниченный рядами колонн. В целом представляет собой вытянутый прямоугольник. Выложен плитами из белого с небольшими прожилками мрамора. Такие же белые колонны портиков. За колоннами мрачные сводчатые галереи, темные от контраста с этим закрытым пространством, полным неподвижного солнечного блеска. Вдали, там, где колонны образуют короткую стену двора, между ними на мраморном постаменте виднеется простой алтарь, тоже весь из белого мрамора. Пусто. Издалека доносится слабый звон колокола, продолжающий ослабевать, так как в колокол уже перестали бить, а продолжает звучать он за счет затухающего раскачивания. В тени одной из колонн, возвышающейся с левой стороны двора, кто-то стоит. Нечеткая темная фигура, прячущаяся за колонной. С правой стороны выходит белая фигура в белой одежде с белой пелериной, в круглой шапочке. Лица не видно, потому что она медленно направляется к маленькому алтарю. Там опускается на колени и склоняет голову. Человек в папском белом одеянии высокорослый, широкоплечий, слегка сутулится, но еще полон сил. Стоит на коленях и молится, а солнце перемещается по небу, и поэтому тени, отбрасываемые правой стороной колоннады, удлиняются. Отблески, бегущие от мраморных плит двора, начинают достигать места, где в темноте стоит человек. Лица нельзя разглядеть, потому что его скрывает черный капюшон. Так же черна его одежда, которая напоминает не монашескую рясу, а скорее просторную одежду, которую носят на Востоке. Черный человек пошевелился, все еще продолжая стоять за белой колонной, и достал из-под одежды что-то, что моментами поблескивает металлом, тоже черным, как и он сам. Скрываясь за колонной, он высовывается из ее тени. Левой ладонью поддерживает свое правое плечо, в правой же руке, согнутой в локте, держит тяжелый револьвер и прицеливается в стоящего на коленях. Опускает руку с оружием, заходит за колонну и исчезает. Появляется на несколько колонн дальше, а вместе с тем ближе к молящемуся на коленах. Еще раз исчезает, как бы не считая расстояние достаточно близким для уверенного выстрела. Он снова появляется в десятке шагов от человека в белом и вдруг становится в позу профессионального стрелка из короткоствольного оружия: расставив согнутые ноги и вытянув руку. Раздается выстрел, после чего сразу же второй, третий и четвертый. На белый мрамор падают выбрасываемые в сторону гильзы использованных патронов. Пораженный белый человек

вздрогнул, сделал небольшое движение, как будто бы хотел резко подняться, но сразу же опускается перед алтарем, его ноги сползают с мраморной подставки, он падает лицом вниз, правая рука придавливается телом, левая вздрагивает, а на белой одежде, посередине спины, немного ближе к левой стороне, там, где сердце, выступает и быстро растет красное пятно крови. Белый, лежа лицом на мраморе, без сомнения, умирает. Черный молниеносно осматривается. Видно, что капюшон закрывает ему и лицо, только глаза блестят через вырезанные в материале отверстия. Мелкими шагами подбегает к лежащему, трогает его тело ногой, на мгновение задумывается, затем поднимает оружие и добивает умирающего еще одним выстрелом. Отступает в сторону левой галереи, продолжая смотреть на убитого, на большое кровавое пятно, которое появилось рядом с первым на спине, и исчезает в темноте за колоннадой. Крупным планом показывают убитого. Он вздрогнул последний раз. Его правая ладонь слегка высунулась из-под груди. На ней блестит золотой перстень. По мраморным ступеням стекают капли крови. Слышны далекие шум, крик, топот многочисленных бегущих ног. Но никого не видно. Совершенно пусто.

II

Те же декорации. Белый пустой двор. Ранний рассвет, чистое небо, солнце не достигает еще мраморной поверхности двора. Оно золотит только шпили и портики колоннады с правой стороны. Вдали слышен колокол, созывающий на утреннюю мессу. Длинным строем из галереи выходят семинаристы. Пересекают двор и исчезают на противоположной стороне. Через минуту с этой же стороны выходит Папа. Он один. Та же крупная, широкая в плечах фигура. Он идет медленно, с неким трудом. Приближается к небольшому алтарю и опускается на колени на мраморные ступени.

Вдруг эта картина сильно уменьшается. Сейчас она видна в бинокль. Со значительной высоты видно всю колоннаду, ее правильный четырехугольник, поодаль башню часовни, вокруг сочную зелень садов, в которой регулярно поблескивают струи воды, испускаемые поворачивающимися разбрызгивателями.

Это вид с вершины лысой горы, возвышающейся над городом. Отсюда обозревается огромная городская панорама. Вершина сожжена солнцем, покрыта высохшей, колючей растительностью. Тяжелый, черный бинокль покоится на валуне. Смотрящий через него лежит, плотно прижавшись к земле со слегка раздвинутыми ногами в типичной позе военного, даже стопы у него обращены пальцами наружу, как если бы он был под обстрелом. Протирает замшей стекла бинокля. Он смотрит раз еще, в поле зрения бинокля виднеются тонкие перекрещивающиеся риски, какие обычно есть в полевом артиллерийском бинокле. Этот крест он наводит на белую спину стоящего на коленах, на его шевелящуюся в легких дуновениях ветра белую пелерину. Смотрящий медленно поднимается на прямые ноги. Его внезапно охватывает бешенство. Он изо всей силы ударяет биноклем по валуну, за которым лежал. Брызгают стекла линз. Остыв, он опускается на колени и, одетый в черное так же, как тогда, когда стрелял в Папу, тщательно собирает стеклянные осколки. Он прячет их в маленький черный мешок, который достал из-под черной одежды. Начинает спускаться с вершины. Узкая тропинка бежит зигзагом вниз. В расщелине скалы почти полностью темно. Там есть небольшая пещера. Черный входит в нее, низко наклоняясь под нависающей скалой. Через некоторое время он появляется. Несет черный скрипичный футляр. Исчезает за поворотом дороги.

III

Сады, фонтаны и живые изгороди. По аллее медленно идет Папа, но он уже не двигается с трудом. Возле него молодой семинарист. Папа что-то говорит ему, и тот, кивнув головой, уходит. Папа, оставшись один, с легкой улыбкой на лице идет между двумя стенами из живой изгороди. В нескольких шагах за ним черный человек высовывается из зеленой чащи листьев. Обеими руками низко держит автомат. Когда оттягивает затвор, на звук этого скрежета металла о металл Папа останавливается и поворачивается к нему. Никакого страха, только удивление в глазах. Белая фигура поднимает правую руку, как будто бы хотела перекрестить. Автомат, дергаясь, стреляет. Очередь наискось от правого плеча до левого бедра пересекает белую одежду, Папа падает сначала на колени, потом на бок, лицом обращенный к небу. Он застывает в этой позе. Его еще приподнятая правая рука с золотым перстнем на пальце опускается в песок. Черный подходит к убитому. Толкает его ногой. Прицеливается в лицо и стреляет раз еще. Струей бьет кровь. Черный молниеносно бросается в живую изгородь по левой стороне аллеи, по движению насаждений видно, как он продирается на другую сторону. Слышен неясный шум, какие-то возгласы. Черный на другой стороне живой изгороди лихорадочно сдирает с себя свою черную одежду, автомат уже разместился в скрипичном футляре. Его видно со спины. Нейтральная одежда, обычная, не слишком светлая, не слишком темная. Он уходит и исчезает из поля зрения. Бьют колокола. Слышны сирены. Опускается темнота.

IV

Вечер. Земля темнеет, но небо еще очень светлое. По длинной аллее вдоль старых деревьев одиноко идет Папа. Поочередно его фигура то исчезает в тени этих деревьев, то снова появляется на свету, нисходящему сверху. За ним, быстрее, чтобы его догнать, почти что бежит тот. Видно Папу и этого человека сзади. Папа идет ровно, неспешно, руки соединены за спиной. На убийце уже нет просторной черной одежды, он одет, как пастор. Немодный черный мужской костюм, черные туфли, черные носки, на руках темные перчатки. В руке держит достаточно большой рулон свернутой бумаги. Возможно, услышав его шаги, Папа останавливается. Тот тоже останавливается, потом, склоняя из уважения голову, приближается к Папе. Как бы ожидая благословения. Папа с доброжелательной улыбкой поднимает правую ладонь с кольцом, а когда начинает осенять крестом, тот с длинным ножом, вынутым из рулона, подскакивает к нему, левой рукой хватает за край развевающейся белой пелерины, а правой ударяет в грудь. Хлещет кровь. Изумление, ничего более, только сильное изумление на лице убиваемого. Приоткрывает рот, но не подает голоса. Медленно опускается, тот поддерживает его левой рукой и продолжает наносить удары ножом. Белая одежда вся залита кровью. Тело убиваемого обмякает. Убийца, запыхавшийся, дрожащий, вытирает свое орудие о еще не окровавленный край папской рясы. Папа, лежа на боку, начинает приподнимать правую руку кистью вверх, как бы повторяя жест, которым обычно делают знак креста в воздухе. Тогда убийца падает на колени и раз за разом начинает колоть лежащего, вслепую, бессчетное количество раз. Его бешенство поражает. Он убивает, убивает, и все еще не полностью уверен, действительно ли уже неотвратимо убил. Медленно поднимается с коленей. Стало темнее. Папа виднеется белым пятном, лежа на песке аллеи, под большим ветвистым деревом. Теперь в полумраке кровь его кажется почти черной. Тот тяжело дышит, вытирает нож о траву, потом опять о папское одеяние. Тянет труп за ногу. За вторую. Бородатый, но борода кажется приклеенной. На шее у него колоратка. Уверенный, что убил наверняка, он дышит все спокойнее, с облегчением. Начинает удаляться. Однако неожиданно его взгляд останавливается на торчащем из земли покрашенном известью так называемом милевом камне. Он начинает с ним возиться, пытаясь вытащить из глины. Видно, что он прилагает огромные усилия. Наконец камень, наполовину обросший мхом, удается вырвать из земли. Подняв его обеими

руками, он бежит к убитому, поднимает камень и со всей силы бросает его в голову Папе. Видно это с места, где находился камень. Папа лежит с размозженной головой. Фальшивый священник стоит над ним некоторое время в густеющих сумерках. Потом отходит, но через каждые несколько шагов приостанавливается и смотрит в сторону трупа. Когда он находится уже у самого конца аллеи, ему кажется, что труп вздрогнул. Он каменеет, смотрит, но не имеет мужества вернуться. Далекое белое пятно слегка шевелится. Убийца начинает убегать. Далеко, очень далеко бьют колокола. Наступает полная темнота.

V

На вершине лысой горы снова одетый в свою черную одежду убийца смотрит через бинокль вниз, туда, где в восходящем солнце белеет прямоугольник мраморной колоннады. Колокол бьет, но двор остается пустым. Радость на лице наблюдающего. Там, внизу, появляются темные сутаны, идут длинным рядом, но нигде нет белой фигуры.

Слышен шелест шагов. С противоположной стороны на вершину лысой горы поднимается Папа. Бинокль выпадает у черного из рук. Он вскакивает с коленей, его приклеенная борода отделяется от лица. Папа, добродушно улыбаясь, распростирает обе руки и медленно направляется к нему, как будто бы хочет его обнять. Черный отступает. Папа делает незначительное движение руками, как бы этим жестом давая понять: «ничего не случилось, не беспокойся, все прощено и забыто». Черный отступает назад, чем отчетливее доброжелательность проявляется в движениях медленно идущего к нему Папы, тем большим, сводящим с ума становится страх убийцы. Он выхватывает из-под черной одежды револьвер, нажимает на спусковой крючок, но слышен только стук ударяющего бойка. Бросает оружие и отступает на самый край обрыва. Безграничная доброжелательность светится на лице Папы. Останавливается, снимает круглую шапочку, обнажая седую голову. Смотрит на черную фигуру над пропастью, неподвижную, как статуя. Папа продолжает двигаться к черному. Слегка спотыкается о брошенный черный мешок, из которого выглядывает автомат. Из мешка, тронутого стопой Папы, выпадает блестящий на солнце нож. Папа усмехается, словно взрослый, увидевший невинные, смешные игрушки ребенка, и, обходя большой плоский валун, на котором лежит бинокль, приближается в застывшему на фоне неба. Пораженный этой невообразимой добротой черный теряет равновесие. Несколько мгновений он выполняет резкие, безумные движения руками, но ноги скользят по высохшей траве, смешанной с известковой крошкой, и он падает вниз. Он рухнул у входа в ту небольшую пещеру, где был раньше. Лежит, как упал, лицом в землю, с необычно повернутой головой, капюшон сдвинулся на шею, открывая его спутанные черные волосы, левая рука покоится на песке, правая придавлена телом при падении, поэтому он покоится почти в таком же положении, как лежал Папа, когда был убит в первый раз. Тропинкой среди зарослей, зигзагами ведущей вниз, спускается Папа. Еще достаточно далеко. Он двигается уже не с достоинством священника, а почти бежит, спеша на помощь.

Широко распростертая, черная одежда, укрывающая убийцу, начинает белеть. Становится все более светлой. Волосы на мертвой голове начинают седеть. Наконец он становится белым, как снег, таким же, как папское одеяние.

Вена, октябрь 1983.

© *Stanisiaw Lem. Czarne i biaie, 1983.*

© *Язневич В.И. Перевод с рукописи, 2011*

Павел Околовский
Станислава Лема теология дьявола

Рукопись «Черного и белого» датирована как «Вена, октябрь 1983». Начнем с обстоятельств появления этого рассказа. 13 мая 1981 г. в Риме произошло покушение на жизнь Папы Римского Иоанна Павла II — три пули прошили его тело, из-за чего он едва не погиб. Вскоре через «Радио Ватикан» Папа «искренне» «простил» своего палача; закулисье этого преступления так и не было раскрыто. Год спустя произошло новое покушение (12 мая 1982 г. в Португалии он был ранен священником, вооруженным ножом). В июне 1983 г. состоялось второе паломничество Папы на родину, растоптанную военным положением (с 13 декабря 1981 г. много тысяч людей было арестовано, десятки были убиты ради подавления духа свободы в народе). В Кракове тогда Кароль Войтыла произнес запоминающиеся слова из псалтиря: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною» (Пс. 22:4). В декабре того же года, когда рассказ уже был написан, Папа посетил покушавшегося на его жизнь Али Агджу в тюрьме, повторив слова прощения. 19 октября следующего года на берегах Вислы было совершено убийство священника Ежи Попелушко, что Лем — можно сказать — литературно предсказал. Последовательность упомянутых событий, их отличительная особенность — насилие — идеально соответствуют повествованию в «Черном и белом». Станислав Лем был тогда (1982–1988 гг.) в эмиграции, сначала в Западном Берлине, а затем вместе с семьей в Вене. И хотя в ноябре 1982 г. умер агрессивный Леонид Брежнев, после его смерти противостояние между США и СССР продолжало быть чрезвычайным — по оценке Лема почти манихейским[7]. Большой стала политическая и патриотическая ангажированность польского писателя, обычно считавшегося мизантропом. Он отправлял свои тексты в парижский польскоязычный ежемесячник «Культура», а его душевное состояние было сродни духу Великой эмиграции 1830-х годов, которая выдала величайшие произведения польского романтизма (Адам Мицкевич, Фредерик Шопен). Стоит также отметить, что в это время в полной мере у Лема проявился интерес к теории зла, о чем свидетельствует хотя бы «Провокация», опубликованная в Польше в 1980 г.[8] и его беседы на эту тему со Станиславом Бересем, проходившие в первые месяцы военного положения, а в книжном виде изданные в Польше в 1987 г.[9].

Рассказ «Черное и белое» был опубликован (впервые и до сих пор единственный раз) в 1984 г. в Германии в составе сборника фантастических рассказов «Добро пожаловать в обезьянник»[10]. Мнение (в связи с неопубликованием рассказа в Польше), что это произведение Лема представляет собой незавершенный черновик или недоработанный сценарий, является необоснованным. Станислав Лем — что видно по его достижениям и известно из его биографии — никогда не отдал бы незавершенный текст редактору, тем более немецкому, не разместил бы такой текст вместе с работами таких авторов, как Воннегут и Мрожек. Поэтому следует трактовать это произведение как завершенное, целостное и осознанно представленное миру. Без сомнения, появилось оно по зову сердца и имеет очень эмоциональный характер. Автор, повествуя, был глубоко тронут покушениями на главу Католической церкви — тем более что с Каролем Войтылой он был знаком лично и испытывал к нему большое уважение, считая — вместе с Юзефом Пилсудским и Чеславом Милошем — величайшим поляком XX века.

Рассказ состоит из пяти сцен, изображающих убийцу вместе со своей жертвой. Рассказ фантастический, ибо невозможный в действительности, и представляет собой описание трех удавшихся покушений на одну и ту же персону. Остальное, хотя и вымышлено, до боли реалистично, и подчеркивают это «кинематографические» псевдо-ремарки. Тематика и символика рассказа в основном читаемы: речь в нем о сосуществовании нравственного добра и зла, о их таинственной диалектике. (Физические добро и зло — «созидание и разрушение» — это отдельный вопрос, часто обсуждаемый в эссеистике Станислава Лема.) При помощи света и тени в описании сцен автор сразу же направляет читателя на соответствующий ход мысли. А фоном событий является поставленная стоиками и ими же впервые характерным способом решенная проблема теодицеи[11] и связанной с ней привативной концепции зла[12] — родом из св. Августина. Совершенный Бог допускает зло, потому что оно служит гармонии мира, и поэтому в конечном итоге служит также добру; зло по своей сути является отсутствием добра — как тень отсутствием света. Вся материя представленных в тексте Лема событий в прах разбивает эту теорию древних. Зло у Лема лежит в первооснове, является бытием более ощутимым, чем каменные колонны, ибо активным и бессмертным, — как все возрождающееся личное намерение причинения вреда. Имея совесть, невозможно понять, как действия «черного» могут быть оправданы.

Обращает на себя внимание однозначность этого текста: зло в

нем есть злом и ничем иным, никаким не заменителем, сведенным к обыденным вещам, — таким, как эгоизм, глупость или болезнь. В рассказе отсутствуют организаторы убийства, то есть заказчиком является сам исполнитель. Его мотивы поэтому кристально чисты, хотя и черные. Нравственное зло, а именно о нем речь, — это что-то изначальное и бескорыстное. Беллетристика Лема в этом вопросе вписывается в традиционное направление рациональной теологии или шире — метафизику всякого разумного существования (топозофию, как ее определяет Лем в своем «Големе XIV»[13]). Покровительствуют ему св. Августин в своем «О граде Божием» и св. Ансельм, который в трактате «О падении диавола» на вопрос: почему падет злой ангел? — отвечает: исключительно потому, что хочет этого. Покровительствует Лему, конечно, и Достоевский. Лем показывает, чем является бескорыстное зло в человеческом исполнении, как действует в нас дьявольство — одинаковое в Катыни, Треблинке или Камбодже Пол Пота. В светском смысле можно сказать, что он представляет теологию дьявола.

Зло, по мнению Лема, интеллектуально: разумно, хитро, предусмотрительно, скрупулезно; и что еще более важно, оно имеет характер: терпеливо, настойчиво, упорно, и даже героично (четыре последовательных покушения). Вторая попытка убийства не состоялась, вероятно, из-за чрезмерного расстояния до цели. Символический крест в бинокле (который можно воспринимать как молчаливый взгляд Бога) только поддерживает усилия «черного». Прежде всего потому, что зло ненавидит добро: удовлетворяется сведением его на нет (триумфальный камень, разбивающий голову, лежит вне какого-либо интереса) и не столько боится его, сколько противится (последняя сцена). Для дьявольской гордости прощение оскорбительно.

В «Черном и белом» Папа воплощает в себе высшее добро. Смысл деятельности Церкви, во главе которой он стоит, заключается, как известно, в приближении Царствия Божиего, то есть в попытках спасти как можно большее количество людей. Это, возможно, мало что значит в мире насилия, подшитого инстинктами и идеологией. Папское прощение, за которым стоит как институциональный, так и личный авторитет, по своей сути адресовано не «черному». Не говорят ведь с ДНК. Это жест, направленный сообществу — тем, у кого есть шанс измениться. Церковь, вместе с эсхатологическим[14] услужением, противостоит нравственному злу. В противном случае она теряет свое достоинство. Видно, как близко Лему сотериологическое[15] учение в духе «Книги Псалмов».

Неизбежно возникает желание философского истолкования

текста. Проблема может заключаться в самом его окончании. Побежденный дьявол там «белеет», но ничего в жизни и творчестве автора не говорит в пользу того, что зло должно быть прощено (например, принципиальное, в духе Канта, допущение Лемом смертной казни!). И здесь не апокастаз[16] вступает в игру, хотя ересь Оригена[17] сегодня очень модна, даже в Церкви. Ключом к разгадке последних четырех предложений может быть сцена преображения Иисуса на горе Фавор, описанная в Евангелиях. Там имело место откровение Иисуса в своем божеском обличии как сына Божьего, раскрытие тайны перед учениками Петром, Иаковом и Иоанном. Читаем: «И преобразился перед ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как снег» (Мф. 17,1–2). Доротея Форстнер в книге «Мир христианской символики» (Инсбрук, 1959) пишет, что «белый» — это среди прочего цвет поклонения, а также победы и вечной славы Божией (например, белые одежды ангелов). У Лема таким образом представлена тайна теодицеи (которую, по его мнению, рационально невозможно объяснить). То, что зло после своего поражения «становится белым», означает лишь, что оно всегда было включено в планы Бога. Говоря по-светски: по каким-то причинам мир является именно таким, с вросшими друг в друга добром и злом. Поэтому неизбежна вечная борьба между ними, без которой мир не будет иметь смысла.

Рассказ «Черное и белое» крайне важен для понимания личности и творчества Станислава Лема. Дополнительную ценность он приобретает после мая 2011 года в свете беатификации Иоанна Павла II и убийства Усамы бен Ладена.

Перевел с польского Виктор Язневич

Эдвард Бенсон
Сеанс мистера Тилли

Когда мистер Тилли, резвой трусцой пересекавший площадь Гайд-парк-корнер, поскользнулся и упал на скользкой торцовой мостовой, то увидел над собой массивные рифленые колеса огромного парового трактора. Времени на раздумья у него не оставалось, он только и успел раздраженно воскликнуть:

— О Господи! Эта махина наверняка раздавит меня в лепешку, и я не сумею попасть на сеанс к миссис Камбербатч! Какая досада! А-а-у-у!..

Едва эти слова слетели у него с языка, как его ужасные опасения, похоже, оправдались. Грузные колеса прокатились по нему от головы до ног и буквально размазали по мостовой. После этого водитель, с большим опозданием включив задний ход, проехался по нему еще раз и только потом, совершенно потеряв голову, подал громкий сигнал и остановил трактор. Стоявший на перекрестке постовой при виде катастрофы чуть не упал в обморок, но быстро взял себя в руки, перекрыл движение и бросился посмотреть, что еще можно сделать. Однако с мистером Тилли было покончено так радикально, что полицейскому оставалось только хотя бы немного привести в чувство водителя.

Вскоре прибыл вызванный из больницы санитарный автомобиль, и останки мистера Тилли с величайшим трудом отскребли от дороги, куда трактор их практически впечатал, и с подобающим уважением доставили в морг.

А что же сам мистер Тилли? Вначале, когда ему на голову наехало колесо, он почувствовал нестерпимую боль, как при невралгии. Однако боль тут же ушла, и он, все еще ошеломленный, понял: он то ли парит, то ли стоит (не сумел толком разобраться) прямо посреди дороги. Он ни на секунду не терял сознания, прекрасно помнил, как поскользнулся, и очень удивился, что остался цел и невредим. Наблюдая за тем, как полицейский с белым как мел лицом останавливает транспортный поток и делает внушение бормочущему что-то несвязное водителю, он вдруг испытал забавное ощущение полного единства с двигателем трактора. Он спокойно воспринимал раскаленные угли, кипящую воду и железные стенки с заклепками, и никакого неудобства ни жар, ни пламя, ни теснота и скованность ему не доставляли. Напротив, он никогда еще не был таким довольным, жизнерадостным и свободным.

Потом двигатель запыхтел, колеса сдвинулись с места, и

мистер Тилли, к своему величайшему изумлению, разглядел собственные сплющенные останки, лежавшие на мостовой. Он распознал их со всей определенностью по новому костюму, который надел впервые сегодня утром, и одной уцелевшей лакированной туфле.

— Черт побери, что же все-таки приключилось? — произнес он. — Вот он я, а вон там — жалкие, похожие на раздавленный цветок, мои руки-ноги… И это тоже я. А как ужасно расстроен водитель! Что ж, придется поверить, что меня переехали… Сперва было очень плохо, но сейчас я могу все это обдумать… Послушайте, любезный, куда вы прете? Вы что, не видите меня?

Эти вопросы он задал полицейскому, который, похоже, намеревался пройти прямо сквозь него. Но тот никак не отреагировал и уверенно проследовал на другую сторону площади. Было совершенно очевидно, что страж порядка не видит его или, по крайней мере, не обращает на него внимания.

Мистер Тилли все еще чувствовал растерянность в этих необычных обстоятельствах, но в его голове постепенно зарождалось понимание того, что было уже вполне очевидно для любопытной, но не навязчивой толпы, сгрудившейся вокруг его тела. Мужчины обнажили головы, женщины плакали и отводили глаза, однако вновь и вновь принимались разглядывать его останки.

— Похоже, я и в самом деле умер, — сказал мистер Тилли. — Все факты свидетельствуют в пользу такой гипотезы… Но все же, прежде чем что-то предпринять, я должен в этом убедиться наверняка. Ага! Вот и санитарная машина подъехала. Они меня разглядывают… Должно быть, я ужасно перемолот, хотя никаких неприятных ощущений не испытываю. А ведь, если я пострадал, то должен это чувствовать… Нет, все-таки я умер…

Действительно, ничего другого с ним не могло произойти, но все равно это пока не помещалось у него в голове. В толпе образовался проход для носильщиков, и он почувствовал, что его охватила дрожь, когда они начали соскребать его с дороги.

— Поосторожнее! — простонал он. — Это что там торчит? Седалищный нерв, что ли? А-а-о-у!.. А впрочем, совсем не больно. Вот только мой новый костюм! Я ведь сегодня надел его впервые. Вот невезение! Да они еще и ногу мне задрали. Теперь наверняка все деньги разлетятся из кармана… А это мой билет на сеанс. Мне он нужен, я все же хотел бы туда попасть…

Он выдернул листок из пальцев поднявшего его человека, к изумлению которого билет внезапно исчез. Выражение его лица позабавило мистера Тилли. Кроме того, это дало ему новую пищу для размышлений, и он попытался связать воедино полученные

факты. «Вот он, билет, у меня, — подумал он. — Значит, едва я прикоснулся к листку, он стал невидимым. Я сам невидим (разумеется, для обычных органов чувств), и все, что я беру, тоже становится невидимым. Как интересно! Так вот откуда во время сеанса появляются разные мелкие предметы! Их держит дух, и пока он их держит, они невидимы. Потом он выпускает их — и вот вам, пожалуйста, цветок или фотография на столе! Точно так же мелкие предметы могут и пропадать. Их забирает дух, хотя зубоскалы и утверждают, что медиум прячет их где-то на себе. Правда, при осмотре иногда так и оказывается, но вполне возможно, что дух просто так шутит… Ну и что мне теперь делать? Посмотрим-ка на часы. Ровно половина одиннадцатого. Все произошло за несколько минут, потому что из дому я вышел в четверть одиннадцатого… Итак, сейчас пол-одиннадцатого. А если разобраться, что это означает? Когда-то я это знал, но сейчас мне это кажется чепухой. Одиннадцать — чего? Часов, не так ли? А что такое час?..»

Это его озадачило. Он чувствовал, что когда-то ему было понятно значение часа и минуты, но теперь, когда он так неожиданно сменил время и пространство на вечность, это понимание исчезло. Концепция времени, как что-то забытое, таилась у него в каких-то дальних закоулках мозга и отказывалась вынырнуть из подсознания, только посмеиваясь над тщетными попытками хозяина выковырять ее оттуда. Пока он занимался ее поисками в своей голове, оказалось, что пространство, как и время, тоже осталось для него в прошлом. Он вдруг обнаружил, что его приятельница мисс Ида Соулсби, которая, как ему было известно, тоже должна присутствовать на том сеансе, куда он направлялся, торопливыми птичьими шажками двигается по тротуару напротив. На мгновение забыв, что он теперь бесплотный дух, мистер Тилли загорелся сильным желанием догнать ее. В прошлом, когда он еще был человеком, ему пришлось бы проделать это с помощью ног. Теперь же он обнаружил, что одного только желания хватило, чтобы оказаться рядом с ней.

— Дорогая мисс Соулсби, — произнес он, — я как раз направлялся к дому миссис Камбербатч, когда меня сбили с ног и прикончили. И ничего особо неприятного я не почувствовал, кроме быстро прошедшей головной боли…

Произнося все эти вполне естественные слова, он вспомнил, что для всех пока еще облаченных в грязную стареющую плоть, остается невидимым и неслышимым, и оборвал свой монолог на полуслове. Конечно, его речь не достигла довольно больших, интеллигентных на вид ушей мисс Соулсби, однако, похоже,

каким-то шестым чувством она все же ощутила его присутствие, потому что внезапно вздрогнула, покрылась легким румянцем и еле слышно прошептала:

— Как странно! Почему-то мне так живо вспомнился дорогой Тедди…

Это приятно поразило мистера Тилли. Он уже довольно долго обожал эту леди, и вот теперь она в своем кажущемся одиночестве называла его «дорогим Тедди». На мгновение он даже пожалел, что его убили. Как было бы хорошо узнать это раньше и, наслаждаясь благоухающими цветами флирта, последовать туда, куда это, по-видимому, и должно было привести. Намерения у него, разумеется, как и всегда, были исключительно благородные: путь наслаждения должен был, с ее согласия, привести их обоих к алтарю, а аромат цветов смениться вкусом райского яблока. Но сожаление быстро ушло; конечно, алтарь теперь казался нереальным, но путь наслаждений по-прежнему оставался открытым, поскольку многие из спиритов, в кругу которых он вращался, сохраняли нежные отношения с теми своими наставниками и друзьями, кто, как и он сам, покинул этот мир. Когда он был еще человеком, такие невинные и возвышенные романы представлялись ему пресными. Но теперь, глядя на них с другой стороны, он понимал, что они поистине очаровательны, потому что позволяют ощущать свою причастность к тому миру, которого он лишился.

Он сжал руку мисс Иды (или, скорее, представил, что это делает) и, как ему показалось, даже почувствовал в какой-то степени тепло и упругость ее ладони. Это было радостно, потому что давало надежду на то, что он, хоть и лишился материальной оболочки, все еще способен соприкасаться с материей. Еще более приятно было увидеть, что, когда он таким образом дал знать о своем присутствии, по очаровательному личику мисс Иды скользнула едва приметная довольная улыбка. Возможно, она просто улыбнулась своим собственным мыслям, но все-таки причиной этих мыслей стал именно он.

Поощренный этим, он решился на чуть более интимный знак выражения своих чувств и позволил себе почтительный поцелуй, но тут же увидел, что зашел слишком далеко. Мисс Ида сказала себе: «Успокойся!» — и ускорила шаг, как бы стараясь поскорее оставить позади соблазнительные мысли.

Мистер Тилли понял, что понемногу приспосабливается к тем новым обстоятельствам, в которых ему приходится теперь существовать, или, по крайней мере, получает о них какое-то представление. Время, как и пространство, перестали для него существовать, но, пожелав приблизиться к мисс Иде, он тут же

очутился рядом с нею. Решив проверить эти новые возможности, он пожелал оказаться в своей квартире. Окружающая обстановка стремительно, как в кино, переменилась, и он обнаружил себя дома, где убедился, что известие о его смерти уже дошло до прислуги, и взволнованные повариха и горничная возбужденно обсуждают это событие.

— Бедняжка, — говорила повариха. — Какое несчастье! Он был настоящий джентльмен, мухи не обидел, а тут на тебе — эта громадина попросту давит его. Надеюсь, из больницы его отправят сразу на кладбище, я не вынесу, если в доме появится покойник.

Рослая и крепкая горничная погладила ее по голове.

— Ну, не знаю, — заметила она. — Может, для него так даже лучше. Он же все время с духами водился, всякие там стуки да грюки, аж порой страх меня брал, когда я в столовой подавала ужин. А теперь он там, наверно, как у себя дома и встречается с другими малахольными. Но мне его, бедняжку, все равно жалко. Такого безобидного джентльмена я еще никогда не встречала. Всегда такой любезный, да и жалованье платил день в день.

Эти жалостливые причитания и славословия как громом поразили мистера Тилли. Он-то воображал, что его вышколенная прислуга относится к нему с должным почтением, как к некоему полубогу, и роль бедняжки-джентльмена его совсем не устраивала. Так что это открытие, хотя оно, казалось бы, уже не имело ни малейшего значения, уязвило его до глубины души.

— Таких оскорблений я еще никогда не слышал, — еще не совсем отринув земные узы, во всеуслышание произнес (или подумал?) он. И с изумлением понял, что они совершенно не замечают его присутствия. Он возвысил голос и, прибавив как можно больше сарказма, обратился к поварихе:

— Вы бы лучше покритиковали не меня, а свои кастрюли! Они бы наверняка отнеслись к вашим словам с пониманием. Что же касается организации моих похорон, то я уже позаботился об этом в своем завещании и не желаю выслушивать ваши предложения. А сейчас…

— О Господи! — воскликнула миссис Инглис. — Клянусь, я только что слышала, как он, бедняжка, что-то сказал. Голос такой хриплый, как будто у него кашель. Пойду-ка нацеплю на шляпку черный бант, а то скоро сюда набегут его стряпчие и всякий прочий люд.

Мистеру Тилли это не понравилось. Ему все еще казалось, что он жив-здоров, и отношение к нему прислуги как к мертвому, да еще после того, что они о нем наговорили, показалось очень обидным. Желая недвусмысленно дать знать о своем присутствии

и способности действовать, он раздраженно ударил ладонью по обеденному столу, с которого еще не убрали посуду после завтрака. Он трижды хватил по столешнице изо всех сил и с великой радостью увидел, как испуганно вздрогнула горничная. Зато миссис Инглис даже бровью не повела.

— Слышь, вроде кто-то постучался… — сказала мисс Тэлтон. — Откуда бы это?

— Глупости! Это у тебя от нервов, — возразила миссис Инглис, подцепив на вилку последний ломтик бекона и отправив его в свой широкий рот.

Мистер Тилли, довольный тем, что ему удалось хоть как-то подействовать на этих туповатых женщин, крикнул уже во все горло:

— Тэлтон!

— Ой, что это? — тут же откликнулась горничная. — Ей-богу, я слышу его голос! А вы, миссис Инглис? Нет, правда слышу!

— Чушь несусветная! — невозмутимо заметила повариха. — Отличный бекон, хорошо, что мы его столько запасли… Да ты вся дрожишь! Ну, милочка, это все твои фантазии…

Внезапно мистеру Тилли пришла в голову мысль, что вряд ли стоит так напрягаться, чтобы хоть как-то убедить в своем присутствии горничную. Сеанс в доме медиума, миссис Камбербатч, предоставит ему куда больше возможностей снова прорваться в реальный мир. Пожелав переместиться почти на милю, он еще пару раз грохнул по столу кулаком и, уже не слушая слабые взвизги мисс Тэлтон, тут же очутился на Вест-Норфолк-стрит.

Он прекрасно знал дом и двинулся прямо в гостиную, где всегда проводились сеансы, которые он так часто и так охотно посещал. Миссис Камбербатч, с выражением сосредоточенности на ложкообразном лице, уже опустила шторы, оставив комнату в полной темноте, которая казалась только гуще от тусклого ночника под абажуром рубинового стекла, стоявшего на каминной полочке рядом с цветным фотопортретом кардинала Ньюмена. За круглым столом сидели мисс Ида Соулсби и мистер и миссис Мериотт, которые по меньшей мере дважды в неделю выкладывали денежки в надежде получить совет от своего духа-наставника Абибеля по поводу несварения желудка и финансовых операций. Замыкал круг сэр Джон Плейс, старавшийся как можно детальнее разобраться со своей предыдущей инкарнацией в теле халдейского католического священника. Его наставника, открывавшего ему все ступени религиозной карьеры, в шутку величали Потиром.

Разумеется, в гости сюда приходило и множество других

духов. К примеру, только у мисс Соулсби в спиритическом хозяйстве обитали три постоянных наставника — Сапфир, Семирамида и Милый Уильям, еще двое — Наполеон и Платон — появлялись на сеансах время от времени. С особым почтением здесь встречали кардинала Ньюмена, который не мог не откликнуться на дружное исполнение написанного им псалма: «Веди меня, свет милосердный…»

Мистер Тилли с удовлетворением отметил, что для него за столом оставлен свободный стул. Когда он появился, миссис Камбербатч взглянула на часы.

— Уже одиннадцать, — заметила она, — а мистера Тилли все нет. Не знаю, что могло его задержать. Что будем делать, дорогие друзья? Абибель очень нетерпелив и, если мы опаздываем, обычно выражает неудовольствие.

Мистер и миссис Мериотт тоже сидели как на иголках: он жаждал проконсультироваться насчет мексиканской нефти, а она чрезвычайно страдала от изжоги и отрыжки.

— Потир тоже не любит долго ждать, — вмешался сэр Джон, ревностно заботившийся о престиже своего покровителя. — Я уж не говорю о Милом Уильяме.

Раздался серебристый смех мисс Соулсби.

— Ну что вы, — возразила она, — мой Милый Уильям всегда вежлив и доброжелателен. А кроме того, у меня такое чувство… Я физически ощущаю, что мистер Тилли где-то совсем близко.

— Я тоже, — согласился мистер Тилли.

— Знаете, когда я шла сюда, — продолжала мисс Соулсби, — то все время чувствовала, что мистер Тилли где-то рядом. О Господи, что это?

Мистер Тилли не удержался и вместо аплодисментов выразил свой восторг от такого признания сильным ударом по столу. Миссис Камбербатч тоже это услышала.

— Наверно, это Абибель дает знать, что он уже здесь, — сказала она. — Я знаю, как стучит Абибель. Потерпи, Абибель, немного. Подождем мистера Тилли еще три минуты и начнем. Давайте поднимем шторы, тогда Абибель поймет, что мы еще не готовы.

Так и сделали. Мисс Соулсби тихонько подошла к окну, чтобы первой увидеть приближение мистера Тилли, который всегда пересекал поток транспорта в этом месте. Видимо, газеты только что опубликовали свежие новости, и многие прохожие углубились в купленные на ходу выпуски, а на рекламном стенде появилось крупное сообщение о трагическом происшествии на площади Гайд-парк-корнер. Мисс Соулсби, не желая терять душевное спокойствие, шумно втянула воздух и отвернулась от

окна. Зато мистер Тилли, проводивший ее к окну и увидевший то же, что и она, на смог удержаться от духовного возгласа ликования.

— Вот это да! — провозгласил он. — Это же все обо мне! И какими крупными буквами! Просто замечательно! В следующих выпусках наверняка появится и мое имя.

Чтобы привлечь к себе внимание, он снова с размаху стукнул по столу, и миссис Камбербатч, сидевшая в старинном кресле, которое некогда принадлежало мадам Блаватской, опять его услышала.

— Ну что ты поделаешь с этим Абибелем, — сказала она. — Потерпи еще немного, шалунишка. Давайте, наверно, начинать…

Она произнесла обычное заклинание наставников и ангелов и откинулась на спинку кресла. Потом она начала конвульсивно дергаться и бормотать что-то бессвязное и, наконец, несколько раз громко всхрапнув, неподвижно застыла в каталепсии. Теперь она полулежала, вытянувшись в струну, представляя собой своеобразный порт назначения для странствующих умов.

Мистер Тилли с радостью и некоторым самодовольством предвкушал их появление. Будет очень приятно, когда Наполеон, с которым он так часто беседовал, узнает его и скажет: «Рад вас видеть, мистер Тилли. Вижу, вы присоединились к нам…»

Шторы снова опустили, и в комнате опять стало совсем темно, только чуть светился ночник у портрета кардинала Ньюмена. Однако мистеру Тилли с его обострившимися чувствами свет совершенно не мешал, он даже мимоходом удивился, отчего все считают, что такие лишенные плоти духи, как он, предпочитают совершать свои самые эффектные чудеса в темноте. Еще больше удивило его то, что он не мог ощутить никаких признаков присутствия тех своих сотоварищей (а, по его мнению, именно так он мог теперь их называть), которые посещали сеансы миссис Камбербатч в таком изрядном количестве. Хотя она уже довольно долго стонала и бормотала, он не замечал здесь ни Абибеля или Милого Уильяма, ни Сапфира или Наполеона. «А пора бы им и появиться», — сказал он сам себе.

Между тем, к своему удивлению и неудовольствию, мистер Тилли заметил, что руки медиума, невидимые для остальных в окружающей темноте из-за черных перчаток, шарят по столу, очевидно, нащупывая лежавший там рупор. Он обнаружил, что так же легко, хотя и с меньшим удовольствием, может читать ее мысли, как полчаса назад читал мысли мисс Иды, и понял, что она собирается поднести рупор ко рту и изображать Абибеля, Семирамиду или кого-то еще, хотя всегда уверяла, что к рупору

даже не прикасается. Пораженный этим, он схватил рупор сам и тут же заметил, что она вовсе не находится в трансе. Открыв свои острые черные глазки, которые всегда напоминали ему пуговицы, обтянутые клеенкой, она негромко ахнула:

— Вот это да! Мистер Тилли уже здесь. В виде духа…

Остальные сидевшие вокруг стола ее не услышали. Стараясь вызвать кардинала Ньюмена, они дружно выводили хриплыми голосами: «Веди меня, свет милосердный…» Мистер Тилли сделал вывод, что миссис Камбербатч видит и слышит его так же хорошо, как он ее, а вот другие его присутствия не ощущают.

— Да, меня убили, — пояснил он. — И я хочу войти в контакт с материальным миром. Для этого я сюда и пришел. Но, кроме того, мне бы хотелось вступить и в контакт с другими духами, ведь Абибель или Потир уже должны быть здесь.

Ответа он не получил, она только, как пойманный шарлатан, опустила глаза под его взглядом. Страшное подозрение возникло у него в голове.

— Что это значит, миссис Камбербатч? Зачем вы всех обманываете? — спросил он. — Как же вам не стыдно! И подумать только, сколько гиней я на вас потратил!

— Я все вам верну, — прошептала миссис Камбербатч. — Только не выдавайте меня.

Она захныкала, и он вспомнил, что она часто начинала хлюпать носом, когда ею овладевал Абибель.

— Это значит, что сейчас появится Абибель? — язвительно спросил он. — Ну же, Абибель, давай! Мы тебя ждем не дождемся!

— Отдайте мне рупор, — взмолилась миссис Камбербатч. — Ну, пожалуйста, отдайте мне рупор!

— И не подумаю, — ответил мистер Тилли. — Скоро он мне самому понадобится.

Медиум облегченно вздохнула.

— Да! Да, мистер Тилли! — воскликнула она. — Отличная мысль! Всем будет очень интересно услышать вас сразу после того как вас убили, а они еще этого не знают. А уж сколько я заработаю! И я совсем не обманщица. Во всяком случае, не всегда. Порою я чувствую духов, и они передают через меня свои сообщения. А когда они не появляются, у бедной женщины возникает ужасное искушение подменить их самой. Я ведь вижу и слышу вас, мы с вами ведем беседу — надеюсь, взаимоприятную. Как бы я могла это делать, если бы у меня не было сверхъестественной силы? Вас убили, как вы говорите, а я вижу вас и слышу вполне хорошо. А можно спросить, когда это произошло с вами? Если, конечно, вам не больно это

вспоминать…

— На площади Гайд-парк-корнер, полчаса назад, — сообщил мистер Тилли. — Нет, спасибо, было больно всего одно мгновение.

— А вот что касается вашего предложения…

Пока присутствующие распевали третий куплет псалма, написанного кардиналом Ньюменом, мистер Тилли ломал голову над создавшейся ситуацией. Действительно, если бы миссис Кабмбербатч не могла поддерживать связь с потусторонним миром, она бы не видела его. А она не только видела, но и слышала его, ведь их вполне осмысленная беседа велась, несомненно, на духовном уровне.

Разумеется, сейчас, когда он стал настоящим духом, ему не хотелось связываться с нечестным медиумом. Он чувствовал, что это может серьезно скомпрометировать его в этом мире, где, по-видимому, было широко известно, что с миссис Камбербатч не следует иметь дело. Но, с другой стороны, ему повезло так быстро найти медиума, через которого он может общаться со своими приятелями, и было трудно проявить высокую мораль и отказаться от ее услуг.

— Не уверен, что могу вам доверять, — наконец сказал он. — Меня беспокоит то, что вы способны передать ложные сообщения, за которые мне не хочется нести ответственность. А ведь именно так вы поступаете с Абибелем и Потиром. Откуда я могу знать, что, когда меня не будет, вы не понесете всякую чушь от моего имени?

Миссис Камбербатч решительно выпрямилась.

— Уверяю вас, я открою новую страницу, — заверила она. — Все, что было, останется в прошлом. Я все-таки медиум. Посмотрите на меня! Разве я не более реальна для вас, чем остальные? Разве я, в отличие от них, не существую и в вашем мире? Разве я…? Иногда я могу обманывать, возможно, я не способна вызвать сюда Наполеона — так же, как, скажем, не умею летать. Но все равно я настоящий медиум! О, мистер Тилли, будьте снисходительнее к нам, бедным человеческим созданиям! Ведь совсем недавно вы были одним из нас…

Упоминание о Наполеоне и о том, что миссис Камбербатч никогда не поддерживала контакт с этим великим существом, оказалось для мистера Тилли болезненным. В этой затемненной комнате он частенько вел с ним долгие беседы, и Наполеон делился интересными подробностями своей жизни на острове святой Елены, которые, как считал мистер Тилли, подкрепляли прекрасное сочинение лорда Розбери «Конец Наполеона I». Но теперь все это приобретало фальшивый характер, и его

подозрения быстро превратились в твердую уверенность.

— Признайтесь! — заявил он. — Откуда вы взяли все эти заявления Наполеона? Вы уверяли, что никогда не читали книгу лорда Розбери, и даже позволили нам порыться в вашей библиотеке, чтобы убедиться, что ее там нет. Скажите правду хотя бы раз, миссис Камбербатч.

Она всхлипнула.

— Я читала, — призналась она. — Книга все время была здесь. Я сунула ее в старую обложку от книги, которая называлась «Элегантные фрагменты». Но я не совсем обманщица. Мы же с вами говорим — вы, дух, и я, смертная женщина. Остальные не могут нас слышать. Да вы только посмотрите на меня! Вы сможете говорить с ними через меня, если только вам этого захочется. Мне не часто удается вступить в контакт с настоящим духом, вроде вас.

Мистер Тилли окинул взглядом сидевших за столом, потом снова перевел взгляд на ясновидящую, которая, стараясь удержать интерес своих гостей, как пробиваемый сифон, издавала таинственные булькающие звуки. Определенно она была для него реальнее остальных, и ее утверждения, что она способна видеть и слышать его, тоже имели огромное значение.

И тут вдруг у него возникло новое странное ощущение. Разум миссис Камбербатч как бы разлился перед ним в виде лужи грязноватой воды, а он вроде бы возвышался над ней на каком-то настиле и вполне мог при желании туда погрузиться. Против погружения было то, что вода грязноватая, слишком материальная, а за — ощущение того, что таким образом он сумеет стать услышанным, а возможно, и увиденным собравшимися, даже, может быть, вступит с ними в контакт. Все-таки самый громкий стук по столу присутствующим был еле слышен.

— Похоже, я начинаю понимать, — произнес он.

— Ах, мистер Тилли! Просто прыгайте туда, как все добропорядочные духи, — подтолкнула его она. — И проверьте сами, как все работает. Можете зажать мне рот рукой, чтобы я уж точно ничего не говорила. И держите рупор у себя.

— Вы обещаете больше никогда не обманывать? — спросил он.

— Обещаю!

И он решился.

— Ладно, — сказал он и, если можно так выразиться, нырнул в ее разум.

Ощущение он испытал неописуемое. Это было все равно что со свежего воздуха в солнечный день зайти в душную, давно не

проветривавшуюся комнату. Время и пространство снова охватили его: голова у него закружилась, глаза, казалось, потяжелели. Держа рупор в одной руке, другой он плотно закрыл рот миссис Камбербатч.

Он огляделся и понял, что комната стала темней, а очертания сидевших вокруг стола более резкими.

— А вот и я! — бодро произнес он.

Мисс Соулсби испуганно охнула.

— Это же голос мистера Тилли! — прошептала она.

— Ну, конечно же, мой! — ответил мистер Тилли. — Меня только что на Гайд-парк-корнер переехал трактор…

И тут он почувствовал, как давит его разум медиума, как обыденные свойства ее мягкой, удивительно набожной натуры охватывают его со всех сторон, сковывая и сбивая с толку. Все, что он произносил, словно проходило сквозь грязную воду…

— Я испытываю удивительную радость и легкость, — говорил он. — Конечно, не могу сказать, что вокруг все солнечно и благополучно. Но все мы очень заняты и активны, помогая другим. И это такое наслаждение, дорогие друзья, снова встретиться с вами. Смерть — вовсе не смерть: это ворота жизни…

Внезапно он оборвал речь.

— Ну, нет, так дело не пойдет, — обратился он к медиуму. — Вы заставляете меня нести всякую чушь. Этот ваш банальный здравый смысл стоит у меня на пути. Уберите преграду. Вы можете не мешать мне так сильно?

— А вы сумеете зажечь немного духовного света в комнате? — поинтересовалась миссис Камбербатч сонным голосом. — Вы вошли в меня великолепно. О, мистер Тилли, это так мило с вашей стороны!

— А вы не прикрепили где-нибудь светящиеся наклейки? — подозрительно спросил мистер Тилли.

— Да, — призналась миссис Камбербатч, — возле камина есть штуки две. Но больше нигде. Дорогой мистер Тилли, клянусь, больше их нет нигде. Так зажгите нам чудесную звездочку с длинными лучами где-нибудь на потолке!

Мистер Тилли всегда отличался доброжелательностью и никогда не отказывал в помощи даже самой непривлекательной женщине.

— Только после сеанса вы отдадите мне в руки эти наклейки, — прошептал он, после чего силой воображения постарался зажечь на потолке красивую большую звезду с красными и фиолетовыми лучами. Разумеется, она получилась не такой великолепной, как он задумал, потому что ее свету

пришлось пробиваться сквозь мутный разум медиума, но все равно выглядела она очень впечатляюще, и ее появление сидевшие за столом встретили взрывом аплодисментов. Для усиления эффекта он пропел несколько очень милых строчек о звезде Аделаиды Анны Проктер, чьи стихи представлялись ему одной из высочайших вершин Парнаса.

— Ах, мистер Тилли, большое вам спасибо! — прошептала медиум. — Это было замечательно! Вы разрешите сфотографировать звезду, чтобы использовать ее в других сеансах? Если, конечно, будете так добры и повторите это еще раз.

— Ну, я не знаю, — раздраженно ответил мистер Тилли. — Я хочу выйти. Мне очень жарко и как-то неуютно. Все это выглядит такой дешевкой.

— Дешевкой? — воскликнула миссис Камбербатч. — Да любой медиум в Лондоне стал бы знаменитостью, показывая такую настоящую, неподдельную звезду, скажем, раза два в неделю!

— Знаете, меня раздавили не для того, чтобы обогатить какого-нибудь медиума, — заметил мистер Тилли. — Я хочу уйти. Все это так унизительно. Кроме того, я хотел бы осмотреться в моем новом мире. Я еще толком не знаю, что он из себя представляет.

— Но, мистер Тилли! — возразила она. — Вы же сказали столько чудесного о том, как вы там заняты делом и счастливы.

— Да ничего я не говорил! Это вы сказали. Вернее — вложили эти слова в мою голову.

И он начал выбираться из застойных вод разума миссис Камбербатч.

— Меня ожидает целый новый мир, — сказал он. — Я должен его осмотреть. Но я вернусь и расскажу, какие чудесные открытия мне удастся здесь совершить…

И тут он ощутил, что все это безнадежно. Ему пришлось прорвать плотный слой жидкой материи, и, когда она схлынула, он начал понимать, что впечатления о той прекрасной, непредставимой для земных существ жизни, которую он только начал познавать, не смогут проникнуть сквозь эту непроглядную муть. Видимо, поэтому все, что каким-то образом исходило из духовного мира, выглядело здесь таким глупым, таким банальным. Духи, каким и он теперь стал, могли стучать по столу, зажигать звезды, повторять расхожие истины, даже читать в умах медиума и других людей, как в открытой книге, — но только и всего. Чтобы слепые их увидели, а глухие услышали, им надо было преодолеть прочную стену непонимания.

Миссис Камбербатч пошевелилась.

— Связь слабеет, — произнесла она глубоким голосом, который, как понял мистер Тилли, должен был имитировать его. — Я должен вас покинуть, дорогие друзья…

Это вывело его из себя.

— Связь вовсе не слабеет! — крикнул он. — Я ничего подобного не говорил. И потом, я еще должен убедиться, правда ли все это. До встречи! Не жульничайте больше.

Он бросил на стол свой пригласительный билет на сеанс и пустился прочь под взволнованные возгласы участников.

Известие о прекрасной звезде и появлении мистера Тилли на сеансе через полчаса после гибели, о которой никто из собравшихся не знал, мигом облетело весь спиритический мир. Общество психологических исследований направило своих специалистов для сбора независимых свидетельств от всех присутствовавших.

Однако, узнав, что мисс Соулсби за несколько минут до этого видела рекламный щит с сообщением о катастрофе на площади Гайд-парк-корнер, эксперты решили, что происшедшее является следствием неосознанного зрительного восприятия в трудноуловимом сочетании с телепатией. Впрочем, такое объяснение выглядело явно надуманным, поскольку предполагало, что мисс Соулсби почему-то связала отсутствие мистера Тилли с происшествием на Гайд-парк-корнер, сама того не сознавая, разглядела имя жертвы на другом новостном щите, да вдобавок еще и телепатическим путем передала все это медиуму.

Что касается звезды на потолке, чего никто не мог отрицать, то эксперты, конечно же, обнаружили на стене над камином остатки люминесцентной краски и пришли к заключению, что звезда была воспроизведена чем-то подобным. Словом, они признали все произошедшее подделкой, что могло вызвать только сожаление, так как на этот раз феномен был чистой правдой.

Мисс Соулсби продолжала постоянно посещать сеансы миссис Камбербатч, но больше никогда не ощущала присутствия мистера Тилли. Читатель может думать по этому поводу все, что ему угодно. Мне, например, кажется, что мистер Тилли просто нашел себе другое занятие.

А он, между тем, окончательно оторвавшись от реального мира, убедился, что теперь уже никто, кроме медиума, его не слышит.

— Да не беспокойтесь вы так, мистер Тилли, — утешила его миссис Камбербатч. — Это же чистая формальность. Что вы так торопитесь нас покинуть? Не лучше ли вам снова

материализоваться? Для ученых это всегда выглядит убедительно.

— Нет уж, — возразил он. — Как вы не понимаете? Это так угнетает, когда даже говорить и зажигать звезды можешь только при вашем посредстве. Но я вернусь, как только узнаю что-нибудь новое, что смогу передать через вас. Какой смысл повторять чепуху насчет занятости и счастья? Вы и так много раз им это преподносили…

С английского перевел Мих. Максаков

Уильям Харви
Через болота

Все складывалось в высшей степени неудачно.

У Пегги появились боли в боку, и температура поднялась почти до ста градусов.[18] Миссис Уоркингтон Банкрофт сразу поняла, что это аппендицит, но послать за доктором было некого.

Джеймс отправился на кабриолете встретить ее мужа, который наконец-то сумел выкроить недельку, чтобы поохотиться.

Адольфа она только полчаса назад послала к Эвершамам с посланием для леди Евы.

Повариха не смогла бы столько пройти пешком, даже если бы обед можно было накрыть без нее.

На Кейт, как всегда, нельзя было положиться.

Оставалась мисс Крейг.

— Разумеется, вы сами можете убедиться, что Пегги действительно больна, — сказала миссис Уоркингтон Банкрофт, когда вызванная ею гувернантка зашла в комнату. — Беда в том, что мне абсолютно некого больше послать за доктором.

Она сделала паузу. Миссис Уоркингтон Банкрофт предпочитала, чтобы зависимые от нее люди сами предлагали услуги, которые она могла от них потребовать. Затем она продолжила:

— Словом, мисс Крейг, полагаю, вы не откажетесь пройтись до фермы Теббитов. Я слышала, что там остановился доктор из Ливерпуля. Конечно, я ничего о нем не знаю, но придется рискнуть. Думаю, он охотно согласится немного подзаработать во время своего отпуска. Я понимаю, что здесь почти четыре мили, и я бы никогда не решилась просить вас об этом, если бы не аппендицит. Я ужасно его боюсь.

— Хорошо, — сказала мисс Крейг, — полагаю, мне придется идти. Но я не знаю туда дорогу.

— Ох, вы не заблудитесь, — заверила миссис Уоркингтон Банкрофт, которая была так расстроена, что на время даже простила гувернантке ту неохоту, с какой она дала свое согласие. — Две мили вы пройдете по дороге через болота до Багрового перекрестка. Там повернете налево и направитесь по тропинке через лиственничную рощу. И сразу же прямо перед собой внизу в долине увидите ферму Теббитов… А еще, — добавила она, когда девушка уже покидала комнату, — возьмите-ка с собой Понтиффа. Бояться вам, конечно, нечего, но, с собакой,

наверно, будет спокойнее.

— Ох, мисс, — сказала повариха, когда мисс Крейг зашла на кухню, чтобы взять свои ботинки, которые сушились у печи. — Конечно, хозяйке лучше знать, но мне не по душе, что она вдруг ни с того ни с сего посылает вас через болота в такую ночь, как сегодня. Если вы и приведете доктора, вряд ли он чем-то поможет мисс Маргарет. С каждым ребенком такое иногда бывает. Доктор только скажет, чтобы она полежала в постели. А она и так уже лежит.

— Вам-то, поварихе, чего здесь, на кухне, бояться? — заметила мисс Крейг, шнуруя ботинки. — Может, вы верите в привидения?

— Ну, не знаю, не знаю… Во всяком случае, я люблю спать под таким одеялом, чтобы им можно было укрыться с головой. Но опасаться, конечно, особо-то нечего. Думаю, все эти призраки только лают, а не кусаются.

Мисс Крейг попыталась представить себе жуткое и совершенно непохожее на классического пса-призрака привидение, которое лает, и ее это слегка позабавило. Тем не менее на душе у нее остался неприятный осадок. Она была впечатлительна по натуре и, живя по соседству с комнатой для слуг, наслушалась массу живописных подробностей «совершенно правдивых» историй, которые в гостиной считались всего лишь легендами. От одного только названия Багровый перекресток ее пробирала дрожь. На том месте некогда произошло ужасное убийство. Саму легенду она забыла, но название застряло в памяти.

И первая беда не замедлила случиться.

Бестолковому Потиффу потребовалось целых пять минут, чтобы разобраться, кого он сопровождает. Сообразив, что это всего лишь гувернантка, он тут же пустился наутек, не обращая ни малейшего внимания на робкий свист мисс Крейг. Вдобавок, усугубляя ее положение, пошел дождь, но не обычный, падающий с неба крупными каплями, а моросящий, застилающий туманной пеленой даже те немногие ориентиры, которые встречались на болоте.

На ферме Теббитов ее встретили приветливо. Правда, доктор еще накануне уехал в Ливерпуль, но миссис Теббит угостила ее горячим молоком и домашним кексом и отправила с ней своего сына, чтобы он показал ей более короткую тропинку, которая позволяла миновать лиственничную рощу.

Не слишком довольный таким поручением подросток не обронил по пути и пары слов, но само его присутствие действовало на мисс Крейг ободряюще, и, когда он покинул ее у

последних ворот, ночь показалась ей намного темнее.

Она неуверенно шагала по тропе, почему-то вновь размышляя о лающих привидениях, когда услышала позади чьи-то вполне материальные шаги. В следующую минуту показалась и человеческая фигура. Мисс Крейг с облегчением увидела, что это священник. Он приподнял шляпу.

— Думаю, мы оба идем в одном направлении, — сказал он. — Если позволите, я с удовольствием провожу вас.

Мисс Крейг поблагодарила его и заметила:

— Ночь какая-то жутковатая, а я здесь от местных жителей наслушалась столько легенд о призраках и прочей нечисти, что и сама стала немного побаиваться.

— Мне понятна ваша нервозность, — сказал священник. — Особенно в такую ночь, как эта. Когда-то и я испытывал те же чувства. Мне ведь по роду моей работы приходилось часто в одиночку пересекать болото, разыскивая какую-нибудь ферму, куда ведет едва приметная тропка. Ее и днем-то не сразу отыщешь.

— И вам никогда не встречалось ничего такого, что вас напугало?.. Я имею в виду — ничего нематериального?

— Однозначно ответить я не могу. Но одиннадцать лет назад у меня произошло событие, ставшее поворотным пунктом в моей жизни. Я вижу, вы сейчас настроены так же, как я тогда, поэтому расскажу, как все было…

Стоял конец сентября. Я посетил умирающую старушку в Уэстондейле, и как раз когда собирался отправиться домой, мне сообщили, что меня хочет видеть еще один мой прихожанин, который сегодня утром внезапно заболел. Когда я пустился в путь, был уже восьмой час. Фермер проводил меня до дороги через болото.

Накануне закат солнца был одним из самых прекрасных, которые я когда-либо видел. Небосвод покрывали стайки розовато-красных облачков, так что он казался сплошь усыпанным лепестками чарующих роз.

Однако сегодня все переменилось. Небо затянула темно-серая пелена, и лишь на западе виднелась узкая темно-оранжевая полоска угрюмого заката. Я с трудом шагал по дороге, стертые ноги у меня болели, и я совсем пал духом. Вероятно, сказался разительный контраст между двумя вечерами: вчерашним — таким чудесным, так много обещающим (овес все еще оставался на полях неубранным, осыпаясь в ожидании хорошей погоды), и сегодняшним — таким тоскливым, таким печальным и навевающим тягостные мысли о скором приходе осени и зимы. А потом к чувству полного упадка духа и сил добавилось

ощущение, которое я с удивлением определил как страх.

Не знаю, чего я испугался.

По обе стороны от меня простирались болота, совершенно нетронутые, если не считать торфяных мишеней для стрельбы, стоявших вдоль дороги неровной линией на расстоянии брошенного камня. Единственный звук, который я слышал за последние полчаса, был жалобный крик вспугнутых полевых куропаток: «Вернись… Вернись… Вернись…» Но чувство страха не проходило, проникая в мое подсознание через какой-то редко используемый канал связи с окружающим миром.

Я застегнул пальто на все пуговицы и постарался отвлечься, размышляя о предстоящей воскресной проповеди.

Темой для проповеди я выбрал Книгу Иова. В традиционных поучениях этой Книги, если отвлечься от всех премудростей толкования Библии, есть много такого, что близко и понятно именно жителям села: скажем, падеж скота, недород, семейные невзгоды. Я бы не решился об этом говорить, если бы и сам не был фермером. Всего три недели назад мой собственный церковный участок был залит водой, и, наверно, мне предстояло понести такие же убытки, как и всем моим прихожанам. Я шел по дороге, повторяя про себя первую главу Книги — и вдруг запнулся на двенадцатом стихе:

«И сказал Господь сатане: вот, все, что у него, в руке твоей…»

Мысли о плохом урожае (а в наших краях это ужасное событие) испарились. Я словно бы вдруг погрузился в океан бесконечной тьмы.

Как обычный священник, навострившийся в витийстве и вынужденный по долгу службы читать по три проповеди в день, я частенько злоупотреблял простой аналогией с партией в шахматы. В этом случае Бог и Дьявол были игроками, а мы, люди, помогали той или другой стороне. Но до тогдашней ночи я никогда не думал, что могу быть всего лишь пешкой в этой игре. Простой пешкой, которую Господь готов пожертвовать, чтобы в конечном итоге одержать победу.

Я как раз подошел к тому месту, где мы находимся сейчас. Я запомнил вон ту грубую каменную поилку для скота… И тут вдруг сбоку, с кучи щебня, на дорогу выпрыгнул человек.

«Куда направляетесь, отче?» — спросил он.

Судя по речи, незнакомец был нездешний. В это время года здесь много пришельцев с юга, которые в поисках работы по мере созревания урожая постепенно кочуют к северу. Я пояснил, куда иду.

«Нам по дороге», — сообщил он.

Темнота не позволяла как следует разглядеть лицо мужчины,

однако, то немногое, что я различил, казалось неотесанным и жестоким.

Он сразу завел хорошо знакомые мне жалобные речи, в тоне которых явственно проскальзывала угроза. Мол, он преодолел за день много миль, позавтракал корочкой сухого хлеба и с тех пор ничего не ел.

«Подайте медячок, — наконец заключил он. — Этого хватит хотя бы на то, чтобы устроиться на ночлег».

Говоря это, он большим складным ножом строгал ясеневый кол, выдернутый из чьей-то изгороди…

Священник оборвал свой рассказ.

— Это огни вашего дома? — спросил он. — Мы дошли быстрее, чем я думал. Но у меня хватит времени закончить свою историю. Думаю, это надо сделать, потому что через пару минут вы побежите к дому, а я не хочу, чтобы вы боялись ходить по здешним болотам.

Так вот, незнакомец, рассказывавший мрачную сказку, полную печальной лжи и еще более печальной правды, казалось, вынырнул откуда-то из темных глубин моего подсознания.

Он спросил, который час.

Было без пяти девять. Спрятав часы в карман, я взглянул ему в лицо. Зубы у него были плотно сжаты, а на дне его глаз я отчетливо прочел его намерения.

Знаете, какой долгой может быть секунда? Всего треть секунды я стоял неподвижно лицом к лицу с этим человеком, весь охваченный жалостью к нему и к себе. А затем, не произнеся ни слова, он набросился на меня. Я ничего не почувствовал. Только молния прошла у меня по хребту, я услышал, как треснул ясеневый кол, а потом раздалось еле слышное журчание, похожее на шум далекого ручейка. Какое-то время я лежал, совершенно счастливый, глядя на огни недалекого дома, которые росли и множились, пока все небо не покрылось мерцающими светлячками.

О такой безболезненной смерти можно только мечтать…

Мисс Крейг подняла глаза. Священник исчез. Она стояла среди болот одна-одинешенька.

Стуча зубами, она пустилась бежать к дому, к массивной тени, которая шевелилась и двигалась за кухонной шторой.

Когда она влетела в холл, часы наверху пробили время. Было ровно девять часов.

С английского перевел Мих. Максаков

Владимир Гопман
Рыцари фантастики (Вспоминая Александра Мирера)

Потому что (виноват), но я
Москвы не представляю
Без такого, как он, короля.

Булат Окуджава.
«Король»[19]

«Жизнь дает человеку три радости… Друга, любовь и работу»… Это, конечно же, «Стажеры» Стругацких.

Мне повезло: фантастика, ставшая для меня главным делом в жизни, дала мне и много друзей. Но сколько их уже ушло!.. Дмитрий Александрович Биленкин, Аркадий Натанович Стругацкий, Сергей Александрович Снегов, Виталий Иванович Бугров, Нина Матвеевна Беркова, Кир Булычев, Александр Исаакович Мирер… Рыцари фантастики, преданно служившие ей.

* * *

С Александром Исааковичем Мирером я познакомился осенью 1976 г. В середине сентября мне позвонили из Бюро пропаганды Союза писателей РСФСР и предложили выступить с лекцией о фантастике в каком-то НИИ, занимавшемся, кажется, термической сваркой. Была в те годы такая форма «шефствования» над предприятиями и организациями — туда для повышения культурного уровня их сотрудников по путевкам бюро пропаганды Союза писателей СССР и РСФСР, общества книголюбов, общества «Знание» посылались лекторы-специалисты в различных областях знаний.

Кстати, добавила секретарша, вместе с вами будет выступать писатель Александр Мирер. Конечно, это имя мне была хорошо знакомо по публикациям в альманахах «НФ» и «Мир приключений», к тому же буквально за несколько дней до этого звонка я купил его роман «Дом скитальцев».[20]

Роман произвел на меня сильное впечатление, о чем с удовольствием сказал автору при встрече.

При знакомстве меня поразила и внешность АИ (худой,

высокий, он походил на жюль-верновского Паганеля, но это с первого взгляда, а потом-то я понял: конечно же, он не Паганель, а Дон Кихот…), и манера говорить, держаться — старомодно-учтиво и при этом удивительно доброжелательно, так что через несколько минут казалось, что ты знаешь этого человека долгие годы. Поразило меня и то, что несколько сотрудников этого НИИ, с которыми я беседовал — как оказалось, АИ работал в нем довольно долго и к тому времени уже лет десять, как ушел, — отзывались о нем с большим уважением и теплотой, добавляя каждый раз со вздохом: жаль, что он у нас уже не работает…

Думаю, что людей привлекали в АИ и доброта, и неизменная благорасположенность, и искренний интерес к собеседнику. Во всем, что он делал, не было ничего наигранного, искусственного — так вести себя мог только человек цельный и гармоничный, чуждый позе. В его равнодушии к материальным благам было что-то от странника, для которого смысл существования — паломничество, и от дервиша, поражающего умением обходиться минимальным. Однажды я, желая польстить АИ (было это спустя примерно с полгода после нашего знакомства), процитировал слова Генри Торо из «Уолдена»: «Если мой сюртук и брюки, шляпа и башмаки еще годны, чтобы молиться в них богу, — значит, их еще можно носить, не так ли?..».[21]

Вера, его жена, воскликнула: «Шура, это действительно как будто о тебе!..» Сам же АИ только улыбнулся.

При этом АИ был человеком весьма земным, очень любил быт, его уютные детали — например, с каким вкусом и удовольствием он заваривал чай!.. Он был поразительно «рукастым», вызывая этим восторг А. Н. Стругацкого, с которым он дружил долгие годы. Жили они недалеко друг от друга, минутах в десяти ходьбы: если метро «Юго-Западная» представить в качестве одной вершины треугольника, то двумя другими могут послужить дом АИ по улице 26-ти Бакинских комиссаров и АН по проспекту Вернадского. Умел АИ делать практически все: от починки утюга до изготовления вполне «товарных» ювелирных украшений. Одно время, кстати сказать, он этим и жил — делая перстни, кулоны и проч. на продажу, поскольку с года 1965-го или 1966-го он вступил в Комитет литераторов при Литфонде и тем самым обрел право не работать, как выражались в отделах кадров, по найму (и не ходить каждый день на службу, что для творческого человека было счастьем), но зарабатывать на жизнь мог официально только литературным трудом, который, как известно, кормит несытно. В середине 1980-х вступил в этот Комитет и я, по рекомендации А. Н. Стругацкого.

Дом АИ был всегда открыт для друзей — в дни радостей и

горестей. …После первого развода я приехал именно к АИ, и он просидел со мной часов до четырех ночи за неумеренным потреблением алкоголя; а когда я отказался ночевать у него, довел меня до такси. В другой компании, что и говорить, не обошлось бы без пьяных всхлипываний о былом, но АИ так сумел повернуть разговор, что большую часть времени мы проговорили о… средневековой японской литературе. И, встав в восемь утра на работу, я вдруг ощутил, что трещина, казалось бы, расколовшая мою душу — да-да, о ту пору свое душевное состояние оцениваешь именно в таких романтических категориях… — почему-то стала затягиваться.

Конечно же, в притягательности их дома была заслуга и жены АИ, Веры Леонидовны, и их дочки Вари. С нею, кстати сказать, связана одна наша общая забавная ситуация. В 1978 году я поехал со своей дочкой в Коктебель. Спустя пару недель на ЮБК (Южный Берег Крыма) приехал АИ с Верой и Варей (жили они в небольшом местечке в получасе езды от Коктебеля). И вот как-то около четырех часов, когда моя дочка проснулась после дневного сна (было ей тогда четыре с небольшим), в дверь постучали и вошли АИ, Вера и Варя. Вот, сказал я дочери торжественно, приехала девочка Варя, о которой я тебе говорил (Варя перешла тогда в 11-й класс и была уже совсем взрослой и расцветшей барышней). Дочь, внимательно посмотрев на предлагаемый объект для игр, неожиданно скривилась и сказала плаксиво: «Так я и знала: обещали девочку, а пришла тетя!..» Сколько раз мы с АИ повторяли потом эту фразу: «Так я и знала…»

А. И. Мирер относится к славной плеяде тех отечественных фантастов, которые пришли в фантастику в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Для них шестидесятые годы стали временем надежд на возрождение научно-фантастической литературы — после сталинских десятилетий, когда советская фантастика была разгромлена. Впрочем, судьба литературы, расковывавшей воображение, призывавшей мыслить свободно, едва ли могла быть иной в тоталитарном обществе. Точно сказал об этом сам Мирер в статье, посвященной Ариадне Громовой: «Фантастика — самый честный и наблюдательный свидетель на суде истории».[22]

В начале 1960-х вокруг редакции фантастики издательства «Молодая гвардия», которую тогда возглавлял Сергей Жемайтис, объединились лучшие силы отечественной научно-фантастической литературы. Это были москвичи Дмитрий Биленкин, Ариадна Громова, Георгий Гуревич, Анатолий Днепров, Михаил Емцев, Еремей Парнов, Север Гансовский, Александр Полещук, Роман Подольный, Аркадий Стругацкий, посещавшие семинар писатели из других городов: Вадим Шефнер

из Ленинграда, Генрих Альтов и Евгений Войскунский из Баку, Владимир Савченко и Игорь Росоховатский из Киева.

Образовался постоянно действующий семинар, в который вошел и А. Мирер. В 1965 г. в альманахе «Мир приключений» появилась его первая повесть «Будет хороший день!». Начинал Мирер так, словно обладал большим стажем литературной работы, хотя это были его первые шаги в литературе: автор сразу нашел художественную форму, адекватную его мышлению. Любители и знатоки жанра отмечали все публикации Мирера: рассказы в альманахах «НФ» и «Мир приключений», книгу для подростков «Субмарина „Голубой кит“», наконец, повесть «У меня девять жизней».

Эта повесть была напечатана в 1969 году в журнале «Знание-сила». Сюжет построен по классической схеме приключенческой фантастики: герои с помощью нуль-транспортировки попадают в параллельный мир биологической цивилизации. На первый взгляд, обитатели этого мира сумели достичь идиллического слияния с природой, а потому счастливы и безмятежны. Все живое — люди, животные, растения — находится в положении гомеостазиса, сбалансированного равновесия (так аборигены и называют свою страну: Равновесие). Но идиллия обманчива: гармония общества, как выясняют герои, есть результат, с одной стороны, строжайшего соблюдения кастового принципа, а с другой — жесткой регламентации всех сторон жизни этого общества Наранами, биологическими компьютерами. Малейшие отклонения от равновесия — в любой области, будь то техника, политика или мораль — грозит нарушением социальной устойчивости. Система, замкнутая на себя самое, существующая только для себя, превращающая людей в покорных исполнителей, лишенных права на собственную жизнь, — как это знакомо нам…

Повесть эта актуальна и сейчас, через тридцать лет после ее публикации. И не только потому, что предупреждает нас, сколь опасен отход от правды. Но и потому, что помогает бороться за правду. «У меня девять жизней, у тебя только одна. Думай!» — эта надпись на плакате из повести Мирера перекликается с известными словами Стругацких: «Думать — не развлечение, а обязанность». Ибо только через интеллектуальное усилие, работу духа человек становится человеком. Если же погрузиться в сладостную дрему, недумание, отдавшись на волю тех, кто с помощью лжи приобрел власть вершить судьбы других людей, то… Мы, жители страны, ставшей жертвой самого длительного и трагического эксперимента в истории человечества, слишком хорошо знаем, что рождает сон разума в экономике, политике, культуре…

Окончание повести печаталось в июльском номере журнала «Знание-сила» за 1969 г.,[23] а в сентябре этого года секретариат Союза писателей РСФСР дружно проголосовал за исключение Солженицына из своих рядов… Откат в духовной жизни страны, начавшийся с процесса Синявского и Даниэля, ощущался с середины шестидесятых годов и в фантастике, в начале же семидесятых ситуация резко обострилось. Редакция фантастики «Молодой гвардии» была разогнана, места высокопрофессиональных редакторов заняли люди, единственным отличительным качеством которых была идеологическая надежность. Они называли себя «автоматчиками на службе прогресса» и — в этом отношении надо отдать им должное — действовали на выделенном им участке весьма успешно, с воистину комсомольским усердием производя издательскую селекцию. В результате такой политики (подкрепленной еще и тем, что решением Госкомиздата СССР «Молодая гвардия» стала практически монополистом выпуска фантастики в стране) в жанре сложилось положение, которое вполне можно описать с помощью давнишнего высказывания В. В. Розанова: «Оловянная литература. Оловянные люди ее пишут. Для оловянных читателей она существует».[24]

В 1976 г. АИ опубликовал в издательстве «Детская литература» роман «Дом скитальцев» (в немалой степени благодаря помощи Н. М. Берковой, бывшей ответственным редактором книги). В романе рассказывается о тоталитарном обществе, возникшем на планете балогов. Каждый член общества занимает строго определенную ячейку в социальной структуре, жизнедеятельность которой подчинена единственной цели: бесконечной экспансии цивилизации балогов в космос, называемой ими Путь. Путь — космический фашизм, несущий гибель всем обитаемым мирам, уничтожающий их историю и культуру и оставляющий, подобно нейтронной бомбе, нетронутой лишь материальную среду обитания.

И было понятно, реальность какой страны напоминает изображенный АИ фантастический мир, с его тотальной ложью и демагогией, культом «единственно верной» идеологии, мощным репрессивным аппаратом. А экспансия балогов в космос так напоминала неудержимое стремление советских партийных и государственных лидеров расширить зону коммунистического влияния с помощью «ограниченных контингентов».

Официозная научно-фантастическая литература со второй половины семидесятых все громче вела свою партию в сводном хоре муз, старательно воспевавших социалистический образ жизни. Отведенные фантастике издательские площади — и без

того более чем скромные — заняла окончательно «оловянная литература».

Творческая судьба АИ, как и многих талантливых и честных отечественных писателей, сложилась непросто. Печатался он мало, испытывая отвращение к тому, что надо ходить по редакциям, пробивать свои вещи, и не шел ни на какие компромиссы.

Потому-то после романа «Дом скитальцев» Мирер практически отошел от художественной прозы и стал заниматься литературоведением (под псевдонимом А. Зеркалов). Писал он преимущественно о тех прозаиках, чье творчество, по его мнению, было наиболее важно для развития русской фантастики XX в.: о Михаиле Булгакове и братьях Стругацких. Две его книги о Булгакове — «Евангелие Михаила Булгакова» и «Этика Михаила Булгакова» — вышли на Западе и имели заслуженный успех.[25]

Работу о романе «Мастер и Маргарита» АИ задумал в конце 1970-х. Писал он ее долго, перерабатывая горы материала — приходя к нему домой, я постоянно видел на письменном столе стопки книг. Тогда мне выпала редкая удача — возможность читать эту книгу в рукописи по главам…

В «Евангелии от Булгакова» АИ сосредоточился на исследовании той части «Мастера…», которую сам Булгаков называл «роман о Понтии Пилате». «Ерушалаимские» главы книги АИ рассматривал через призму обширнейшего корпуса первоисточников, к которым обращался Булгаков: Евангелии, Талмуд, труды древних историков (Флавия, Тацита, Филона Александрийского) и более поздних авторов (Д. Штрауса, А. Древса, Ф. Фаррара). АИ словно шел вослед Булгакову, реконструируя использованный им метод: скрупулезно-точное воспроизведение исторических деталей, которые в романе словно диффундируют в материал повествования. Отдельные сюжетные ходы и детали действия, ювелирно анализируемые АИ, предстают в совершенно ином, чем при обычном прочтении, свете, наполняются гораздо более глубоком смыслом, обретают историческую и эстетическую многомерность.

При этом книга АИ лишена однозначности — ведь автор, в отличие от многих историков литературы, не подгоняет исследование под заранее выстроенную теоретическую схему. Сущность работы АИ — в расширении горизонтов познания, ибо, по словам исследователя, «Роман о Пилате» не поддается аналитическому давлению, его невозможно свести к односторонней концепции, будь то религиозная или антицерковная. Он в своей мере согласуется с обеими и в той же мере противоречит им, ибо мера у него одна — неприятие

духовного насилия».[26]

Книги, подобной работе АИ, не было и нет в отечественном булгаковедении, к ней неприменимы традиционные жанровые дефиниции. Она настолько же уникальна в своем, литературоведческом, разряде, как уникален в своем, прозаическом, — роман Булгакова.

АИ прожил жизнь, не стараясь быть заметным, не желая уподобляться тем людям в литературном мире (имя им воистину легион…), которые живут с растопыренными локтями. Эта незаметность — внешняя, только внешняя, потому что стоило ему начать говорить, как замолкали все, в любой компании… — была отчасти сродни незаметности того героя Стругацких из «Стажеров», который «держал на плечах равновесие Мира»…[27]

Но вот он умер — и стало ясно, что мир обеднел…

В июле 2001 года, когда АИ умер, стояла тяжелая, испепеляющая жара, словно обесцвечивающая все вокруг. И теперь, думая о его смерти, я вспоминаю эту погоду — и сразу мир делается поблекшим, похожим на застиранную рубашку. Да, боль утраты неизменна, она остается. Но рядом с ней — и ощущение счастья, которое мне принесла наша дружба длиной почти в четверть века, и благодарность судьбе за то, что эти годы **— были**…

Юрий Лебедев
Не гладко даже на бумаге…

Опыт прочтения статьи Револьта Ивановича Пименова «Дифференциальные уравнения: насколько они оправданны?»

Револьт Иванович Пименов (1931–1990). Кто он? Вот краткий синопсис значимых событий его биографии. В 1949 году 18-летний Револьт Пименов, сын бывшего сотрудника ВЧК, написал заявление о выходе из комсомола «из-за расхождения его убеждений с существующими требованиями к комсомольцу», за что был помещен в психиатрическую лечебницу, но получил там справку о психическом здоровье. После этого закончил матмех Ленинградского университета по специальности «математик» и… создал нелегальную политическую организацию! За это был арестован в 1957 г. и осужден на десять лет. Во время отбытия наказания написал ряд работ по космологии и лингвистике и в 1963 г. досрочно освобожден по ходатайству академиков М. В. Келдыша, В. И. Смирнова и поэта А. Т. Твардовского. Освободившись, работал научным сотрудником Ленинградского отделения Математического института им. Стеклова Академии наук СССР, где в 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию «Тензорная теория полуэвклидовых и полуримановых пространств», а в 1969 г. докторскую по теме «Пространства кинематического типа», хотя диплом о присуждении ученой степени доктора физико-математических наук получил только в 1988 г., поскольку в 1970 г. был снова арестован и осужден к пяти годам ссылки за распространение самиздата. Отбыв ссылку, работал в Коми филиале АН СССР, был одним из первых переводчиков на русский язык книги Дж. Толкина «Властелин колец». На его лекции по истории русской революции собиралось огромное количество народа со всего Сыктывкара. В 1989 г., академик А. Д. Сахаров специально приезжал в Сыктывкар чтобы поддержать выдвижение кандидатуры Р. И. Пименова в состав Верховного Совета СССР, которые он, к счастью для истории России, проиграл, ибо в 1990 г. был избран депутатом Верховного Совета РСФСР и, как член Конституционной комиссии, является одним из соавторов первого варианта новой конституции России.

О чем речь?

В одном мгновенье видеть Вечность,
Огромный мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность,
И небо — в чашечке цветка.

У. Блэйк

Какую же «единую горсть» выбрать для представления читателю огромного пименовского мира? Политика, история, философия? Описывать политическую деятельность Р. И. Пименова и те страдания, которые выпали через нее на его долю, все равно что рассказывать только о том, что Антуан Лоран Лавуазье был откупщиком и казнен за это.

Да и сам Револьт Иванович эту сторону своей жизни относил не к своей деятельности, а, скорее, к неизбежному проявлению своей моральной конституции.

Думается, самое правильное — обратиться к главному делу его жизни — космологии. Именно ее Р. И. Пименов считал своей основной специальностью. Но пименовское рассмотрение космологии основано не на физико-философском основании, а на математике. Хотя, по свидетельству его брата Н. И. Щербакова, «Р. И. считал себя космологом, математиком он представлялся людям несведущим в математике и незнающим что такое космология вообще. Математика же была для него простым инструментом». Но, как всякий истинный профессионал, Револьт Иванович понимал, что плодотворно работать можно только с «хорошим инструментом». И потому я рассмотрю только одну его работу: «Дифференциальные уравнения: насколько они оправданны?».

Через нее многомерный и глубокий талант Р. И. Пименова открывает читателю совершенно неожиданное видение будущей естественнонаучной картины Мироздания. Вместе с тем, ее судьба каким-то мистическим образом подобна судьбе самого автора.

Она размещена в Интернете, но ни один «серьезный» математический или философский журнал или сборник так и не предоставил своего пространства для ее размещения. И, по сообщению Н. А. Громова, соратника и ученика Р. И. Пименова, «в

списке научных работ Р. И. Пименова… такая статья не значится».

Не вдаваясь в детали, сообщу, что при содействии известных философов И. А. Акчурина, В. И. Аршинова, В. В. Тарасенкова она появилась в одном из разделов сайта Института философии РАН — на сайте Московского международного синергетического форума http://www.synergetic.ru/science/differencialnye-uravnenia-naskolko-oni-opravdany.html

Второй попыткой прорыва к читателю является файл, выставленный на сайте Российского междисциплинарного семинара по темпорологии.

http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/pimenov_diffury/pimenov_diffury.htm

Размышления о прочитанном привели к убеждению — осознание «внематематического смысла» специальных математических понятий меняет картину мироздания.

Если я прав, т. е. если в математике возникли действительно «взрывоопасные» для современной научной картины мира идеи, то знать об этом должны все, кто основывает свое мировоззрение на научной базе. И сами математики, и физики, и лирики и даже бюрократы всех степеней — все, кто живет и строит свои жизненные планы, не сомневаясь, что, если сверкнула молния, то вслед за этим громыхнет гром, что, если удастся весело доказать читателю, что понедельник начинается в субботу, — обязательно станешь знаменитым, что, наконец, «если долго мучиться, то что-нибудь получится».

Конечно, понять специфику устройства таких «математических мин» для человека, далекого от новейших открытий естественных наук, совсем не просто. Но, как говаривал Евклид еще 2300 лет назад, «в геометрии нет особого пути даже для царей». И 23 века поисков таких путей к успеху не привели. Так что тот, кто решит проверить правильность моего убеждения об идеях Р. И. Пименова, должен помнить мудрость М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Не к тому будь готов, чтобы исполнить то или другое, а к тому, чтобы претерпеть».

Тех, кого не испугало это предупреждение, приглашаю последовать за мной в мир абстракций и чисел. Итак, что же новое открыл Р. И. Пименов в математическом инструментарии естествознания?

Принцип причинности

Часто простое кажется вздорным,
Черное белым, белое черным.
Мы выбираем, нас выбирают,
Как это часто не совпадает…

М. Танич

Если перевести содержание эпиграфа на физико-математический язык, то окажется, что эти строки выражают чрезвычайно сложную и фундаментальную философскую и естественнонаучную проблему ВЫБОРА. Ее можно сформулировать так:

нас ли выбирают обстоятельства (законы природы и начальные условия) для совершения тех или иных действий, или мы сами выбираем варианты поведения из предоставленных нам законами природы возможностей?

Первый вариант отражает концепцию детерминизма — движения по времени в соответствии с «объективными законами природы», предписывающими однозначную цепочку событий: причина — следствие. Пример: если шарик находится на гладкой горке (причина), то он обязательно скатится к определенной точке ее подножия (следствие). И, зная начальное его положение и «географию горки», мы по законам механики *всегда* можем вычислить положение в любой последующий миг. А если он находится на вершине? По какому склону он покатится? И тут детерминизм дает четкий ответ — ни по какому! Но стоит сместить шарик чуть-чуть (на бесконечно малое расстояние, на «дифференциал» от вершины) и точно знать, куда именно мы его сместили, детерминистические законы механики снова точно укажут результат его движения.

И в простых, и в более сложных случаях «наличие в природе дифференциала» определяет возможность предсказания поведения всей системы.

Напомню читателю смысл этого фундаментального математического понятия. По сути оно очень просто.

Утверждается, что «кривую» линию можно заменить последовательностью маленьких отрезков прямой. Причем таким образом, что основные математические свойства исходной линии (ее суммарная длина, области пространства, через которые она проходит) *почти* не изменяются. Важно подчеркнуть, что это «почти» может быть сделано таким маленьким, что отличие не будет обнаружено при *любой* заданной степени точности. И до середины XX в. считалось, что такую операцию можно проделать с любой кривой.

Дифференциал — это и есть тот отрезок прямой, которым заменяют истинную кривую на коротком участке с соблюдением указанного условия. Коротком настолько, что его называют «бесконечно малым». Естественно при этом, что дифференциал не имеет никакой внутренней структуры и равномерно заполнен точками.

Физическим следствием такой математической процедуры является появление принципа причинности — если в данной точке кривой лежит начало «отрезка дифференциала» (причина), то в его конце однозначно возникает другая точка — следствие.

Второй вариант — это вариант со «свободой воли». Квантовая неопределенность — это только другая форма этого понятия. Здесь именно она, таинственная, но реальная способность к «свободному выбору» значения пары «причина — следствие» определяет направления движения во времени и творит действительность.

Что же осознал Р. И. Пименов? Оказалось, что техническое в математике понятие дифференциала незаслуженно заняло место физико-философского принципа причинности. Почему это произошло?

Непрерывность и причинность

Я много лет пиджак ношу,
Давно потерся и не нов он.
И я зову к себе портного
И перешить пиджак прошу.

Б. Окуджава

Теперь перейдем к разбору сути эссе Р. И. Пименова. Оно посвящено обсуждению применимости традиционного математического аппарата к физической природе вещей.

Аппарат этот чрезвычайно сложен. Но, вслед за Р. И. Пименовым, нас будет интересовать «дифференциально-топологический этаж» математического здания. О дифференциале было сказано выше. Теперь рассмотрим еще два математических понятия — *топология* и *гладкость*.

В «Большом толковом словаре современного русского языка» Д. Н. Ушакова дано такое определение: «ТОПОЛО́ГИЯ, топологии, мн. нет, *жен.* (от *греч.* topos — место и logos — учение) (мат.). Часть геометрии, исследующая качественные свойства фигур (*т. е.* независящие от таких понятий, как длина, величина углов, прямолинейность и т. п.)». Более строго можно сказать, что топология — это конкретное средство объединения близких элементов множества в особые *непрерывные* подмножества.

Важно отметить, что современная топология имеет дело не только с геометрическими множествами (линиями, фигурами, телами), но и с любыми множествами.

Конкретизируя математические абстракции, можно отметить, что очень богато топологиями, например, множество живущих на Земле людей — человечество. Расы, языки, темпераменты, ментальности, профессии и многие другие виды общностей могут являться конкретными топологическими принципами объединения людей в реальные целостные подмножества.

В математике топология занимается изучением в самом общем виде проявлений непрерывности пространства, т. е. его свойств, которые остаются неизменными при непрерывных деформациях — изгибах, растяжениях, сжатиях, скручивании и т. п. *без разрывов*.

В отличие от метрических геометрий, в топологии не рассматриваются свойства объектов, характеризующиеся

расстоянием между парой элементов (точек). И топологически эквивалентными оказываются, например, куб и сфера. Надуйте резиновый куб, и он превратится в сферу!

Теперь о гладкости — «главном герое» эссе Р. И. Пименова. Вот как характеризует он современное понимание гладкости в математике: «…дифференциальная топология установила, что гладкость является совершенно самостоятельным объектом, НЕ ВЫВОДИМЫМ и НЕ СВОДИМЫМ ни из, ни к другим конструкциям».

Дифференциальная топология — это раздел топологии, основанный на аппарате дифференциального исчисления. И именно аксиомы математического анализа (прежде всего, существование бесконечно малых величин и их свойства) и являются основаниями для описания гладкости пространства.

Здесь хотелось бы предупредить читателя от одного распространенного заблуждения. Пространство в математике и физике — это не «бесструктурная и бесформенная пустота». В математике у пространства есть две обязательные характеристики — размерность и метрика. Размерность определяется по числу независимых характеристик (измерений), которые необходимы, чтобы определить точку в этом пространстве. А метрика — это способ задания расстояний между точками пространства. Например, две точки на шаре разделены расстоянием, которое может измеряться «по прямой» (в земных условиях — это прямой туннель из, скажем, Москвы до Иерусалима), а может — по «геодезической», которая равна кратчайшему маршруту самолета на этой трассе.

Чаще всего рассматривают и обсуждают обычное евклидово пространство n измерений. (Напомню, что евклидовыми называют те пространства, расстояния между точками которых измеряются так, как мы определили для «прямого туннеля» — по теореме Пифагора). И, если не оговаривается особо, то по умолчанию принимают $n = 3$. Чаще просто потому, что мы считаем «наше физическое пространство» трехмерным евклидовым. Но после открытия неевклидовых геометрий и гиперкомплексных чисел в поле зрения математики попали и многие другие пространства, и сегодня их со всеми вариациями и обобщениями существует, вероятно, не меньше, «чем Донов Педров в Бразилии».

Если отвлечься от математического «птичьего языка», то гладкость можно и не определять. Она «дана нам в ощущении» даже в отсутствие зрения, просто «на ощупь». Того же мнения о сущности гладкости придерживается и известный космолог Брайан Грин: «Понятие „гладкости“ имеет конкретный математический смысл, но общеупотребительное значение слова

„гладкость“ хорошо передает суть этого понятия: гладкий — значит без складок, без проколов, без отдельных „нагроможденных“ друг на друга кусков, без разрывов. Если бы в структуре пространства существовали такие нерегулярности, уравнения общей теории относительности нарушались бы, оповещая о космической катастрофе того или иного рода: зловещая перспектива, которую наша Вселенная благоразумно обходит».

Обратим внимание — Б. Грин говорит здесь о гладкости *трехмерного пространства.* Это, как будет видно из дальнейшего, весьма важное обстоятельство!

Итак, существование дифференциала порождает гладкость во всех геометриях. А гладкость порождает причинность.

Все ли в этом мире гладко?

Кому-то стало дурно,
Казалось, жуть минуты
Простерлась от Кинбурна
До хуторов и фольварков
За мысом Тарканхутом.

Б.Пастернак

Математический аппарат дифференциального исчисления, основанный на представлении гладкости пространства, использовался и используется физиками для описания реальности во всех ее масштабах: от микромира стандартной квантовой механики с ее уравнениями Шредингера и Дирака, до макромира и даже всего универса в СТО и ОТО Эйнштейна, во всех мыслимых диапазонах скоростей и масс взаимодействующих тел.

Что из всего этого следует? Р. И. Пименов пишет: «… Сложившуюся ситуацию вроде можно было бы описать такими словами: фактически для оправдания как парадигмы дифференциальных уравнений, так и парадигмы детерминированности, использовался НЕЯВНЫЙ ПОСТУЛАТ о выделенности гладких движений».

Почему «парадигма детерминированности» или, другими словами, «стрела времени», попала в один ряд с парадигмой дифференциальных уравнений? Это стало неизбежным в начале XX века, когда физики осознанно ввели новый конструкт — «пространство-время», в котором время объединялось с пространством посредством особой метрики Минковского. И с тех пор детерминизм — однозначная связь прошлого с настоящим и будущим — стал элементом конструкции четырехмерного множества пространства-времени.

И до середины XX века «все было в порядке». Но вот, замечает Р. И. Пименов, «в семидесятые годы XX века Мандельброт выпустил книгу, где собрал богатый материал, убедительно вводивший в практический оборот многие из казавшихся безнадежно „абстрактными“, „заумными“, „патологическими“ математических конструктов.

Заумными и патологическими их считали потому, что в них было невозможно ввести понятие дифференциала. Любой их самый маленький элемент (отрезок, площадка, объем) оказывался

„сложно устроенным“ и не имел „бесструктурных областей“, необходимых для существования дифференциалов.

И канторовы дисконтинуумы, и покрывающая всю плоскость кривая Пеано, и ковры-кривые Коха и Серпиньского выглядят теперь как обнаруженные в реальности „главы“ из „геометрии природы“; они помогли понять лунный пейзаж, скопления галактик и многое другое столь же невыдуманное, а глазам предлежащее».

Ковер Серпиньского. Алгоритм его построения таков: берется квадрат, тремя горизонтальными и тремя вертикальными прямыми делится на девять равных квадратов и центральный удаляется (вырезается). На следующем шаге точно так же поступают с оставшимися восемью квадратами. В результате, при бесконечном числе итераций, из квадратной плоскости получается фантастический ковер, состоящий из бесчисленного количества квадратных дырок, площадь основы которого стремится к нулю.

Здесь не место описывать и разъяснять подробно новую «парадигму фракталов». В том смысле, который отражает взгляд Р. И. Пименова, можно характеризовать фрактал как не обязательно гладкое самоподобное множество. Проще говоря, любой элемент фрактала при увеличении масштаба его рассмотрения оказывается похожим сам на себя при прежнем масштабе. Посмотрите еще раз на ковер Серпиньского. Каждая его темная площадка при рассмотрении в микроскоп оказывается таким же «дырявым ковром», как и изображенный на рисунке. И чем сильнее увеличение микроскопа, тем на более глубоком уровне мы обнаруживаем это странное свойство. И *нет предела* такого углубления!

Для тех, кто не знаком с математическими описаниями фракталов, лучше всего будет набрать это слово в любом интернет-поисковике и любоваться неожиданными красотами графического выражения этих «„заумных“ математических конструктов».

Например, таким, какой изображен на первой странице обложки журнала.

Для нас сейчас важно осознать, что с появлением фракталов укрепилось представление о том, что дифференциальные уравнения — не универсальное средство описания физической реальности! Загадочное свойство «фрактальной размерности» реальных объектов никак не соответствует ни математическому, ни «житейскому» пониманию гладкости пространства.

С появлением фракталов стало ясно, что ни уравнение Шредингера, ни уравнение Эйнштейна, казавшиеся универсальными инструментами, пригодными *в принципе* для описания *любой физической реальности,* как раз *в принципе* не только *для любой,* но и *для нашей* таковыми не являются. Не все гладко в нашем мире!

Мы выбираем!

Берите все, что видите, на веру,
Рыдайте вслух и радуйтесь взахлеб,
А жизненного опыта химеру
На этот случай сдайте в гардероб!..

Л.Филатов

Некоторое время можно было надеяться, что все-таки большинство известных физических явлений хотя бы приблизительно можно описать с помощью дифференциальных уравнений.

Анализ, выполненный математиками, показал, что в случаях размерностей 1,2,3 и даже отчасти 5 и 6, это соответствует математической реальности. И, поскольку мы считаем наше физическое пространство трехмерным, то его характеристика, данная Б. Грином, вполне корректна.

Но, как сообщает Р. Пименов, «…Обнаружилось, что в размерности четыре ситуация совершенно иная. В той самой размерности, которая нужнее всего физике. Ибо физике нужна еще координата *t* сверх координат (*x, y, z*): без *t* вообще о детерминации и говорить нелепо. Прежде всего, оказалось, что существуют такие 4-многообразия, на которых НЕЛЬЗЯ ВВЕСТИ НИКАКОЙ ГЛАДКОСТИ… Обнаружено, что на R^4 существует несколько… различных гладкостей…»

Это утверждение Револьта Ивановича хорошо иллюстрирует доказанная в 1976 г. американскими математиками Кеннетом Аппелем и Вольфгангом Хакеном теорема о том, что ЧЕТЫРЬМЯ различными красками можно раскрасить бесконечное число различных карт. А карта — это как раз топологическое многообразие. Как подсказал мне математик и блестящий толкователь «математических премудростей» А. В. Коганов, которому я признателен за весьма полезные замечания, множество R^M можно сопоставить известной детской развивающей процедуре раскрашивания картинок: «каждый ретушер может выбрать свои цвета для деталей контурного изображения. И набор всех возможных раскрасок аналогичен множеству всех отображений множества деталей в множество

цветов». А цвета — это «топологическая размерность».

Более того! Математика утверждает, как пишет Р. И. Пименов, что «… *Даже в тех случаях, когда гладкость существует, она НЕ ЕДИНСТВЕННА для размерностей, начиная с 4… Объекты для разных гладкостей устроены существенно по-иному, они не изоморфны, значит, надо уметь ВЫБИРАТЬ СРЕДИ ЭТИХ ОБЪЕКТОВ. А мы не умеем. Нам не было нужды прежде проводить такой выбор, и мы не научились.*

Может быть, мы научимся справляться с релятивностью гладкости. Не знаю. Я ведь пишу не о будущем, а о прошлом и о настоящем. В настоящем мы не умеем, в прошлом мы и не подозревали, что должны уметь».

Вот ключевая мысль пименовского эссе! Здесь Револьт Иванович обращает внимание на то, что разные гладкости *не изоморфны.*

Изоморфизм — «одинаковость формы». А если нет изоморфизма, значит, пространства имеют разные структуры, а неизоморфные объекты и «устроены по-разному».

Так, бурные политические события на рубеже тысячелетий привели к тому, что политические карты мира 1990 и 2011 гг. топологически совершенно разные объекты!

Почти одновременно с Р. И. Пименовым на экзотические гладкости и их применение к теории пространства-времени в 1987 году обратил внимание и А. К. Гуц, который тогда же обсуждал эти проблемы с Р. И. Пименовым.

Итак, даже в «классических случаях», описываемых «нашим» четырехмерным пространством-временем, мы, оказывается, каким-то образом ВЫБИРАЕМ среди множества РЕАЛЬНЫХ форм существования объектов только одну и живем в этом своем выборе!

Каков механизм этого выбора, как конкретно описать его математически — это и есть «прикладные вопросы», над которыми нужно работать. При этом, как заметил А. К. Гуц, «главная трудность состоит в том, что сама гладкость как-то не описывается без гладкости. Чего-то мы пока не понимаем».

Но вывод из «абстрактно-математических» результатов дифференциальной топологии вполне очевиден: *физическое многомирие с математической точки зрения возможно.*

Это ясно и самому Р. Пименову, который так говорит о мировоззренческих следствиях своего анализа применимости дифференциальных уравнений для описания реальности: «А это означает, что все, что писалось о детерминизме в XVIII–XX веках,

НАДО ЗАЧЕРКНУТЬ. Ведь если у нас нет критерия „абсолютно различить“ гладкую траекторию от негладкой… то спрашивается, по каким же траекториям переносится „настоящее“ физическое воздействие?.. Вся идеология использования дифференциальных уравнений для детерминации будущего на основе настоящего и прошлого рушится из-за релятивизации гладкости… Детерминизм не был „выведен логически“ или „доказан математически“. Мы всего лишь ВЕРИЛИ В ДЕТЕРМИНИЗМ».

Со времен Лапласа принято считать, что у всякого следствия есть однозначная причина. «Классический математик» переводит это на математический язык — у любой функции есть дифференциал. В этом и состоит сущность лапласовского детерминизма.

После осознания сказанного Р. И. Пименовым, этот детерминизм, как мировоззренческий принцип, перестает быть *всеобщим.*

И круг задач, которые подчиняются парадигме дифференциальных уравнений, уже не всеобъемлющ. А среди первых разделов физики, актуальные интересы которых выходят за его пределы, следует указать на современную космологию.

Причинность в космологии

Тебе, Чей Сумрак был так ярок,
Чей Голос тихостью зовет, —
Приподними небесных арок
Все опускающийся свод.

А.Блок

Будучи именно космологом и понимая, что вслед за ним пойдут другие исследователи, не столь искушенные в математике, Р. И. Пименов подчеркивает: «Предупредим одно возражение, недоразумение, которое может родиться у нематематика, знакомого все же с достижениями современной физической космологии. В последней оживленно обсуждаются „сингулярности“, исследуются те или иные „особые точки“, где перестают быть применимыми методы дифференциальных уравнений. Может показаться, будто бы это и есть те самые „негладкие модели“, о которых мы пишем. Нет… Это особенности в УЖЕ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ ГЛАДКОСТИ. Нынешняя космология может (при усилии) справиться с КОНЕЧНЫМ числом особых точек, тогда как нарождающаяся концепция… скорее склонна к моделям, где особых точек бесконечно много и где они распределены всюду плотно, т. е. НЕУСТРАНИМО. Прибегнув к несколько легкомысленному сравнению, скажем так: упоминание в современной космологии сингулярностей подобно выезду горожан-туристов на лоно природы, максимум с одной-двумя ночевками и с прихваченными собою дарами города. А теория „непрерывного-не-гладкого“ подобна безвыездной жизни в тайге от рождения».

Это было написано 11 мая 1988 г. в Сыктывкаре, вдалеке от крупных научных центров, где он, как мы знаем, оказался совсем не по своей воле. Тем не менее «общий план» поля научного действа Р. И. Пименов видел удивительно ясно — современные ему космологические исследования в своем большинстве действительно были подобны «выезду горожан-туристов на лоно природы…»

Но в отдельных точках этого поля уже тогда возникли удивительные ростки новой теории — космологической

инфляции. С 1980 года ее развивали известный советский физик А. А. Старобинский, американец А. Гут и, особенно интенсивно и плодотворно, скромный и робкий в те времена сотрудник ФИАН им. П. Н. Лебедева, А. Д. Линде. Его работы тех времен сегодня — космологическая классика.

И почти через 30 лет после оценки Р. И. Пименова, 10 июня 2007 года, в переполненном конференц-зале ФИАН им. П. Н. Лебедева, Андрей Дмитриевич Линде — теперь уже знаменитый космолог, профессор физики Стэнфордского университета — читал лекцию о сегодняшнем состоянии этой теории. В ней он, в частности, рассказывал о новом космологическом объекте, особенно ярко «проявившемся» в ходе развития этой теории — мультиверсе, или физическом многомирии. Вот как представил Андрей Дмитриевич один из вариантов «энергетической карты» этого объекта:

Комментируя этот слайд, А. Д. Линде сказал: «Каждый из этих пиков на самом деле является экспоненциально большой Вселенной, и в каждой из них свои законы физики, и они все еще продолжают меняться».

Нет, это не «миры Эверетта», не альтерверс. Это — мультиверс, один из четырех типологических видов физического многомирия по Тегмарку.

Не правда ли, этот «пейзаж Мироздания», увиденный современной космологией, по своему духу и настроению уже отчетливо напоминает то, о чем Револьт Иванович писал как о «безвыездной жизни в тайге от рождения»? Но ясно, что математическая «теория „непрерывного-не-гладкого“» многомирия будет еще сложнее. И в «математическом дворце» кроме башни дифференциальных уравнений с лапласовской причинностью появится новый архитектурный элемент, какая-нибудь «пименовская галерея», с которой будет легко и удобно рассматривать детали строения «мультиверса по Линде».

Дорога в тысячу ли…

Дорога в тысячу ли начинается с одного шага, — гласит пословица. Жалко, что от него не зависит дорога обратно, превосходящая многократно тысячу ли. Особенно отсчитывая от «о».

Одна ли тысяча ли, две ли тысячи ли…

И.Бродский

Ее строительство, собственно, уже началось. Как сообщил мне А. К. Гуц, еще «в Кишеневе (1988) я сказал Пименову о мысли использовать топосы для описания гладкого пространства-времени. Мысль проста — не задавать гладкость — неясно как это делать без гладкости — а написать синтетическую аксиоматику, т. е. формальную теорию, среди множества моделей которой будут разные гладкие модели. Его реакция была скорее отрицательной: его обескуражила возможность безобразно большого числа моделей. Мультиверс — так сейчас это называется! Ему хотелось сделать все традиционными методами. Но он меня поддержал. Дал силы. Уже на обратном пути, в самолете я сделал первые наброски. Моя статья вышла уже после его смерти в ДАН СССР и стала первой статьей по применению топосов в теории относительности». И, как отмечает Александр Константинович, «возможно, неединственность гладкости — это путеводная звезда». С ним согласен и профессор С. В. Сипаров: «В ходе построения финслеровой теории анизотропного пространства-времени выявляется неизбежность перехода от привычных гладких функций к функциям более широкого класса». А. В. Коганов отмечает, что «в точке, где нет гладкости изменения параметров процесса, появляется возможность продолжать процесс многими способами, поскольку возможные касательные к траектории заполняют некоторый сектор пространства. И это дает математическую модель свободы волевого выбора пути».

Однако, с сожалением констатирует А. К. Гуц, «больно сложно здесь продвигаться». Сложно настолько, что за прошедшие десятилетия после пионерских работ Р. И. Пименова и А. К. Гуца первая книга о разнообразии гладкостей вышла только в 2007 г. в Сингапуре.

… Вот что я вижу в тексте статьи Р. И. Пименова сегодня. Разумеется, у другого читателя может возникнуть иное восприятие, ведь, как гласит пословица, «свой глазок — смотрок!». Возможно, я чего-то не понял, возможно даже, что и Револьт Иванович в чем-то ошибался. Уж очень сложен лабиринт, в который превратилась современная математика.

Но безусловно одно — эту статью следует читать внимательно и многим. Тем, кого я убедил, будет важно утвердиться в новом отношении к принципу причинности. Те, кто не согласился со мною, должны найти в первоисточнике опровергающие мои рассуждения аргументы. Увлечение же молодого читателя, еще только ищущего объект приложения своих интеллектуальных сил, на огромную стройку математического дома, туда, где после обучения и овладения необходимым «инструментарием», он смог бы самостоятельно трудиться на постройке «пименовской галереи», которой сегодня очень не хватает энтузиастов-профессионалов, я считаю одной из главных целей этой своей статьи.

Эссе Р. И. Пименова о проблеме выбора. И далеко не только в математике: и физик, и философ, и просто любой «думающий человек» постоянно сталкивается с ней и постоянно ее решает. И я ставлю читателя перед выбором: принять ли вызов, брошенный Револьтом Ивановичем парадигме детерминизма, или верить в то, что «слаб человек и от нас ничего не зависит — прошлые причины породили нынешнее настоящее и мостят дорогу в неизбежное будущее…»

Михаил Шульман
Новости космологии

Скорость света — все-таки предел!

В прошлом обзоре рассказывалось о бурной дискуссии по поводу того, что скорость движения потока нейтрино оказалась больше скорости света. Первые сообщения о регистрации мюонных нейтрино, движущихся со сверхсветовой скоростью, появились 23 сентября 2011 года. Тогда удалось установить (эксперимент группы OPERA), что нейтрино из CERN приходят в Гран-Сассо в среднем на 60 наносекунд раньше расчетного времени. Получалось, что частицы движутся с 1,0000248 световой скорости. И вот 8 июня 2012 года информационный портал «Лента. Ру» сообщил, что в этой дискуссии поставлена точка (http://www.lenta.ru/news/2012/06/08/cern/): CERN официально опроверг информацию о сверхсветовых нейтрино.

По словам Серджио Бертолуччи, директора по исследованиям CERN, данные о сверхсветовых скоростях частиц стали результатом ошибки эксперимента, которую удалось обнаружить благодаря данным «конкурирующих» с OPERA экспериментов — Borexino, ICARUS и LVD. Во всех четырех экспериментах измерялись времена прибытия нейтринных пучков.

За несколько последних месяцев появилось большое количество разных объяснений удивительного явления, как теоретических, так и связанных с практической реализацией эксперимента. В частности, французские и итальянские астрофизики выдвигали гипотезу о том, что «сверхсветовые нейтрино» могут объяснить наблюдаемые свойства загадочных гамма-всплесков (http://lenta.ru/news/2011/09/27/grb/).

На самом же деле все оказалось просто: оптико-волоконный кабель от приемника GPS был плохо соединен с компьютером. Между тем, расчеты времени прохождения сигнала по кабелю очень чувствительные к таким, казалось бы, маловажным деталям. Когда сугубо технический недосмотр исправили, физики заново вычислили, за какое время оптический сигнал проходил по кабелю — это время оказалось меньше на те самые 60 наносекунд!

http://lenta.ru/news/2012/02/23/neutrino/

Кто открыл расширение Вселенной?

Большой интерес научного сообщества вызвала дискуссия об *истории* главного открытия современной астрофизики — расширения Вселенной.

Как известно, в 1917 году Альберт Эйнштейн вывел из своих фундаментальных уравнений общей теории относительности решение для *статической* модели. В 1922 году российский физик Александр Фридман обнаружил, что уравнения Эйнштейна допускают *динамическую* Вселенную, однако он не связывал это открытие с астрономическими наблюдениями. За исключением Эйнштейна, который не считал динамические решения физически состоятельными, никто не обратил внимания на работы Фридмана. И только в 1927 году еще один выдающийся теоретик — бельгийский ученый и католический священник Жорж Лемэтр — также нашел нестационарное решение уравнений Эйнштейна. Если Фридман исследовал эти уравнения с чисто математических позиций, без каких-либо попыток связать их со свойствами реальной Вселенной, то совершенно независимая работа Лемэтра, напротив, была прямо вдохновлена идеей установления этих свойств в самом практическом смысле.

Лемэтр не только предложил решение (намного более ясное с физической точки зрения), в котором теоретически был сформулирован закон расширения Вселенной, но и проанализировал данные, полученные из наблюдений Эдвина Хаббла 1926 года о расстояниях до внегалактических объектов и данные Алана Слайфера по красным смещениям линий в спектрах галактик. С помощью этих данных Лемэтр впервые получил численную оценку коэффициента пропорциональности между скоростью удаления галактики и расстоянием до нее. Позже этот коэффициент получил название «параметр Хаббла».

Тем временем к 1929 году выдающийся американский астроном Эдвин Хаббл, проведя многочисленные тщательные измерения расстояний до галактик и их радиальных скоростей, сформулировал знаменитый закон, носящий его имя. Этот закон гласит, что подавляющее большинство галактик удаляется от нас, причем скорость удаления галактики пропорциональна расстоянию до нее. Такой вывод был сделан на основании эффекта смещения спектральных линий света, приходящего от галактик; этот эффект принято называть «красным смещением», а его связь с радиальной скоростью первоначально связывали с эффектом Доплера. Об этой связи первым написал сам Лемэтр в своей статье, хотя фактически из его анализа следовал иной (не

кинематический) механизм явления — теперь его связывают со «старением» фотонов в процессе расширения Вселенной. Мы еще вернемся позже к обсуждению этого вопроса.

Так вот, тема проходившей в последнее время дискуссии была следующей: *пытался ли* Хаббл при издании перевода статьи Лемэтра на английский язык в 1931 году *умалить* роль Лемэтра, изъяв из перевода параграф, где автор статьи вычисляет значение коэффициента пропорциональности, ссылаясь на данные наблюдений.

В электронном Архиве научных публикаций (http://arxiv.org), который в настоящее время является наиболее оперативным и полным источником серьезной научной информации по физике, астрономии и космологии в Интернете, не так давно появился ряд публикаций, авторы которых тщательно исследовали историю появления, редактирования и публикации английской версии статьи Лемэтра. Обсуждение было весьма эмоциональным, приводились аргументы и соображения в пользу того, что Хаббл вполне был способен сознательно подвергнуть статью цензуре (или как-то косвенно повлиять на редакцию), чтобы выпятить собственную роль в открытии. (Об этом можно прочитать в статьях: arXiv:1107.2281v2; arXiv:1108.0709v1; arXiv:1106.3928v2).

Наконец, в номере журнала «Nature» (10.11.2011) появилась статья израильского ученого, работающего в США, Марио Ливио «Тайна перевода статьи Лемэтра раскрыта» (Mario Livio «Mystery of the missing text solved»). Чтобы найти окончательный ответ, он получил разрешение от библиотекаря Королевского Астрономического Общества и шеф-редактора авторитетного журнала «*Monthly Notices of the Royal Astronomical Society*» изучить протоколы и переписку Совета Королевского Астрономического Общества за 1931 год. В результате архивного поиска Ливио обнаружил два решающих документа, из которых следовало, что английский текст статьи был написан самим Лемэтром, и пресловутый параграф из французского первоисточника он не включил в нее, поскольку объем астрономических данных увеличился, и они были хорошо известны к тому времени. Таким образом, репутация Хаббла оказалась восстановленной.[28]

Особо отметим, что эта современная историко-научная дискуссия вовсе не о приоритетах. Сегодня, когда авторами крупных научных открытий являются, как правило, большие научные коллективы, индивидуальный приоритет «уходит в тень». Но важно, что добросовестность и добропорядочность ученых была и остается краеугольным камнем научной этики. И рассмотренная выше ситуация с «открытием» сверхсветовых

нейтрино и, в еще большей степени, с их «закрытием», особенно показательна в этом отношении.

Эффект Доплера или «растяжение» световой волны?

Вернемся, однако, к объяснению «красного смещения». В 1927 году Ж. Лемэтр предпринял попытку объяснить этот эффект на основе общей теории относительности (ОТО) применительно к расширяющейся Вселенной. Хотя он использовал термин «эффект Доплера», фактически его модель явления опиралась не на величину *относительной скорости* (т. е. на кинематический фактор), а на величину *расстояния* до галактики в момент излучения ею фотона. Такая модель основана на фундаментальном утверждении общей теории относительности о том, что свет распространяется по *геодезическим* мировым линиям с постоянной скоростью. Геодезические линии — это линии кратчайшего расстояния между точками в пространстве данной кривизны. На плоскости они являются прямыми, а на сфере — дугами.

Из постоянства скорости следует, что в процессе *пространственного* расширения Вселенной пропорционально «растягивается» и *время*. Далее Лемэтр рассмотрел моменты излучения и наблюдения переднего и заднего гребней световой волны: поскольку на *этапе наблюдения* интервалы времени *растянуты* относительно *этапа излучения*. Он и сделал вывод о «красном смещении» светового кванта.

Наблюдения подтверждают вывод о растяжении времени: так, теоретически стандартный период времени между основными фазами кривой яркости сверхновой при наблюдениях действительно оказывается пропорциональным удаленности сверхновой от земного наблюдателя. Поэтому объяснение красного смещения, предложенное Лемэтром, является общепринятым. Однако такое объяснение входит в фундаментальное противоречие с законом сохранения энергии во Вселенной. Поскольку энергия светового кванта однозначно определяется длиной его волны — чем больше длина волны, тем меньше энергия, — то, если длина волны растет (квант «краснеет»), энергия световых квантов в процессе расширения Вселенной уменьшается. Но куда исчезает этот избыток энергии? Если энергия кванта в процессе движения не передается ничему, то ее уменьшение может иметь место лишь при нарушении закона сохранения энергии; если же квант терял бы часть своей энергии («старел»), передавая ее другим фотонам или частицам среды, то направление его движения изменялось бы, изображения

далеких галактик были бы расплывчатыми, нечеткими и размытыми тем сильнее, чем дальше эта галактика находится. На самом же деле изображения как близких, так и далеких галактик достаточно четкие и не зависят от их удаленности от наблюдателя.

Поэтому появились работы, в которых изучалась возможность использования эффекта Доплера для объяснения красного смещения. Так, в недавней работе Фульвио Мелиа из США (arXiv:1202.0775v1) обращается внимание на весьма интересное обстоятельство: точно такое же выражение для параметра красного смещения получается в *статической* метрике (точнее, в *шести* различных моделях статической метрики), где расширение Вселенной вообще не имеет места, и речь может идти только об эффекте Доплера.

Более того, в работах Банна и Хогга (Bunn, E. F., Hogg, D. W. 2009, AmJPh, 77, 688 (BH9), а также М. Ходоровского (Michal J. Chodorowski, arXiv:0911.3536v3) авторы обосновывают тезис, согласно которому космологическое красное смещение имеет *чисто кинематическую природу*.

Однако, вопреки этим результатам, в работе Браека и Элгароу (Simen Braeck and Oystein Elgaroy, arXiv:1206.0927v1) выводится точная формула для космологического красного смещения. В правой части этой формулы стоит *произведение* обычного выражения для релятивистского (*кинематического*) эффекта Доплера и хорошо известного *«гравитационного»* отношения радиусов кривизны Вселенной в моменты излучения и наблюдения света для космологического красного смещения. Из формулы следует, что для *сопутствующих* наблюдателей, т. е. наблюдателей, движущихся вместе со световым квантом, красное смещение является эффектом, обусловленным исключительно расширением Вселенной, и оно может рассматриваться в качестве эффекта Доплера только тогда, когда расстояние между наблюдателем и источником света обращается в нуль (о переводах этих работ см. выше сноску). Что ж — дискуссия продолжается…

Ускоряется ли расширение Вселенной?

В обзоре научных новостей предыдущего выпуска мой коллега, ведя речь о присуждении Нобелевской премии по физике за 2011 год в связи с открытием ускоренного расширения Вселенной в нашу эпоху, справедливо писал: «Все эти подтверждения опираются именно на представления Стандартной космологической модели. Однако не следует думать, что вопрос об интерпретации экспериментальных данных, полученных лауреатами, закрыт».

Я бы хотел уточнить, что, строго говоря, *экспериментально* было открыто вовсе не ускоренное расширение Вселенной, а специфический астрофизический эффект: видимая яркость сверхновых типа Ia изменялась с расстоянием до них не совсем так, как ожидалось. Чтобы объяснить этот эффект, и была доработана Стандартная модель, в которую пришлось ввести новую степень свободы — так называемую космологическую постоянную, введенную (а потом исключенную из теории) когда-то еще самим Эйнштейном. Подобрав численное значение этой постоянной, авторы открытия добились удовлетворительного совпадения наблюдательных данных с теорией. Справедливости ради добавлю, что это же значение космологической постоянной хорошо соответствует данным по гравитационному линзированию (искривлению световых лучей при прохождении мимо массивных объектов) и эффекту Сюняева-Зельдовича (изменение интенсивности радиоизлучения космического фона при рассеянии на горячих электронах межзвездного и межгалактического газа).

Аналогичное возражение приводится в статье известного польского космолога Анджея Красиньски (Andrzej Krasinski, arXiv:1110.1828v1): «Ускоренное расширение» Вселенной является не *наблюдаемым* феноменом, а элементом *интерпретации наблюдений*, к которой нас побуждают принятые большинством космологов модели. Сам Красиньски предлагает альтернативную возможность объяснения открытого эффекта пониженной светимости сверхновых на основе модели неоднородной Вселенной, в которой «ускоренное расширение» оказывается иллюзией (о переводах этих работ см. выше сноску).

Открытие века?

4 июля 2012 г. на семинаре CERN в Женеве произошло событие, которого ждали все, кто хотя бы краем уха следит за новостями науки. Суть этого события изложена в пресс-релизе CERN (http://press.web.cern.ch/press/PressReleases/Releases2012/PR17.12E.html) и состоит в том, что бозон Хиггса экспериментально «почти обнаружен».

Что это означает для современной физики? Рассказать об этом «в двух словах» так же трудно, как изложить содержание «Улисса» Джойса или «Войны и мира» Толстого в формате «Abstract». Тем не менее, в следующем обзоре научных новостей нашего журнала мы постараемся это сделать.

А пока отсылаем читателя к многочисленным комментариям в интернете — они помогут «войти в тему» тем, кто хочет этого.

http://slon.ru/world/bozon_khiggsa_chastitsa_boga_poymana_v_rukotvornom_adu_s_pomoshchyu_r

http://i-innomir.ru/posts/1359

http://elementy.ru/news/431868

Елена Соснина
Хлеб Вселенной

Дождевая завеса у краешка леса,
Ни единого признака жизни.
И как будто бы нет ничего: ни прогресса,
Ни людей, ни религий, ни чисел.

Но над лесом белесым есть умное поле,
Уходящее в самое небо,
И похоже оно на кусок треугольный
Ноздреватого белого хлеба.

Это — важная пища, для разума свыше.
Из нее появляются звезды.
Хлебным духом большая Вселенная дышит
И печет наши мысли и грезы.

Андрей Медведев
Из позднего Вийона

Как блеск меча в таинственной ночи —
Сигнал о неизбежной передряге,
Так непорочно чистый лист бумаги —
Хороший знак того, что разум чист.

Неважен слог, в котором нет любви
К чему-нибудь, а может, и к кому-то,
На вид скромна и немощна минута,
Но миг стыда неделями кровит.

Отшельник прав, но нет верней молитв,
Чем те, которые не для латыни,
Болит душа, и тело в страхе стынет,
Когда надежды не видать вдали.

Чем больше слов покоится в гробах,
Тем легче путь к природе и достатку,
Но если смысл в служении повадкам,
То нет счастливей сытого раба.

Александр Габриэль
«Мир непригляден, обезображен…»

Мир непригляден, обезображен,
кажется штукой пустой и глупой,
если глядеть из замочных скважин,
вооружившись огромной лупой.
Ниточки трещин — заметны сразу.
Все не по правилам, не по смете.
Как очевидно больному глазу
несовершенство всего на свете!
Мир — как товар на блошином рынке:
грязь органична и безусловна…
Ну а в глазах у людей соринки
вдруг вырастают размером с бревна.
Не привыкая к порядкам здешним,
не загрязнившись душой и телом,
как хорошо быть сторонним, внешним,
сказочным рыцарем в чем-то белом.
Белая нитка, кривая строчка…
Господи, в мире недоброй фальши
дай нам смотреть на других — и точка.
И зеркала убери подальше.

Сведения об авторах

Татьяна Адаменко (род. 1987, Днепропетровск). Окончила Медицинскую Академию, работает врачом лабораторной диагностики. Публиковалась в журналах «Реальность фантастики», «Меридиан», «Транзит».

Эдвард Бенсон (1867–1940). Известный английский писатель, автор более 60 романов, множества рассказов, а также биографических, мемуарных и документальных произведений. Некоторые его романы легли в основу телевизионных сериалов.

Александр Габриэль (род. 1961, Минск). Инженер-теплоэнергетик, кандидат технических наук. С 1997 г. проживает в США (Бостон). Автор стихотворных книг «Искусство одиночества» (2006) и «Эго-истины» (2009). Лауреат многих поэтических конкурсов, обладатель премии «Золотое Перо Руси» (2008).

Владимир Гопман (род. 1947, Москва). Окончил филологический факультет МГУ. Кандидат филологических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ. Автор сотен литературно-критических работ по различным проблемам отечественной и зарубежной фантастической литературы. Автор книги «Любил ли фантастику Шолом-Алейхем?» (2009) и монографии «Золотая пыль (Фантастическое в английском романе: последняя треть XIX–XX вв.» (2012).

Виталий Забирко (род. 1951, Артемовск). Окончил химический факультет Донецкого университета. Живет в Донецке, занимается литературной деятельностью. Свое первое фантастическое произведение опубликовал в 1972 г. («Сторожевой пес корпорации»). Автор романов «Все пули мимо», «Слишком много привидений», «Рай под колпаком» и др.

Наталия Ипатова родилась в Свердловске (ныне Екатеринбург). Окончила Уральский университет, работает программистом. В фантастике дебютировала в 1995 году. Автор книг фэнтези «Большое драконье приключение», «Король-Беда и Красная Ведьма», «Король забавляется» и др.

Ира Кадин родилась в Москве, но большую часть жизни прожила в Киеве. В Израиле с 1990 г. Программист. Любит путешествовать. В 1998 г. начала писать путевые заметки, затем перешла к рассказам. Автор книги «А вечером танцы» (2008).

Юрий Лебедев (род. 1949, Москва). Кандидат технических наук, доцент. Автор книг «Неоднозрачное мироздание» (2000) и «Многоликое мироздание» (2010), где обсуждаются проблемы

существования Мультиверса и его восприятия человеком в связи с многомировой интерпретацией квантовой физики Хью Эверетта. Автор статей в журналах «Наука и жизнь», «Знание-сила» и др.

Станислав Лем (1921–2006). Польский писатель, философ, фантаст и футуролог. Автор фундаментальных трудов «Сумма технологии», «Фантастика и футурология» и др. Автор фантастических романов «Магелланово облако», «Возвращение со звезд», «Солярис», «Глас Господа», «Непобедимый» и др., а также циклов новелл «Звездные дневники Ийона Тихого», «Сказки роботов», «Кибериада» и др. Книги Лема переведены на 40 языков.

Кирилл Луковкин (род. 1985, Баку). С 1990 г. живет в Ульяновске. Окончил Ульяновский педагогический институт по специальности «юриспруденция».

Михаил Максаков (псевдоним). Родился на Украине. Военный журналист, автор двух сборников стихов. Переводчик с английского, польского, чешского, словацкого и украинского. Сатирические рассказы и переводы публиковались в журналах «Новый мир», «Москва» и др.

Александр Медведев (род. 1966). Поэт, историк, в недавнем прошлом преподаватель философии, ныне путешественник. Автор стихотворного сборника «Цикута для философа».

Леонид Моргун (род. 1954, Баку). Дипломированный филолог. Первый фантастический роман «Резидент Галактики» опубликовал в 1987 г. С 1991 г. живет в Москве, руководит журналом «Фандет-экспресс». Автор фантастических романов, а также книг из области символики и эзотерики. Занимается издательским бизнесом.

Павел Околовский (род. 1963). Доктор философии, научный сотрудник Отделения философии религии Института философии Варшавского университета, автор книги «Материя и ценности. Неолукрецианизм Станислава Лема» и многих статей о философии С. Лема.

Наталья Резанова (род. 1959, Нижний Новгород). Литератор, редактор, эссеист. Автор книг в жанре исторической фэнтези и альтернативной истории.

Елена Соснина (род. 1966, Хабаровский край). Училась и работала в Ялте, Москве, Филадельфии, Бостоне. Живет в Нью-Йорке. По профессии танцовщица. Первое стихотворение сочинила в 19 лет.

Уильям Фрайр Харви (1885–1937). Родился в Йоркшире. Воспитывался в квакерских школах, изучал медицину. Во время Первой мировой войны был врачом в военно-морском флоте Великобритании, стал инвалидом. При жизни опубликовал три

книги о привидениях, книгу для детей «Кампрималгус», роман «Мистер Мюррей и букоки», книгу о своем детстве в квакерской семье и серию эссе «Кратчайшие пути квакера».

Семен Цевелев (род. 1983, Одесса). Окончил Одесский Национальный медицинский университет. Первый рассказ «Город Черной Птицы» опубликовал в 2006 г.

Валерий Цуркан (род. 1971, Алма-Ата). Живет в России. Первый рассказ написал в третьем классе. Серьезно занялся прозой в 2009 г.

Михаил Шульман (род. 1946, Москва). Окончил Московский энергетический институт, работал программистом в области диагностики газотранспортного оборудования. Независимо занимался проблемами космологии и квантовой теории.

Виктор Язневич (род. 1957). Кандидат технических наук (компьютеры и информатика). С 1999 г. переводит на русский язык философско-публицистические работы и рассказы С. Лема. Составитель и переводчик многих сборников произведений С. Лема, автор более 30 статей о творчестве С. Лема.

notes

Примечания

1

Жизнь коротка, искусство вечно (лат.).

2

Гейс — заклятье, грозившее попавшему под него всяческими неприятностями при нарушении.

3

Лиа Фаль — камень королей, который кричит, когда на него встает истинный король.

4

Согласно версии мифа, Миах был убит Диан Кехтом из зависти к талантам покойного.

5

Самилданах — искусный во всех ремеслах, мастер на все руки.

6

Фидхелл — игра наподобие шахмат, считалась игрой мудрецов и королей, Нуаду испытывает Луга как стратега.

т. е. непримиримым противостоянием сил добра и зла (*здесь и далее в квадратных скобках примечания переводчика*).

в русском переводе «Народоубийство», см. «Лем С., Библиотека XXI века». — М.: АСТ, 2002, с. 441–482 *(примечание переводчика)*.

9

см. «Так говорил… Лем». — М.: АСТ, 2006, 764 с. *(примечание переводчика)*.

10

«Willkomen im Affenhaus». — Basel: Beltz & Gelberg Verlag, 1984, s.229–236; название сборника одноименно содержащемуся в нем рассказу Курта Воннегута, среди авторов Брайан Олдисс, Фредерик Пол, Славомир Мрожек, Дмитрий Биленкин и др. *(примечание переводчика)*.

оправдания Бога *(примечание переводчика)*.

согласно которой зло как таковое не существует, а представляет собой лишь отсутствие должного быть блага *(примечание переводчика)*.

13

см. «Лем С., Библиотека XXI века». — М.: АСТ, 2002, с. 303–438 *(примечание переводчика)*.

связанным с конечными судьбами мира и человека *(примечание переводчика)*.

о спасении *(примечание переводчика)*.

возвращение всех вещей в первоначальное состояние *(примечание переводчика)*.

возвращение всех вещей в Бога *(примечание переводчика)*.

37,8 градуса Цельсия. (*Прим. переводчика*).

Окуджава Б. Стихотворения. М., 1989. С. 11.

Мирер А. Дом скитальцев. М., 1976.

21

Торо Г. Уолден, или Жизнь в лесу. М., 1979. С. 30.

22

Мирер А. Наперекор судьбе. Советская библиография.-1990. № 6. С. 42.

23

Отдельным изданием повесть вышла в 1990 г. в Краснодаре благодаря городскому КЛФ «Стажеры».

Розанов В. Уединенное. М., 1990. С. 331.

25

Впоследствии эти книги были опубликованы издательством «Текст» (и вновь наши с АИ пути пересекались — я работал с ним в «Тексте» в 1990-е гг.): Зеркалов А. Евангелие Михаила Булгакова. М., 2003; Зеркалов А. Этика Михаила Булгакова. М., 2004.

Зеркалов А. Евангелие Михаила Булгакова. С. 190.

27

Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Собр. соч. в 12 т. Т. 1. М., 1991. С. 235.

Русскоязычный читатель может найти переводы всех упомянутых материалов на моем сайте по ссылке: http://www.timeorigin21.narod.ru/rus_translation/rus_translation.html